ГОРАЦИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ACADEMIA

ГОРАЦИЙ

ACADEMIA

Q. HORATI FLACCI

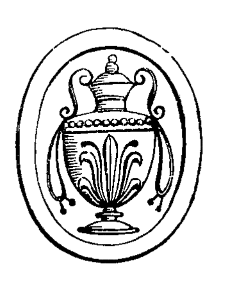
OPERA OMNIA

A C A D E M I A
1 9 3 6

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРИМЕЧАНИЯМИ
Ф. А. ПЕТРОВСКОГО
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
СТАТЬЯ
В. Я. КАПЛИНСКОГО



ACADEMIA
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

*Титульные листы и заставки —
гравюры на дереве Н. П. Дмитревского
переплет по его же рисунку.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание сочинений Горация является первым полным собранием произведений римского поэта, переведенных размерами подлинника. Большинство переводов печатается впервые. Из старых переводов, не считая переводов А. П. Семенова-Тян-Шанского, некоторых переводов од Н. С. Гинцбурга и одного перевода Ф. Е. Корша, в настоящее издание включены переводы сатир и «Науки поэзии» М. Дмитриева, изданные в 1853 и 1858 годах. В переводы Дмитриева внесены некоторые исправления, сделанные самим переводчиком в экземпляре, хранящемся в библиотеке Московского государственного университета; этот экземпляр переводов Дмитриева с собственноручными его исправлениями был найден для нас сотрудником библиотеки МГУ В. В. Сорокиным, за что редакция выражает ему благодарность. Те части сатир, которые не были переведены Дмитриевым, дополнены для настоящего издания Н. С. Гинцбургом — всего 146 стихотворных строк.

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

I

В 1935 г. исполнилось 2000 лет со дня рождения знаменитого поэта Августовской эпохи — Квинта Горация Флакка. Гораций — член литературного кружка Мецената, ближайшего помощника главы государства Августа; он — сторонник и певец нового режима. Творчество Горация — сплошь конкретно; его произведения — многочисленные стихотворения «на случай», воспевающие не столько теорию, сколько практику Августовского режима. Гораций, с великим мастерством разрабатывавший специально малые литературные жанры — сатиру, оду, послание — дал им впервые в Риме совершенную форму.

Извилистый общественный путь Горация, приведший его «из ничтожества к величию», его разнообразная поэтическая деятельность в области различных малых форм — ставят перед комментаторами немало всякого рода вопросов. При всей определенности своих общественно-политических позиций (если о них говорить в общем, это поэт-цезарист), Гораций, в своих литературных произведениях, сложен, противоречив и пестр; особенно шатки его политические высказывания. Недаром Энгельс сопоставлял его с Гейне: «Старик Гораций напоминает мне местами Гейне, который многому у нас научился, а в политическом отношении был по существу таким же прохвостом. Представьте себе этого честного человека, бросающего вызов в vultus instantis tyrynni (лицо присутствующему тирану) и ползающего на брюхе перед Августом. Помимо этого, старый похабник все же бывает очень милым» (Энгельс — Марксу, 21 декабря 1866 г. Соч., XXIII, стр. 390).

Присмотримся же ближе к жизни и поэтической деятельности Горация.

Квинт Гораций Флакк родился 8 декабря 65 года до н. э. в Венузии (на юге Италии, у границы Апулии с Луканией). Его отец был вольноотпущенник, у которого близ Венузии было небольшое поместье. Детство поэта протекало среди природы, любовь к которой сохранилась у него на всю жизнь. О матери Гораций не упоминает; по всей вероятности она рано умерла. Зато он много говорит о своем отце и полученном от него воспитании. Прекрасно понимавший цену образования, не довольствуясь скромной венузийской школой некоего Флавия, любящий отец повез сына в Рим, чтобы он мог получить там такое

образование, какое получала молодежь социальных верхов — дети всадников и сенаторов. В школе строгого Орбилия Гораций изучает Гомера; упоминает он и других учителей. Но наставником жизни явился сам отец. Работая в Риме аукционным сборщиком, он все свое время и все средства отдавал воспитанию сына. В одной из сатир (I 6) Гораций с большой любовью и уважением говорит о заботах отца, называя его «неподкупнейшим стражем» своей юности.

Желая завершить образование сына, отец отправил его в Афины. Здесь Гораций, вместе с молодыми представителями знатных римских семей, занимался философией. Это была преимущественно этическая философия (стоическая и эпикурейская), широко развившаяся со времен эллинизма. Здесь же в Афинах Гораций прикоснулся к «нетронутым источникам» греческой поэзии — к произведениям классической эпохи, в то время как в Риме в ту пору успехом пользовалась поэзия более новая, александрийская.

Так прошли первые двадцать лет жизни поэта (поездка в Грецию относится к 45 году до н. э.). Воспитанный отцом, стремившимся поднять сына до верхов общества, давшим ему то же самое образование, какое получали и аристократы, — молодой Гораций в сложной, общественно-политической действительности Рима того времени (борьба денежных кругов, мобилизовавших демократию, против аристократической республики) придерживался аристократических взглядов. Когда, после убийства Юлия Цезаря в 44 году, разгорелись войны, решившие участь республики и господства аристократии, оказалось, что Гораций стоит на стороне староримских республиканских традиций и сенатского нобилитета.

Вскоре после гибели Цезаря, Брут и Кассий прибыли в Афины и кругами, сочувствовавшими республике, были встречены как герои-тираноубийцы. Вместе с другими к ним примкнул и Гораций. Он был даже принят, несмотря на свое происхождение, в командный состав (tribunus militum) и под знаменами республиканцев находился до 42 года, когда в сражении при Филиппах республиканские войска были разбиты. Среди бежавших с поля битвы был и Гораций. Римское государство оказалось в руках Октавиана (будущего Августа) и Антония.

Дело аристократической республики для Горация не было, однако, кровным делом. Его участие в гражданской войне не было защитой, с оружием в руках, исконных интересов своего класса, и сын вольноотпущенника был очень далек от того, чтобы исповедывать до конца стоически-республиканскую мораль и героически бросаться на меч. Вернувшись в Рим, Гораций решительно меняет вехи. Оторванный от своих литературных занятий и поставленный лицом к лицу с суровой практикой гражданской войны, он быстро осознал, в чем заключаются, в создавшейся общественно-политической обстановке, интересы тех средних социальных групп, к которым он принадлежал. Это — мир и спокойствие под эгидой победившей стороны. Устроившись на службу по финансовой части (квесторским писцом), Гораций принимается за литературную деятельность, стремясь реализовать приобре-

тенные в школьные годы познания, тем более, что отцовское имение (отец тем временем умер) было конфисковано и пошло в наделы ветеранам победивших армий.

Вспоминая впоследствии о начале своей литературной деятельности, Гораций в одном из посланий (II 2, 51) сообщает, что писать стихи его побудила «дерзкая бедность». Его ранние произведения очень определенны по своим общественно-политическим установкам. Так, написанная первой, 7-я сатира 1-й книги, описывающая, как в 43 году, в Клазоменах, перед претором Брутом судились двое — Персей и Рекс, и как первый, играя словами Rex — имя и rex — царь), воскликнул: «О Брут, благородный, ты, который с царями справляться привык, для чего ты этого терпишь?» звучит актуальным политическим анекдотом, связанным с убийством Цезаря. Так, ранние эподы (7-й и 16-й) взывают к гражданскому миру. «Вот уже два поколенья томятся гражданской войною!» — «Куда, куда вы валите, преступники, мечи в безумьи выхватив!» — восклицает поэт.

Подобные литературные выступления Горация обратили на себя внимание сторонников Октавиана и, в первую очередь, Мецената. Гай Цильний Меценат, имя которого уже в древности сделалось нарицательным, сыграл огромную роль в организации литературного кружка сторонников нового режима. Находясь при Октавиане с 43-го года, Меценат до самой своей смерти был ближайшим советником и преданнейшим его другом, оказав ему в управлении страной целый ряд важных услуг. Но важнейшим его делом было умелое привлечение на сторону Августа литературных талантов. Так, можно думать, что именно Меценат содействовал тому, чтобы Август возвратил Вергилию имение, конфискованное вскоре после битвы при Филиппах. Литературные друзья Мецената, Вергилий и Варий (известный эпик и трагик того времени) представили Горация Меценату. Это важное в жизни нашего поэта событие относится к 38 году до н. э. Вот как об этом рассказывает сам Гораций (Сат. I 6): «Вергилий, муж превосходный, и Варий — тебе (Меценату) обо мне рассказали. В первый раз, как вошел я к тебе, я сказал два-три слова... Просто сказал я, кто я. Ты ответил мне тоже два слова; я и ушел. Ты меня через девять уж месяцев вспомнил, снова призвал и дружбой своей удостоил».

Итак, с 38 года Гораций — член кружка Мецената. Изображение новой общественной обстановки дает сатира, где поэт описывает поездку Мецената, в сопровождении друзей, в Брундизий (I 5). Меценат ехал с политической целью — содействовать переговорам Августа с Антонием. Это было вскоре после указанного «принятия» Горация в кружок Мецената. Выехав из Рима с ритором Гелиодором, Гораций встречает в Анксуре Мецената, с которым ехали Луций Кокцей Нерва (видный политический деятель) и Гай Фонтей Капитон (сторонник и друг Антония). В Синуэссе к Меценату присоединились Вергилий и его друзья — Варий и Тукка.

Находясь в кружке Мецената, Гораций общался с целым рядом виднейших людей эпохи. Десятилетие после битвы при Филиппах (годы 40—30) в общественно-

политическом отношении было временем дальнейшей борьбы Октавиана за единовластие, которая закончилась победой над Антонием при Акциуме (31 г.). Одновременно с этим шла борьба за упрочение победы над республиканской партией.

В связи с этим в культуре и в частности в культуре литературной шел очень сложный процесс, в котором немалая роль выпала на долю Горация.

Произведения Горация, относящиеся к указанному времени, образуют первый период его творчества. Это, во-первых, первая книга сатир (10), законченная около 35 года, во-вторых, книга эподов (17), охватывающая период от 41 до 30 г. и, в-третьих, вторая книга сатир (8), законченная в 30 году.

Первая книга оатир (литературной общественности Рима они, как и другие произведения, становились известными по написании, до издания сборником), содержит обширный боевой общественно-литературный материал. Как было уже замечено, защитники гибнущей республики в области философии держались стоицизма, с его учением о долге, мудрости, которая делает человека настоящим царем, и т. д. Сатиры Горация, в которых он высмеивает ригорические парадоксы стоиков, должны расцениваться поэтому не как далекое от жизни отвлеченное философствование, а как весьма актуальные общественно-политические высказывания. Также полны актуальности призывы нашего поэта довольствоваться тем, что уже имеется, отказываясь от погони за денежным могуществом, причем он смешивает накопление вещей и накопление денег. * Сближение Горация, сына вольнотпущенника, с правительственными кругами вызвало немало толков, особенно в среде сторонников аристократии. Защищаясь от этих толков, Гораций с большим тактом рассказывает о себе и о Меценате. Ему ставят в вину «дерзкое» отношение к литературе республиканского прошлого, в частности к предшественнику в области сатиры Луцилию — и Гораций умело ведет литературную полемику.

Написанная несколькими годами позже, вторая книга сатир носит иной характер. Для времени большего упрочения новой власти и большей определенности общественного положения самого поэта характерно, что Гораций оставляет изложение от себя и ведет его теперь при посредстве диалога, через других лиц.

---

* См. об этом Маркс, «К критике политической экономии»:

«202. Накопление овец делает меня пастухом, накопление рабов и земли делает необходимыми отношения господства и подчинения и т. п.

Прим. 1-е. Гораций, следовательно, ничего не смыслит в философии собирания сокровищ, когда говорит:

Если кто лиры скупает, музыки вовсе не зная,
Ежели кто собирает колодки башмачные, шила,
Сам же совсем не башмачник, или кто парусы, снасти
Может в запасе хранить, отвращенье имея к торговле,
Тот безумный, по мнению всех. А разумнее ль этот
Скряга, что золото прячет свое и боится, припрятав,
Тронуть его, как будто оно какая святыня».

Темы, в основном, остаются те же: доведение до абсурда стоических парадоксов проповедь довольства тем, что дает судьба, и т. д.; даются также интересные бытовые зарисовки. Одна из сатир носит характер идиллии (6-я); в ней восхваляется прелесть деревенской жизни. Написана она под живым впечатлением проживания Горация в поместье, которое он получил, примерно, в 33 году в подарок от Мецената (у Горация с ним сложились дружественные отношения). Размером приблизительно в 60 га с 5 дворами, сдававшимися в аренду, и 8 рабами, расположенное в красивых Сабинских горах (недалеко от Тибура), это имение, дававшее поэту известное материальное обеспечение, осуществило его давнишние мечты, оживив воспоминания детства. проведенного в скромном владении отца.

Что касается книги эподов, то в этом небольшом сборничке стихотворений, Гораций продолжает традицию греческой лирики, именно — Архилоха. Об эподах с призывами к гражданскому миру уже говорилось; можно, кстати, заметить, что одно место 7-го эпода приводит Маркс, говоря о вредоносной политике Англии (Капитал I, изд. 1932, стр. 571); в одном из позднейших эподов говорится о битве при Акциуме; некоторые касаются отношений с Меценатом; ряд стихотворений имеет личный характер. Для литературно-общественных позиций автора показателен эпод — напутствие врагу Вергилия — Мевию, полный самых резких нападок.

Таков первый период творчества Горация.

31-й год (победа при Акциуме), является началом единодержавия Октавиана. Если после битвы при Филиппах (42 г.) стало ясно, что Рим республикой не будет, то последний тур гражданской войны решил вопрос о единовластии в пользу племянника Цезаря. Средние слои римского общества, и ранее склонявшиеся к монархизму, увидели в Августе умиротворителя государства и поспешили приветствовать счастливого победителя. Характерно, что Гораций, в первой книге сатир еще не восхваляющий Августа лично, во второй уже делает это. Десятилетие, последовавшее за Актийской битвой (годы 30—20), в римской общественности отмечено широким укреплением авторитета новой власти. Яркое отражение наступивших изменений в общественной жизни Рима мы находим в произведениях Горация этого времени. В центре второго периода его творчества стоят первые три книги (88 стихотворений), изданные в 23 году. После борьбы с республиканизмом, нашедшей свое выражение в сатирах, следует лирика, в которой поэт воспевает наслаждение благами мирной жизни, созданной любезной его сердцу властью.

Философская сторона од очень характерна. Борясь в сатирах с республиканизмом, Гораций противополагал республиканскому стоицизму философию Эпикура, т. е. учение о принятии жизни без требовательного ригоризма в интересах личного спокойствия. В одах эпикуреизм Горация принимает новый оттенок; подчеркивается активная сторона эпикуреизма (знаменитое «пользуйся днем» — carpe —

diem); житейский эстетизм становится правилом поведения. С другой стороны меняется и отношение к стоицизму. Новая власть Августа стремилась развить свою собственную государственную философию долга — и стоические идеи используются ею в полной мере. Снова говорится о добродетели, но не республиканской, а о добродетели граждан, преданных новому строю; снова говорится об исконном римском духе, но понимается под ним готовность служить Августу. Мы видим здесь любопытное смешение мотивов эпикуреизма и стоицизма; Гораций говорит о бесстрашии перед тиранном, как о свойстве, присущем приверженцу Августа. Именно по этому поводу Энгельс делал выше сопоставление Горация с Гейне, называя их в политическом отношении прохвостами (см. выше).

Содержание од далеко не исчерпывается, однако, мотивами стоической государственности (см. особенно знаменитые «римские» оды начала 3-ей книги) и проповедью эпикурейской «золотой середины». Поэт развивает множество личных тем. Перед нами проходят его друзья (ода на возвращение в Рим товарища молодых лет, II 7); описываются прелести природы (III 13); воспеваются радости любви, молодость и красота (ряд од, среди них — II 4, 5, 8 и др.). В одах, посвященных любви, это чувство трактуется без излишней скромности и без чрезмерной игривости; изящная простота и естественность характеризует эти стихотворения.

Особый интерес возбуждают те оды, в которых поэт говорит о себе и о своих достижениях в поэзии. Знаменитейшей из них является, конечно, «Памятник», последняя ода сборника (III 30), где Гораций, ставя себе в заслугу перенесение древнегреческой лирики в Рим, говорит о своем бессмертии.

Написанные тщательно отделанным языком, в самых разнообразных размерах, оды принесли Горацию большую славу. Автор двух книг сатир, книги эподов и трех книг од, Гораций делается, на ряду с Вергилием, виднейшим поэтом. Несколько забегая вперед, скажем, что в 17 году до н. э. для возобновленных после перерыва, обусловленного гражданскими войнами, юбилейных государственных празднеств, официальный гимн был заказан именно Горацию. Также сообщим, что еще через несколько лет (в 13 г. до н. э.) была издана 4-я книга од, воспевающая подвиги пасынков Августа — Тиберия и Друза. Сам Август в одах воспевается не раз. Что же касается Мецената, то с ним связано больше десяти стихотворений, ясно показывающих дружбу поэта с другом Августа. Видеть в этой дружбе подобострастие Горация отнюдь не приходится: когда Меценат позволил себе слишком настойчиво предлагать поэту сократить свое пребывание вне Рима, Гораций решительно заявил, что свобода для него дороже всяких подарков (Послание I 7).

«Послания» составляют основу третьего и последнего периода творчества Горация. Боевую сатиру он оставил уже раньше; теперь он стремится оставить и лирику; его интересы лежат в области житейской философии и литературной критики. Гораций берет на себя миссию руководителя современной литературы от

лица старшего поколения поэтов, придерживающихся правительственной ориентации.

Первая книга посланий, состоящая из 20 стихотворений, написана в годы 23—20 до н. э. Ряд посланий, напоминающих настоящие письма, написан по разным житейским поводам: поэт хлопочет за своего друга перед Тиберием, приглашает на обед юриста Торквата по случаю кануна дня рождения Августа (IX 5). Другие же в форме писем трактуют вопросы житейской философии, проповедуя сдержанность (nil admirari), отказ от шумной политики ради тихой сельской жизни и другие темы, развиваемые в духе философского эклектизма (VI 10 и др.). В отличие от сатир, в которых Гораций обращается к широкому кругу читателей, послания рисуют нам поэта в «своем» кругу, среди виднейших лиц, близких ко двору Августа. Поэт стремится развлечь и самого принцепса, давая ряд шутливых советов одному знакомому, которому он поручил представить Августу свои оды (13).

Вторая книга посланий (три стихотворения), относящаяся к годам 19—14 до н. э. посвящена вопросам литературной критики. Особенно подробно развиты соображения о литературе в «Послании к Пизонам». Гораций останавливается в этом послании на целом ряде вопросов композиции и лексики, дает подробные указания насчет драмы. Главная его мысль — о необходимости литературного мастерства. отделки произведений. Одного таланта недостаточно; наставительность в соединении с изяществом изложения, знаменитое соединение «полезного с приятным» — вот цель поэзии; идеал Горация — poëta sanus, «поэт здравого смысла», взвешивающий свои силы, обдумывающий свои произведения, отдающий их на суд избранным знатокам.

В дошедшей до нас биографии Горация, составленной автором II в. н. э. Светонием, рассказывается, что Август, недовольный малым упоминанием о себе в его «беседах», заявил поэту: «Уж не боишься ли ты обесславить себя в потомстве, если выкажешь себя нашим другом?» и что Гораций ответил на это сочинением специального «Послания к Августу» (II 1). В нем Гораций, полемизируя с любителями литературной старины и критикуя недостатки современной литературы, восхваляет поэзию, как искусство, могущее достойным образом воспевать деяния правителей.

О тесной дружбе, соединявшей Горация с Меценатом и многократно засвидетельствованной в произведениях поэта, уже говорилось. Можно добавить, что, умирая, Меценат просил Августа помнить о Горации, как о нем самом. Что же касается отношения к Горацию Августа, то оно явствует (об этом рассказывает Светоний) из предложения принцепса, сделанного поэту, стать его секретарем — пост, от которого осторожный Гораций уклонился. Тот же Светоний сообщает, что Август предсказывал произведениям Горация вечную славу.

Близость к главе государства и дружба с ближайшим советником Августа — Меценатом давали Горацию высокое положение официального поэта, особенно в последнее десятилетие его жизни, когда Вергилия уже не было в живых. Как и Вергилий, Гораций — придворный поэт, поэт-цезарист. Недаром К. Маркс в одном из своих писем к Энгельсу, желая характеризовать общественную позицию немецкого поэта и переводчика Боденштедта и автора эстетики — Фишера, называет их «Горацием и Вергилием Вильгельма I» (Маркс и Энгельс, Сочинения, XXIV, стр. 549).

II

Самые последние годы жизни Горация не отмечены созданием новых произведений. Умер он вскоре после Мецената, 27 ноября 8 года до н. э.

Таков жизненный и творческий путь Горация. Области литературы, в которых он выступал, — сатира, ода, послание. Остановимся более подробно на вопросах, связанных с этими поэтическими жанрами.

Известно выражение учителя красноречия императорского Рима Квинтилиана: «Сатира — вся наша» (т. е. Рима, а не Греции). Действительно, хотя в греческой литературе мы имеем многообразные проявления сатирического творчества (вспомним хотя бы гениальные комедии Аристофана), но сатира, как особый вид литературы, была развита именно в Риме. Первоначально словом «сатура» (satura) называлась «смешанная» литература, литературная смесь («смешанное» блюдо — род винегрета — у римлян называлось satura lanx; известно применение слова satura к законопроектам, включавшим разнообразные статьи). Такой литературной «смесью» были, например, «Сатиры» Энния (III—II в. до н. э.). Позднее мы имеем сатиру уже в более развитом виде.

Таким образом Гораций не явился первым сатириком. Он имел предшественников, знаменитейшим из которых был Луцилий. Однако, подражателем или даже продолжателем Гораций не был. Он развил новый тип сатиры, отличный от Луцилиевой, как по своим идейным устремлениям, так и по литературным качествам.

Луцилий (180—102 до н. э.), принадлежавший к кругам либеральной аристократии, сторонник нобилей, нападал в сатирах на различные общественные явления, на отдельных виднейших лиц, являвшихся противниками кружка Сципиона. Сатира Луцилия, полная личных нападок, носит часто характер инвективы; с большой резкостью и откровенностью поэт излагает свои суждения, мало заботясь о тщательной отделке своих произведений. Написанные не специально в гекзаметрах, а еще по старинке — в разных метрах, языком, изобилующим смешением греческих и римских слов, простонародными формами, а порой и непристойностями, сатиры Луцилия (сохранившиеся до нас только в отрывках) показывают нам поэта смелого, темпераментного, живого, поэта конкретной тематики.

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

Иное дело — Гораций. Скромный сын вольноотпущенника, связавший было свою судьбу с делом республики и быстро изменивший политическую ориентацию, писатель, выступивший в том периоде культурного развития Рима, когда широчайшее распространение получили философские системы, современник и участник крупных исторических событий, Гораций в своих сатирах выступает преимущественно по общим, философско-политическим вопросам, используя сочинения моральной философии — напр., диатрибы Биона Борисфенита (III в. до н. э.). Гораций — не трибун и не цензор нравов; практичный и наблюдательный, хорошо знающий жизнь и свое место в ней, он дидактичен без потери личного тона и личен без инвективности. Его стиль далек от всякой риторики; он соединяет легкость разговорного языка с сдержанным изяществом богатой языковой культуры. Строение гекзаметров в сатирах Горация отнюдь не противоречит их содержанию; в них отсутствует величие гекзаметров героических поэм. Стихотворная техника поэта, его язык, строй его идей образуют мастерское единство.

В литературно-общественных боях, которые были особенно жарки в период образования принципата Августа, противники новой власти и литературы, ее поддерживающей, настойчиво противопоставляли новому все старое; в частности, в области сатиры Горацию противопоставляли любезного их сердцу Луцилия.

Следы этих общественно-литературных споров ясно видны в сатирах Горация.

Так, в 4-й сатире 1-й книги Гораций, характеризуя Луцилия, указывает на необработанность его стиха (он-де диктовал стихов по двести в час), на «мутность» его изложения; отделяя сатиру от «высокой» поэзии, Гораций высказывается, что его цель — чуждое личной предвзятости нравственно-житейское поучение. В 10-й сатире той же 1-й книги поэт дает объяснения по поводу своей критики Луцилия. Выводя воображаемого сторонника Луцилия, Гораций вступает с ним в спор, доказывая необходимость тщательной отделки произведений и представления их не на суд толпы, а на суд знатоков. Перечисленные поэтом имена покровителей и литературных друзей ясно показывают его литературно-политические позиции.

Общие вопросы сатирической поэзии подняты Горацием в 1-й сатире второй книги, являющейся, по существу, заключением его деятельности как сатирика. Мысли развернуты в виде диалога автора с юристом Требацием. Снова фигурирует Луцилий, указывается его дружба со Сципионом, говорится о поддержке, которую он получал от своих друзей. Требаций упорно советует перестать писать сатиры, а заняться воспеванием деяний Августа.

Римская литература знала сатириков и в послеавгустово время. Известнейшим из них был, полный общественного негодования, Ювенал, чье имя стало даже нарицательным. Но Гораций явился классиком философско-моральной сатиры, сатиры житейско-дидактической. Этот характер Горациевой сатиры обусловил ее влияние, — из литературных направлений нового времени, — в первую очередь на сатиру придворного стиля, стиля классицизма.

Что касается достижений Горация во второй области его поэтической деятельности, в области лирической поэзии, то о них говорит сам поэт в той своей оде, которая обычно называется «Памятник» (III 30). Однако, его краткие слова требуют разъяснения. Поэт говорит там о себе, что он первый перенес «Эолийский напев в песнь италийскую»; ту же мысль высказывает он и в других своих сочинениях (напр. Послание I 19). В какой мере справедливо это утверждение?

Характеризовать, хотя бы кратко, всю историю лирической поэзии римлян до Горация нет необходимости. Остановиться нужно на той школе лирических поэтов, которая непосредственно предшествовала Горацию и явилась, в сущности, первой большой поэтической школой. Мы разумеем так называемых «неотериков» (буквально — «более новых»).

Расцвет этой школы падает на середину I в. до н. э. Принадлежавшие к ней римские поэты опирались не на классическую греческую литературу, а на более новую, на александрийскую. Выискивались редкостные мифы для обнаружения учености; писались мелкие вещи пестрой тематики, связанные с отдельными жизненными случаями. Эта поэзия развивалась в среде аристократов и аристократической богемы; сторонники республики, неотерики не очень жаловали Цезаря и подобных ему политических деятелей. Превосходным поэтом этой группы был Катулл (87—44 до н. э.), человек горячего литературного дарования. Следует отметить, что в своих стихотворениях он применяет сапфическую строфу, позднее широко использованную Горацием.

Заявление Горация о своем первенстве в перенесении на италийскую почву греческой лирики является преувеличением, если судить формально. Но, по существу. Гораций прав, поскольку до него в римской литературе лирика действительно не была развернута так широко тематически и так блестяще формально. Горацию, как автору од, образцом для подражания служили не александрийцы, а греческие лирики VII—VI вв. до н. э. (Алкей, Сафо и др.; в эподах — Архилох).

Оды Горация отнюдь не представляют собой просто переводов с греческого, хотя и такое усвоение римской литературой многообразия лирических форм и размеров греческой лирики было бы большим достижением. Но у Горация все богатство греческой лирики прошло через горнило глубокого самостоятельного творчества, несколько холодного из-за отсутствия искренности, но тщательно взвешенного на ювелирных весах тонкого мастерства. Поэт обращается со своими произведениями не к широким читательским массам, а к избранным знатокам и ценителям поэзии. Единство разнообразных лирических стихотворений Горация — в их изысканности, аристократизме. Не проклиная мрачной жизни и не горя, с другой стороны, юной непосредственностью, Гораций эстетически-эпикурейски приемлет действительность, украшая своим творчеством культуру правящих кругов. Работа над формой приводит его к эффектным результатам. Недаром первые 11 од он написал каждую особым стихотворным размером, блистая своей техникой. Эта сторона Го-

рациева творчества вызывала справедливое восхищение; поэт века Августа, Овидий, характеризуя Горация, называет его numerasus, т. е. богатый размерами.

Замечательна также работа Горация над стилем. Изысканное благородство его языка — результат «счастливого старания», как писал о поэте Петроний, автор I в. н. э.).

Гораций, как автор од, сумел создать, не имея прямых предшественников в римской литературе, первоклассную лирику, богато использующую нетронутое до него литературное наследие. Его заслуги в области лирической поэзии особенно велики. Влияние Горациевой лирики распространилось преимущественно на поэтов Возрождения, в его аристократических устремлениях (напр., французская «Плеяда» XVI в.) и на поэтов, принадлежащих к направлению классицизма (ср. сказанное о сатирах). Мы говорим «преимущественно», ибо значение Горациевой лирики в литературе нового времени вообще было очень большим.

Если как сатирик Гораций имел предшественников среди римлян (Луцилий), а в своих одах использовал богатую литературную традицию греков, то в третьей области своего творчества («Послания») он оказался, можно сказать, создателем нового вида литературных произведений. Дело в том, что в греческой литературе до Горация этот вид поэзии не культивировался; позднейшие греческие опыты в этой области сложились уже под римским влиянием, в частности под влиянием «Посланий» Горация. Что же касается литературы римской, то мы имеем сведения об очень скромном развитии поэтической эпистолографии до Горация.

Так, известно, что Муммий, во времена третьей Пунической войны, писал друзьям послания в стихах, но это осталось частным делом, поскольку письма его не вышли особой книгой, а остались лежать в домашнем архиве; применение формы письма наблюдается местами у Луцилия; одно из стихотворений Катулла имеет также форму письма. Однако все это, отнюдь, не может считаться установившейся литературной традицией. Мы не упоминаем здесь о многочисленных письмах Цицерона, ибо они, как известно, написаны прозой.

Таким образом, Гораций первый развил поэтическое послание, как особый вид литературных произведений, проявив в этом отношении огромную творческую самостоятельность и силу.

О содержании «Посланий» говорилось уже ранее. Здесь можно отметить стилистические достижения поэта. «Послания» или, как их называет Гораций, «беседы», трактующие частные случаи жизни в общем, дидактическом аспекте, изобилуют сентенциями, в которые отливалась практическая мудрость поэта. По заявлению одного историка литературы, кроме гетевского «Фауста» вряд ли можно найти еще произведение, которое стояло бы рядом с «Посланиями» Горация по обилию так называемых крылатых речений.

Значение «Посланий» Горация в римской литературе особенно важно тем, что он разбирает в них вопросы поэтического творчества, к одной своей заслуге —

упрочению в римской литературе нового вида поэтических произведений присоединяя вторую — разработку проблем поэтики. «Послание к Пизонам», справедливо названое «Наука поэзии» (De arte poëtica), обычно упоминается, когда речь идет о литературной теории древних, на ряду со знаменитой «Поэтикой» Аристотеля.

Сопоставление этих двух произведений весьма поучительно для выяснения общественно-литературных позиций Горация. «Поэтика» Аристотеля основана на внимательном изучении классической греческой литературы, в особенности V века до н. э., века афинской демократии. В ней приводятся в систему наблюдения над этой литературой, поднимаются общие вопросы о существе поэзии. «Поэтика» Аристотеля имеет не столько нормативный, сколько исторический и философский характер. Гораций писал свое «Послание к Пизонам» в эпоху Августа, отделенную от Аристотеля тремя столетиями сложного культурного и литературного развития римской литературы на основе предшествующей греческой. Вопросы использования греческих образцов, внимательно обсуждаемые Горацием, настойчиво ведут автора к положениям нормативного характера. Общее устремление Горация к созданию искусства, достойного правления Августа, — устремление поэта-цезариста направляет его внимание преимущественно на вопросы литературной формы.

Умиротворенная сатира, официально-блестящая лирика, наставительное послание — все эти достижения поэтической деятельности Горация, сердцевиной которой является приятие Августовской действительности и отдача сил на ее прославление и украшение, в рассуждениях о поэзии обобщаются и поднимаются на теоретическую высоту. Стилевое единство творчества находит свою формулу в теоретической поэтике.

И если сатиры, оды и послания Горация оказывали могучее воздействие на литературу нового времени, особенно на литературу возрожденского эстетизма и последующего, с ним тесно связанного, классицизма, то «Поэтика» Горация сделалась основополагающим руководством по поэтическому искусству для теоретиков этого времени. Из них в первую очередь нужно назвать, конечно, Буало, автора «Поэтики», настойчиво использующей «Послание к Пизонам» Горация.

Ближайшие столетия после смерти Горация были столетиями распада Римской империи. О наступлении этого распада рабовладельческого общества возвестили громовые раскаты восстаний рабов в I веке до н. э. Певец той большой группы рабовладельцев, которая вышла победительницей к концу этого века, Гораций, с его воспеванием «властей предержащих» и формализмом, на который справедливо указывал Н. Г. Чернышевский (см. его «Эстетические отношения искусства к действительности» и рецензию на перевод од Горация, сделанный Фетом), стоит перед самым началом конца древнего Рима. Так, в свете исторической перспективы, можно осмыслить личность и художественное творчество Горация.

В. КАПЛИНСКИЙ.

ГОРАЦИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

О Д Ы

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Славный внук, Меценат, праотцев царственных,
О отрада моя, честь и прибежище!
Есть такие, кому высшее счастие
Пыль арены дает в беге увертливом

Раскаленных колес: пальма победная
Их возносит к богам, мира властителям.
Есть другие, кому любо избранником
Быть квиритов толпы, пылкой и ветреной.

Этот счастлив, когда с поля ливийского
Он собрал урожай в житницы бережно;
А того, кто привык плугом распахивать
Лишь отцовский удел, — даже и Аттала

Всем богатством, увы, в море не выманишь
Кораблем рассекать волны коварные.
А купца, если он, бури неистовой
Устрашася, начнет пылко расхваливать

Мир родимых полей, — вновь за починкою
Видим мы корабля в страхе пред бедностью.
Есть иные, кому с чашей вина сам-друг.
Любо день коротать, лежа под деревом

Земляничным, в тени ласковой зелени,
Или у родника вод заповеданных.
Многих лагерь манит, — зык перемешанный
И рогов, и трубы, и ненавистная

Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая,
Всё охотник в лесу, — лань ли почуяла
Свора верных собак, сети ль кабан прорвал.

Но меня только плющ, славных отличие,
К вышним близит, меня роща прохладная,
Там, где Нимф хоровод легкий с Сатирами,
Ставит выше толпы, — только б Евтерпа лишь

В руки флейты взяла, и Полигимния
Мне наладить пришла лиру лесбийскую.
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову.

КНИГА ПЕРВАЯ

2

Вдосталь снега слал и зловещим градом
Землю бил Отец и смутил весь Город,
Ринув в кремль святой огневые стрелы
Гневной десницей.

Страх навел на все племена он, вновь бы
Грозный Пирры век не настал, смущенной
Чудом: вот Протей свое стадо гонит
К горным высотам;

Стаи рыб стоят на вершинах вязов,
Там, где был приют лишь голубкам ведом;
Вот плывут в волнах над залитым лесом
Робкие лани.

Так и нынче: прочь от брегов этрусски
Желтый Тибр, назад повернувши волны,
Шел дворец царя сокрушить и Весты
Храм заповедный,

Риму мстить грозя за печаль супруги,
Впавшей в скорбь, — хоть сам не велел Юпитер —
Волны мчал он, брег затопляя левый,
Илии предан.

Мало юных — грех то отцов — услышат
Весть, как деды их, заострив железо,
Друг на друга шли — лучше нес бы меч их
Гибель парфянам.

Звать каких богов мы должны, чтоб Рима
Гибель отвратить? Как молить богиню
Чистым девам тут, если мало внемлет
Веста молитвам?

Грех с нас жертвой смыть на кого возложит
Бог Юпитер? О Аполлон, прийди же,
Вещий бог, рамен твоих блеск прикрывши
Облаком темным.

Ты ль, Венера, к нам снизойдешь с улыбкой —
Смех и Пыл любви вкруг тебя витают:
Ты ль воззришь на нас, твой народ забытый,
Марс-прародитель?

Упоен игрой бесконечно долгой,
Любишь брани клик ты, сверканье шлемов,
Грозный марсов вид над залитым кровью
Вражеским трупом.

Ты ль, крылатый сын благодатной Майи,
Нас спасешь? Приняв человека образ,
Ты согласье дал ведь носить здесь имя
«Цезаря мститель».

В небо ты поздней возвратись, желанный;
Дольше будь меж нас: хоть злодейства наши
Гнев твой будят, ты не спеши умчаться,
Ветром стремимый,

Ввысь. И тешься здесь получать триумфы,
Зваться здесь отцом, гражданином первым.
Будь нам вождь, не дай без отмщенья грабить
Конным парфянам.

КНИГА ПЕРВАЯ

3

Пусть же правят тобой, корабль,
  Мать-Киприда, лучи братьев Елены — звезд,
Ветров царь и отец — Эол,
  Всех скрутив остальных, Япига лишь пустив.

Дан Вергилий тебе: твой долг
  Сохранить его нам, берегу Аттики, —
Вняв мольбе, — невредимым сдать:
  Вместе с ним ты спасешь часть и моей души.

Знать, из дуба иль меди грудь
Тот имел, кто дерзнул первым свой хрупкий челн
Вверить грозным волнам: ему
  Страх внушить не могли Африка злой порыв

В дни борьбы с Аквилоном, всход
  Льющих ливни Гиад, ярости полный Нот —
Бурных Адрия вод судья:
  Хочет — волны взметет, хочет — уложит вновь.

Поступь смерти страшна ль была
  Для того, кто без слёз чудищ морских видал.
Гребни вздувшихся грозно волн,
  Скал ужасных гряды Акрокеравния?

Пользы нет, что премудрый бог
  Свет на части рассек, их разобщил водой,
Раз безбожных людей ладьи
  Смеют всё ж проплывать вод заповедных ширь.

Дерзко рвется изведать всё
  Род людской и грешит, став на запретный путь:
Сын Иапета дерзостный
  Злой обман совершив, людям огонь принес;

После кражи огня с небес,
  Вслед чахотка и с ней новых болезней полк
Вдруг на землю напал, и вот
  Смерти день роковой, прежде медлительный,

Стал с тех пор ускорять свой шаг.
  Высь небес испытал хитрый Дедал, надев
Крылья — дар не людей, а птиц;
  Путь себе Геркулес чрез Ахеронт пробил.

Нет для смертного трудных дел:
  Нас к самим небесам гонит безумье, — так,
Наших ради деяний злых,
  Бог Юпитер не мог молний ослабить гнев.

4

Злая сдается зима, сменяяся вешней лаской ветра;
Влекут на блоках высохшие днища;
Хлевы не радуют скот, а пахарю стал огонь не нужен;
Луга седой не убеляет иней,

И при сияньи луны Венера уж водит хороводы,
И Граций нежных среди Нимф фигуры
Такт отбивают ногой, пока еще не успел Циклопам
Вулкан, пылая, разогреть все кузни.

Надо теперь украшать нам головы свежим миртом, или
Цветами теми, что одели землю.
В роще тенистой теперь вновь надо нам принести в дар Фавну
Ягненка или козлика — на выбор.

Бледная ломится смерть одной все и тою же ногою
В лачуги бедных и в царей чертоги.
Сестий счастливый! Нам жизнь короткая возбраняет планы.
К тебе уж близки Ночь и теней царство,

Как и Плутона жилье унылое, где лишь водворишься,
Не будешь больше возглавлять пирушки,
Ни любоваться красой Ликида, что ныне восхищает
Всю юность, — вскоре ж дев зазнобой станет.

ОДЫ

5

Кто тот юноша был, Пирра, признайся мне,
Что тебя обнимал в гроте приветливом,
Весь в цветах, раздушенный, —
Для кого не украсила

Ты и светлых кудрей? Сколько же раз потом
Веру в счастье свое будет оплакивать
И дивиться жестоким
Волнам, бурею вызванным,

Тот, кто полон тобой, кто так надеется
Вечно видеть тебя верной и любящей
И не ведает ветра
Перемен. О несчастные

Все, пред кем ты блестишь светом обманчивым!
Про меня же гласит надпись священная,
Что мной влажные ризы
Богу моря уж отданы.

КНИГА ПЕРВАЯ

6

Пусть тебя, храбреца многопобедного,
Варий славит — орел в песнях Меонии —
За дружины лихой подвиги на море
И на суше с тобой вождем.

Я ль, Агриппа, дерзну петь твои подвиги,
Гнев Ахилла, к врагам неумолимого,
Путь Улисса морской, хитролукавого,
И Пелоповы ужасы?

Стыд и Музы запрет, лировладычицы
Мирной, мне не велят, чуждому подвигов,
Что̀ велик в мелочах, Цезаря славного
И тебя унижать хвалой.

Как достойно воспеть Марса в броне стальной,
Мериона, что крыт пылью троянскою,
И Тидида вождя, мощной Палладою
До богов вознесенного?

Я пою о пирах и о прелестницах,
Острый чей ноготок страшен для юношей,
Будь я страстью объят или не мучим ей,
Я — поэт легкомысленный.

7

Пусть кто хочет поет дивный Ро́дос, иль Митилену,
Или Эфес, иль Коринф у двуморья,
Фивы, град Вакха, поет, иль поет Аполлоновы Дельфы
Славные, иль Фессалийскую Темпу.

Только заботы и есть у других, чтобы длинною песнью
Славить столицу безбрачной Паллады
И украшать чело отовсюду взятой оливой.
Кто восхвалением занят Юноны,

Конный пусть славит Арго́с и с ним золотые Микены.
Мне же не так по душе терпеливый
Лакедемон и простор полей многоплодной Ларисы,
Как Албунеи чертог говорливой,

Быстрый Анио ток, и Тибурна рощи, и влажный
Берег зыбучий в садах плодовитых.
Как иногда ясный Нот гонит тучи с туманного неба
И не всегда он дожди порождает,

Так же и ты, мой Планк, и печали и тягости жизни
Нежным вином разгонять научайся,
Если владеет тобой значками блистающий лагерь,
Или Тибур приманил густотенный.

Тевкр, когда покидал Саламин и отца, как изгнанник,
Всё же вином увлажнил свои кудри
И, возложивши на них венок из тополя веток,
Так обратился к друзьям огорченным:

«Нас куда бы ни мчала судьба, что родителя лучше,
 В путь мы пойдем, о соратники-други, —
Где предводителем Тевкр, где боги за Тевкра, крушиться
 Нечего: ведь Аполлон непреложно

Нам обещал на земле обрести Саламин неизвестный.
 Вы, храбрецы, что со мною и раньше
Много горя снесли, вином отгоните заботы, —
 Завтра опять в беспредельное море!»

ОДЫ

8

Лидия, о, скажи мне,
Ради всех богов, для чего ты Сибариса губишь
Страстью своей? Зачем он
Стал чуждаться игр, не терпя пыли арены знойной,

И не гарцует больше
Он среди других молодцов, галльских коней смиряя
Прочной уздой зубчатой?
Иль зачем он стал желтых вод Тибра бояться, — точно

Яда змеи, елея
Избегать, и рук, к синякам прежде привычных, ныне
Не упражняет боем
Тот, кто ловко диск и копье раньше метал за знаки?

Что ж? Он быть спрятан хочет,
Как Фетиды сын, говорят, скрыт был под женским платьем,
Чтобы не пасть, с ликийцев
Ратями сойдясь, средь борьбы у обреченной Трои?

КНИГА ПЕРВАЯ

9

Смотри: глубоким снегом засыпанный,
Соракт белеет, и отягченные
Леса с трудом стоят, а реки
Скованы прочно морозом лютым.

Чтоб нам не зябнуть, нового топлива
В очаг подбрось и полною чашею
Черпни из амфоры сабинской
О Талиарх, нам вина постарше!

Богам оставь на волю все прочее:
Лишь захотят — и ветер бушующий
В морях спадет, и не качнутся
Ни кипарисы, ни старый ясень.

О том, что ждет нас, брось размышления,
Прими, как прибыль, день нам дарованный
Судьбой и не чуждайся, друг мой,
Ни хороводов, ни ласк любовных.

Пока далеко старость угрюмая,
И ты цветешь. Пусть ныне влекут тебя
И состязанья, и в урочный
Вечера час нежный лепет страсти;

И пусть порою слышится девичий
Предатель-смех, где милая спряталась,
И будет у тебя запястье
Или колечко любви залогом.

10

Вещий внук Атланта, Меркурий! Мудро
Ты смягчил людей первобытных нравы
Тем, что дал им речь и благой обычай
Ввел состязаний.

Вестник всех богов, я тебя прославлю
Песней. Ты творец криворогой лиры,
Мастер в шутку все своровать и спрятать,
Что бы ни вздумал.

Ты малюткой раз Аполлона стадо
Ловко скрыл, угнав. «Не отдашь коль. . .» — грозно
Тот стращал, — и вдруг рассмеялся: видит —
Нет и колчана.

Ты Приама вел незаметно ночью:
Выкуп ценный нес он за тело сына,
В вражий стан идя меж огней дозорных
Мимо Атридов.

В край блаженный ты беспорочных души
Вводишь; ты жезлом золотым смиряешь
Сонм бесплотный — мил и богам небесным,
Мил и подземным.

11

Не расспрашивай ты, ведать грешно, мне и тебе какой,
Левконоя, пошлют боги конец, и вавилонские
Числа ты не пытай. Лучше терпеть, что́ бы ни ждало нас, —
Дал Юпитер в удел много ль нам зим или последнюю,

Что в скалистых брегах ныне томит море Тирренское
Бурей. Будь же мудра, вина цеди. Долгой надежды нить
Кратким сроком урежь. Мы говорим, время ж завистное
Мчится. Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему.

ОДЫ

12

Мужа ты какого, героя ль, бога ль
Лирой хочешь петь или резкой флейтой,
Клио? Имя чье будет вторить всюду
Эхо шутливо?

Там, где тень дают Геликона рощи,
Там, где Пинда высь или Гем холодный,
Шли откуда вслед за певцом Орфеем
Рощи покорно?

Матерью учен, замедлял поток он
Бурных рек, ветров умерял порывы;
Шли за ним дубы по следам, внимая
Струнам певучим.

Что я смею петь до хвалы обычной
Всех Отцу? Людей и богов делами
Правит он во все времена, землею,
Морем и небом.

Выше, чем он сам, ничего нет в мире,
И ничто ему не равно по славе.
Ближе всех к нему занимает место
Дева Паллада,

Что смела в боях. Не пройду молчаньем
Вас: о Вакх! о ты, что зверям враждебна,
Дева! ты, о Феб, что внушаешь страх всем
Меткой стрелою!

В честь Алкида я буду петь и Леды —
Близнецов: один был кулачным боем
Славен, тот — ездой на конях. Блеснут лишь
Путникам оба,

КНИГА ПЕРВАЯ

Вод поток со скал, торопясь, стекает,
Ветры стихнут вдруг, разбегутся тучи,
Горы грозных волн — то богов веленье —
В море спадают.

Ромула ль затем, времена ли мира
В царство Нумы петь мне, не знаю, Приска ль
Гордые пучки, иль конец Катона,
Славы достойный.

Регула равно́ я и Скавров вспомню;
Павла, что лишил себя жизни, видя
Вражьих сил успех; как Фабриций чист был,
Вспомню я с Музой.

Как служить войне и косматый Курий
Должен был, равно и Камилл, суровой
Бедностью тесним и именьем скудным,
Дедов наследством.

Словно древа ствол у Марцеллов слава
С каждым днем растет, и средь них сверкает
Юлиев звезда, как в светилах меньших
Месяц сияет.

О отец и страж ты людского рода,
Сын Сатурна! Рок поручил охрану
Цезаря тебе: пусть вторым он правит,
Царствуй ты первым.

Всё равно, триумф заслужив, кого он
В Рим введет: парфян ли смиренных, Лаций
Мнивших взять, вождей ли индийцев, серов
С края Востока, —

Пусть на радость всем он землею правит,
Ты ж Олимп тряси колесницей грозной,
Стрелы молний шли нечестивым рощам
Гневной десницей.

13

Как похвалишь ты, Лидия,
Розоватый ли цвет шеи у Те́лефа,
Руки ль белые Телефа, —
Желчью печень моя переполняется.

И тогда не владею я
Ни умом ни лицом: слезы украдкою
По щекам моим катятся,
Выдавая огонь, сердце сжигающий.

Я сгораю, когда тебе
Буйный хмель запятнал плечи прекрасные,
Или пламенный юноша
Зубом запечатлел след на губе твоей.

Не надейся любезною
Быть надолго тому, кто так неистово
Милый ротик уродует,
У Венеры самой нектар отведавший.

Те лишь много крат счастливы,
Кто связался навек прочными узами:
Им, не слушая жалобы,
Не изменит любовь раньше, чем смерть придет.

14

О корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что ты? Постой! Якорь брось в гавани!
Неужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже

Весла, — бурей твоя мачта надломлена, —
Снасти жутко трещат, — скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать властную

Силу волн? У тебя нет уж ни паруса
Ни богов на корме, в бедах прибежища.
Хоть сосною понтийской —
Леса знатного дочерью —

Ты, как матерью, горд, — род ни причем уж твой:
На твой борт расписной можно ль надеяться
Моряку? Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.

О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами!

15

Хитрый в Трою когда на корабле пастух
Вез Елену с собой гостеприимную, —
Вверг в бездействие вдруг ветры Нерей, чтоб мог
Злые судьбы ему вещать:

«В дом родной при дурных знаменьях ты везешь
Ту, кого возвратить требует много войск
Греков, давших обет брак уничтожить твой
Вместе с царством Приама всем.

Сколько пота, увы, людям, коням грозит!
Роду Дардана ты сколько смертей везешь!
Вот Паллада уже шлем, колесницу, щит —
Всё готовит в жестокий бой.

Пусть Венеры самой гордый защитой ты
Чешешь кудри свои, женам чаруешь слух
Песней, чуждой войне, нежной кифарой, — всё
Тщетно. Тщетно от острых стрел,

Копий тяжких и всех брани тревог бежать
Мнишь ты в спальне; Аякс быстрый найдет тебя.
Пусть хоть поздно, увы, всё ж, любодей, узнай:
Будут кудри твои в пыли.

Гибель роду троян — видишь ли ты — несут
Сын Лаэрта — Улисс, Нестор — Пилосский царь.
Здесь бежит за тобой Тевкр саламинец, там —
Сфе́нел, с битвой знаком: коней

КНИГА ПЕРВАЯ

Мастер он укрощать, он коневод лихой:
Их ничто не страшит. Вот Мерион — стрелок,
Вот, храбрейший отца, страстно Тидид, ярясь
Жаждет — грозный — найти тебя.

Ты же, словно олень, волка завидя вдруг
В дальнем луга краю, мчится, траву забыв —
Так и ты побежишь, трус, запыхавшийся,
Хоть не то обещал ты ей.

Пусть отсрочит конец Трои и жен ее
Гнев Ахилла и флот, битвы с врагом прервав, —
Всё ж, когда протечет ряд неизбежных зим,
Греки град Илион сожгут».

16

О дочь, красою мать превзошедшая,
Сама придумай казнь надлежащую
Моим, злословья полным, ямбам
В волнах морских иль в огне, — где хочешь!

Ни Диндимена в древнем святилище,
Ни Феб, ни Либер не потрясают так
Души жрецов, ни Корибанты
Так не грохочут гремящей медью,

Как духи Гнева, коим не страшны ведь
Ни меч германца, ни грозный вал морской,
Ни ярый пламень, ни Юпитер,
С грохотом страшным разящий с неба.

Ведь Прометею, чтобы людей создать,
Пришлось сбирать все свойства частицами
И, по преданью, в наши недра
Злобы прилить и безумья львиных.

Лишь духи Гнева лютую вызвали
Судьбу Фиеста. Гнев был причиною,
Что города бесследно гибли,
После того как на месте стен их

Надменный недруг землю распахивал.
Уйми же гнев свой! В дни моей юности
Ведь и меня лишь пыл сердечный
В злобе толкнул написать поспешно

Те ямбы. Ныне горечь прошедшего
Стремлюсь сменить я дружбой и кротостью.
Мою вину мне в новых песнях
Дай искупить и верни мне душу!

17

Проворный Фавн привык свой Ликей менять
На мой Лукретил дивный и отводить от коз
Жар жгучий летнего полудня,
Или же ветер, дождем грозящий.

Сойдя с дороги, самки пахучего
Козла по лесу бродят бестрепетно,
Ища то тмин, то земляничник,
И не боясь ни змеи зеленой,

Ни злобы волка, коз похитителя,
Лишь, Тиндарида, нежной свирели звук
Долины огласит и горы
Устики с их некрутым подъемом.

Храним богами я, — моя набожность
И песнь им любы! — Здесь в изобилии
Прольются на тебя из рога
Щедрого сельских даров богатства.

В долине тихой здесь от жары уйдешь
И песню мне споешь на теосский лад
Про Пенелопу и Цирцею,
Что́ по Улиссу тоской томились.

В тени и в мире будешь лесбийское
Вино здесь пить: здесь с Марсом Семелы сын
Не заведет бранчивой ссоры;
Здесь перед Киром дрожать не будешь,

Боясь, чтоб дерзкий, в ревности, слабую
Тебя не тронул дланью несдержанной
И не сорвал с кудрей плетенья
Иль неповинных ни в чем покровов.

18

Вар, дерев никаких ты не сажай раньше священных лоз
В рыхлой почве, вблизи Тибура рощ, подле стен Катила;
Трудным делает Вакх тем, кто не пьет, жизненный путь; нельзя
Едких сердца тревог прочь отогнать, кроме вина, ничем.

Кто же службу в войсках станет, хмельной, иль свою бедность клясть?
Кто не славит тебя, Вакха-отца, сладкой Венеры чар?
Пусть никто не прейдет меры в питье: Либер блюдёт предел.
Бой кентавров возник после вина с родом лапифов, — вот

Пьяным лучший урок; Вакх, не щадя, диким фракийцам мстит:
То, что можно свершать, то, что нельзя, узкой межой они
Делят, жадные пить. Я же тебя, бог, не дерзну пытать
Против воли твоей; таинств твоих, скрытых от всех плющом,

Я толпе не предам. Радостный бог! Грозных тимпанов звон,
Рог фригийский сдержи, — с ними идут рядом: Любовь к себе
И Тщеславье с пустой, поднятой вверх, меру презрев, главой,
И Болтливость, кому вверенных тайн, словно стеклу, не скрыть.

19

Мать страстей беспощадная,
 Дионис молодой, с резвою Вольностью,
Душу вы повелели мне
 Вновь доверить любви, было забытой мной.

Восхищен я Гликерою,
 Что сияет светлей мрамора Пароса,
Восхищен и задором я
 И опасной для глаз прелестью личика.

И бессилен пред натиском
 Я Венеры: она с Кипром рассталася;
Про парфян ли, про скифов ли, —
 Все, что чуждо любви, петь возбраняет мне.

Так подайте ж, прислужники,
 Дерна мне, и ветвей свежих, и ладана,
И вина с чашей жертвенной;
 Да богиня грядет, жертвой смирённая!

20

Будешь у меня ты вино простое
Пить из скромных чаш. Но его ведь сам я,
В амфору налив, засмолил в тот день, как
Рукоплескали

Дружно все тебе, лишь в театр вошел ты,
Всадник Меценат дорогой, и, вторя,
Разносил хвалу вдоль реки родимой
Холм Ватикана.

Це́куба вино пей себе ты дома
И каленских лоз дорогую влагу, —
У меня ж фалерн, как и Формий лозы,
Чаш не наполнят.

КНИГА ПЕРВАЯ

21

Пой Диане хвалу, нежный хор девичий,
Вы же пойте хвалу Кинфию, юноши,
И Латоне, любезной
Зевсу, богу всевышнему!

Славьте, девы, ее, в реки влюбленную,
Как и в сени лесов хладного Алгида,
Бора на Эриманфе,
В кудри Крага зеленого.

Вы же, юноши, все славьте Темпейский дол,
Аполлону родной Делос и светлого
Бога, рамо чье лирой
И колчаном украшено.

Пусть он, жаркой мольбой вашею тронутый,
Горе войн отвратит с мором и голодом
От народа, направив
Их на персов с британцами!

22

Кто душою чист и незлобен в жизни,
Не нужны тому ни копье злых мавров,
Ни упругий лук, ни колчан с запасом
Стрел ядовитых,

Будет ли лежать его путь по знойным
Африки пескам, иль в глуши Кавказа,
Иль в стране чудес, где прибрежье лижут
Волны Гидаспа.

Так, когда брожу я в лесу Сабинском
Без забот, с одной только песней к милой
Лалаге моей, — с безоружным встречи
Волк избегает.

Равного ж ему не кормили зверя
Давнии леса, не рождала даже
И пустыня та, что всех львов питает
Грудью сухою.

Брось меня в страну, где весны дыханье
Не способно жизнь возрождать деревьев,
В тот бесплодный край, что Юпитер гневно
Кроет туманом;

Брось меня туда, где бег солнца близкий
Знойностью лучей обезлюдил землю, —
Лалаги моей разлюблю ль я голос
Или улыбку?

КНИГА ПЕРВАЯ

23

Ты бежишь от меня, Хлоя, как юная
Лань, которая мать в го́рах утратила
И напрасно страшится
Леса легкого лепета.

Лист взметется ль сухой вешним дыханием,
Шелохнет ли слегка быстрый бег ящериц
Веточку ежевики, —
Вся она уже в трепете.

Ведь не тигр я, не лев, страшный сын Ливии,
Чтоб тебя растерзать, хищно набросившись.
Брось за матерью бегать:
Зреешь ты для супружества!

24

Можно ль меру иль стыд в чувстве знать горестном
При утрате такой? Скорбный напев в меня,
Мельпомена, вдохни, — ты, кому дал Отец
Звонкий голос с кифарою!

Так! Ужели ж навек обнял Квинтилия
Сон? Найдут ли ему в доблестях равного
Правосудья сестра — Честь неподкупная,
Совесть, Правда открытая?

Многим добрым сердцам смерть его горестна,
Но, Вергилий, тебе всех она горестней.
У богов ты, увы, с верой не вымолишь
Друга, что́ ты доверил им!

И хотя бы умел лучше Орфея ты
Сладкозвучной струной лес привораживать,
Оживишь ли черты лика бескровного,
Раз Меркурий, не знающий

Снисхожденья к мольбам, страшным жезлом своим
Уж коснулся его, чтоб приобщить к теням?
Тяжко! Но перенесть легче с покорностью
То, что нам изменить нельзя.

25

Реже по ночам в запертые ставни
Раздается стук молодежи дерзкой,
Чтоб прервать твой сон, и покой свой любит
Дверь на пороге,

Что она легко покидала прежде.
Стала слышать ты реже все и реже:
«Сна лишен тобой я, — ужель спокоен,
Лидия, сон твой?»

Увядая, ты по лихим повесам
В свой черед всплакнешь в уголке безлюдном
Под напев ветров, что ярятся пуще
Под новолунье;

И в тот час, когда любострастья пламень,
Что в обычный срок кобылицу бесит,
Распалит тебя, ты возропщешь, плача,
В горьком сознаньи,

Что и плющ и мирт лишь в красе зеленой
Ценит молодежь, предавая воле
Спутника зимы — ледяного ветра
Листья сухие.

ОДЫ

26

Любимец Муз, я грусть и волнения
Отдам развеять ветрам стремительным
В Эгейском море. Безучастен
Стал я к тому, кто в стране полночной

Грозит другому, и Тиридата что́
Страшит. О Муза, сердцу любезная!
Ключей ты любишь свежесть; свей же,
Свей же для Ламия цвет весенний

В венок душистый. Что́ без тебя моя
Хвала? Достоин быть он прославленным
Тобой и сестрами твоими
Плектром лесбийским на струнах новых.

КНИГА ПЕРВАЯ

27

Пускать в ход кубки, что для веселия
Даны, — позорно! Нравы фракийские
Оставьте, и держите Вакха
Скромного дальше от ссор кровавых.

К вину, к лампадам, право, совсем нейдет
Кинжал мидийский. Вы, собутыльники,
Умерьте крик и гам безбожный
И возлежите, склонясь на локоть...

Я должен с вами крепость фалернского
Отведать вместе? Пусть не скрывает брат
Мегиллы Опунтийской, кто же
Ранил стрелою его, счастливца!

Охоты нет? Иначе не буду пить!
Любовь какая б ни увлекла тебя,
Палит она огнем не стыдным, —
Лишь в благородной любви ты грешен!

Что б ни таил, шепни-ка мне на ухо, —
Тебя не выдам. О злополучный мой,
Какою ты крушим Харибдой, —
Пламени лучшего ты достоин!

Какой ведун иль ведьма Фессалии
Тебя изымет зельями? Бог какой?
Триликой сжатого Химерой,
Вряд ли тебя и Пегас исторгнет!

28

Моря, земли и песков измеритель несчетных, Архита,
Скудные ныне тебя покрывают
Горсти ничтожного праха у брега Матинского мыса,
Пользы тебе никакой не приносит

То, что эфира обитель исследовал ты и все небо
Мыслью обе́гал, на смерть обреченный.
Пал и Пелопа отец, хоть и был сотрапезник бессмертных,
Умер Тифон, к небесам вознесенный,

Умер Минос, посвященный Юпитером в тайны; владеет
Орк Пантоидом, вернувшимся в Тартар,
Хоть доказал он щитом, снятым в Герином храме, что жил он
В пору Троянской войны, утверждая,

Будто лишь кожа да жилы подвластны безжалостной смерти.
Сам же он был знатоком не последним
Истин, сокрытых в природе, по-твоему. Но по дороге
К Ночи уходим мы все и к могиле.

Фурии многих дают на потеху свирепому Марсу,
Губит пловцов ненасытное море,
Старых и юных гробы теснятся везде: Прозерпина
Злая ничьей головы не минует.

Так и меня потопил в Иллирийских волнах буреносный
Нот, Ориона сходящего спутник.
О мореплаватель, ты мне песку хоть летучею горстью
Кости прикрой и главу, не скупися:

Я ведь могилы лишен. За это пускай все угрозы
  Евр от Гесперии волн направляет
К рощам Венузии, ты ж невредим оставайся: награды
  Пусть на тебя справедливый Юпитер

Щедро прольет и Нептун, святыни Тарента хранитель.
  Грех совершить ни во что ты не ставишь?
Может ведь это и детям твоим повредить неповинным,
  Суд по заслугам с возмездием строгим

Ждет и тебя: не пребудут мольбы мои без отмщенья,
  Жертвы тебя не спасут никакие.
Пусть ты спешишь, — не долга ведь задержка: три горсти
  Брось на могилу мою, — и в дорогу!

ОДЫ

29

Мой Икций, ты ль счастливой Аравии
Сокровищ жаждешь, страшной войной грозишь
Царям непокоренной Савы,
Цепи куешь для ужасных мидян?

Какая дева иноплеменница,
Когда в бою падет ее суженый,
Тебе послужит? Что за отрок
Чашником будет твоим, кудрявым,

Из свиты царской, стрелы привыкнувший
Метать из лука отчего? Можно ли
Сказать, что Тибр не возвратится,
Что не встечет вспять река на горы,

Коль ты, скупивший книги Панетия
И вместе с ними мудрость Сократову,
Нам посулив благое, хочешь
Их обменять на испанский панцырь?

30

Кипр любезный свой ты покинь и, внемля
В ладана волнах тихий зов Гликеры,
В дом ее явись, о Венера, Книда,
Пафа царица!

Пусть с тобой спешат и твой мальчик пылкий,
Грации в своих вольных тканях, Нимфы.
Без тебя тоской повитая Геба,
С ней и Меркурий.

31

Что просит в новом храме поэт себе
У Аполлона? И с возлиянием
О чем он молит? Не богатых
Просит он нив средь полей Сардинских,

Не стад обильных в жаркой Калабрии,
Не злата с костью белой из Индии,
Не тех угодий, что спокойным
Током живит молчаливый Лирис.

Пускай снимают гроздья каленские,
Кому Фортуна их предоставила;
Пусть пьет купец хоть золотыми
Чашами вина — свою наживу —

Богов любимец, ибо не раз в году
Простор он видит вод Атлантических
Без наказанья. Мне ж оливки,
Мне лишь цикорий, да мальвы — пища.

Так дай прожить мне тем, что имею я,
О сын Латоны! Дай мне, молю тебя,
Здоровья и с рассудком здравым
Светлую старость в союзе с лирой.

КНИГА ПЕРВАЯ

32

Лира! Нас зовут. Коль в тени мы пели
В час досуга песнь, что прожить достойна
Год иль больше лет, — то сложи теперь мне
Римскую песню.

Первым внял тебе гражданин лесбосский;
Был хотя свиреп на войне он, все же
Меж боев, корабль после бурь причалив
К брегу сырому,

Вакха, Муз он пел и Венеру с сыном,
Что̀ повсюду с ней неразлучен, Лика
Черных блеск очей воспевал, красавца,
Черные кудри.

Феба слава ты, на пирах Юпитер
Рад тебе внимать, от трудов ты сладкий
Отдых всем даешь, я к тебе взываю
Благоговейно!

33

Альбий, ты не тужи, в сердце злопамятно
Грех Гликеры нося, в грустных элегиях
Не пеняй, что она младшего возрастом
Предпочла тебе ветрено.

Ликорида, чей лоб сужен изысканно
К Киру страстью горит; Кир же Фолоею
Увлечен; но скорей, впрямь сочетаются,
Козы с волчьим отродием,

Чем Фолоя впадет в любодеяние.
Так Венере самой, видно, уж нравится,
Зло шутя, сопрягать тех, что не сходствуют
Ни душою ни внешностью.

Вот и мне довелось быть, когда лучшая
Улыбалась любовь, скованным с Мирталой,
Что бурливей была моря вдоль выступов
И изгибов Калабрии.

34

Богов поклонник редкий и ветреный,
Хотя безумной мудрости следуя,
Блуждаю, ныне вспять направить
Я принужден свой челнок и прежних

Путей держаться. Ибо Диеспитер,
Обычно тучи молнией режущий,
По нéбу чистому внезапно
Кóней промчал с грохотаньем тяжким,

Что потрясает землю недвижную
И зыби рек, и Стикс, и ужасные
Врата Тенара, и Атланта
Крайний предел. Только бог сей властен

Высоким сделать низкое, славного
Низринуть сразу, выявив скрытое:
Судьба венец с тебя срывает,
Чтобы, ликуя, венчать другого

ОДЫ

35

Богиня! Ты, что царствуешь в Антии!
Ты властна смертных с низшей ступени ввысь
Вознесть, и гордые триумфы
В плач обратить похоронный можешь.

К тебе взывает, слезной мольбой томя,
Крестьянин бедный; вод госпожу, тебя
Зовет и тот, кто кораблями
Бурное море дразнить дерзает.

И дак свирепый, скифы, бродя в степях,
Тебя страшатся. Грады, народы все,
Суровый Лаций, властелинов
Матери, грозный тиран в порфире —

Трепещут, как бы дерзкой стопою ты
Их власть не свергла; как бы толпа, сойдясь,
«К оружью!» не звала, «к оружью!»
Медлящих граждан, чтоб власть низвергнуть.

И Неизбежность ходит с тобой везде,
В руке железной гвозди всегда неся,
Свинец расплавленный и клинья,
Скобы кривые — для глыб скрепленья.

Тебя Надежда, редкая Верность чтит,
Но, в белой ткани, вслед за тобой нейдет
В тот час, как в гневе ты оставишь
Взысканных домы, облекшись в траур.

Но, руша верность, с блудной женою чернь
Отходит прочь; и все разбегутся врозь
Друзья, допив вино с осадком:
Друга ярмо разделять не склонны.

Храни ж, богиня, Цезаря! — В бриттов край
Пойдет он дальний; юношей свежий рой
Храни, чтоб рос он, страх внушая
Красному морю, всему Востоку.

Увы! Нам стыдно ран и убийств своих
Граждан! Жестокий род, от каких мы дел
Ушли? Чего не запятнали
Мы, нечестивцы? Чего руками,

Богов страшася, юность не тронула?
Дала пощаду чьим алтарям? .. О пусть
Ты вновь мечи перековала б
Против арабов и скифов диких!

36

Фимиамом и струнами
И закланьем тельца, жертвою должною,
Ублажим мы богов за то,
Что Нумиду они к нам из Испании

Невредимым доставили.
Всех лобзая друзей, больше чем Ламия
Никого не лобзает он,
Помня, что при одном дядьке взросли они,

Вместе в тогу оделися.
Ныне белой чертой день сей отметим мы!
Пусть амфоры чредой идут,
Пляшут ноги пускай, словно у салиев.

Пусть в фракийском питье наш Басс
Дамалиде не сдаст, жадной до выпивки;
Пир украсят пусть груды роз,
Плющ живучий и с ним лилия бледная.

Все стремить взоры томные
К Дамалиде начнут, но Дамалида лишь
К полюбовнику новому
Будет жаться тесней, чем неотвязный плющ.

37

Нам пить пора, пора нам свободною
Стопою в землю бить, сотрапезники,
Пора для пышных яств салийских
Ложа богов разубрать богаче.

Грехом доселе было цекубское
Из погребов нам черпать, из дедовских,
Пока царица Капитолий
Мнила в безумье своем разрушить,

Грозя с толпой уродливых евнухов
Державе нашей смертью позорною.
Не зная для надежд предела,
Счастьем она опьянялась сладким.

Но спал задор, — всего лишь один корабль
Ушел огня, и ум, затуманенный
Вином у ней мареотийским,
В ужас неложный повергнул Цезарь,

За ней, бегущей вспять от Италии,
Гонясь на веслах... Как за голубкою
Несется коршун, иль за зайцем
Ловчий проворный по ниве снежной,

Так мчался Цезарь вслед за чудовищем,
Чтоб цепь накинуть. Но, хоть и женщина,
Меча она не убоялась,
Чуждых краев не искала с флотом, —

Нет, умереть желая царицею,
На павший дом взглянула с улыбкою
И злобных змей к груди прижала,
Чтобы всем телом впитать отраву:

Она решилась твердо на смерть идти
Из страха, что царицей развенчанной
Ее позорно для триумфа
Гордого вражья умчит либурна.

38

Персов роскошь мне ненавистна, мальчик,
Не люблю венков, заплетенных лыком.
Перестань отыскивать, где осталась
Поздняя роза.

Мирт простой ни с чем не сплетай прилежно,
Я прошу. Тебе он идет, прислужник,
Также мне пристал он, когда под сенью
Пью виноградной.

КНИГА ВТОРАЯ

1

Времен Металла распри гражданские,
Причина войн, их ход, преступления,
Игра судьбы, вождей союзы,
Страшные гражданам, и оружье,

Неотомщенной кровью залитое, —
Об этом ныне с полной отвагою
Ты пишешь, по огню ступая,
Что под золою обманно тлеет.

Пусть не надолго мрачной трагедии
Примолкнет Муза, — лишь обработаешь
Дела людей, займись вновь делом
Важным, надевши котурн Кекропа, —

О Поллион, ты — щит обвиняемых,
При совещаньи — помощь для курии,
Тебя триумфом далматинским
Увековечил венок лавровый. . .

Слух оглушен рогов грозным ропотом,
Уже я слышу труб рокотание,
Уже доспехов блеск пугает
Всадников строй и коней ретивых.

Уже я слышу глас ободряющий
Вождей, покрытых пылью почетною,
И весть, что мир склонился долу,
Кроме упорной души Катона.

Кто из богов с Юноной был афрам друг
И, не отмстив, в бессильи покинул их,
Тот победителей потомство
Ныне Югурте приносит в жертву.

Какое поле, кровью латинскою
Насытясь, нам не кажет могилами
Безбожность битв и гром паденья
Царства Гесперии, слышный персам?

Какой поток, пучина — не ведают
О мрачной брани? Море Давнийское
Резня какая не багрила?
Где не лилась наша кровь ручьями?

Но, чтоб, расставшись с песнью шутливою,
Не затянуть нам плача Кеосского,
Срывай, о Муза, легким плектром
В гроте Дионы иные звуки.

КНИГА ВТОРАЯ

2

Крисп Саллюстий, «враг подлого металла,
Коль не блещет он в блеске умной траты»,
Пользы в деньгах нет, коли они зарыты
В землю скупцами.

Будет Прокулей жить в веках грядущих,
Нежного отца заменив для братьев,
Вознесет его на нетленных крыльях
Вечная слава.

Алчность обуздав, будешь ты скорее
На земле царем, чем к далеким Гадам
Ливию придав и рабами сделав
Два Карфагена.

Жажде волю дав, все растет водянка,
Теша блажь свою, коль болезни сущность
Не оставит жил и с ней вместе недуг
Бледного тела.

Пусть сидит Фраат на престоле Кира!
Отучая чернь от понятий ложных
И с ней врозь идя, не узрит счастливца
В нем Добродетель.

Ведь она и власть, и венец надежный,
И победный лавр лишь тому дарует, —
Кто бы ни был он, — кто глядит на злато
Взором бесстрастным.

3

Хранить старайся духа спокойствие
Во дни напасти; в дни же счастливые
Не опьяняйся ликованьем,
Смерти подвластный, как все мы, Деллий.

Печально ль жизни будет течение,
Иль часто будешь ты услаждать себя
Вином Фалерна лучшей метки,
Праздник на мягкой траве встречая.

Не для того ли тень сочетается
Сосны огромной с тополя белого
Отрадной тенью, не к тому ли
Резвой струею ручей играет,

Чтобы сюда ты вина подать велел,
Бальзам и розы, кратко цветущие,
Пока судьба, года, и Парок
Темная нить еще срок дают нам.

Ведь ты оставишь эти угодия,
Что Тибр волнами моет янтарными,
И дом с поместьем, и богатством
Всем завладеет твоим наследник.

Не все ль равно, ты Инаха ль древнего
Богатый отпрыск, рода ли низкого,
Влачащий дни под чистым небом, —
Ты беспощадного жертва Орка.

КНИГА ВТОРАЯ

Мы все гонимы в царство подземное.
Вертится урна: рано ли, поздно ли —
  Наш жребий выпадет, и вот он —
    В вечность изгнанья челнок пред нами.

ОДЫ

4

Ксантий, не стыдись, полюбив служанку!
Вспомни, что раба Брисеида также
Белизной своей покорила снежной
Гордость Ахилла.

Также и Аякс, Теламона отпрыск,
Пленной был склонен красотой Текмессы;
Вспыхнул и Атрид посреди триумфа
К деве плененной

Вслед за тем, как вождь фессалийцев славный
Разгромил врагов, и как смерть героя
Гектора дала утомленным грекам
Легче взять Трою.

Может быть, тебя осчастливит знатный
Род Филлиды вдруг; может быть, затмила
Царскую в ней кровь лишь судьбы немилость, —
Кто это знает?

Не могла бы быть, из презренной черни
Взятая, такой бескорыстной, верной,
Если бы была рождена Филлида
Матерью низкой.

Рук ее, лица, как и ног точеных
Красоту хвалю я без задней мысли;
Подозренья брось: ведь уже пошел мне
Пятый десяток!

КНИГА ВТОРАЯ

5

Она покуда шеей покорною
Ярмо не в силах вынести тесное,
В труде равняясь паре, или
Тяжесть быка, что взъярен любовью.

Ее мечты — средь луга зеленого,
Где телке любо влагой проточною
Умерить зной или резвиться
В стаде телят в ивняке росистом.

К незрелым гроздьям брось вожделение:
Придет пора, и ягоды бледные
Лозы окрасит в цвет пурпурный
Пестрая осень в черед обычный.

Свое получишь: время жестокое
Бежит, и ей те годы придаст оно,
Что у тебя отнимет: скоро
Лалага будет искать супруга

И всех затмит; за робкой Фолоею
Хлориду даже, что ярче месяца
Сияет белыми плечами,
Споря красою с книдийцем Гигом,

Который, если он замешается
В девичий круг, то длинными кудрями
И ликом женственным обманет
Даже того, кто пытлив и зорок.

ОДЫ

6

Ты готов со мной в Гады плыть, Септимий,
И к кантабрам плыть, непривычным к игу,
И в край диких Сирт где клокочут глухо
Маврские волны.

Лучше пусть меня приютит под старость
Тибур, что воздвиг гражданин Аргосский, —
Отдохну я там от тревог военных
Суши и моря.

Если ж злые в том мне откажут Парки,
Я пойду в тот край, для овец отрадный,
Где шумит Галез, где когда-то было
Царство Фаланта.

Этот уголок мне давно по сердцу,
Мед не хуже там, чем с Гиметтских склонов,
И оливы плод без труда поспорить
Может с венафрским.

Там весна долга, там дает Юпитер
Смену теплых зим, и Авлон, что Вакху
Плодоносцу люб, зависти не знает
К лозам Фалерна.

Тот блаженный край и его стремнины
Ждут меня с тобой, там слезою должной
Ты почтишь, скорбя, раскаленный пепел
Друга-поэта.

КНИГА ВТОРАЯ

7

Помпей, со мной под Брута водительством
Не раз в глаза глядевший опасности,
Кто возвратил тебя квиритом
Небу Италии, отчим Ларам?

Мой друг любимый, часто с тобой вдвоем
Я сокращал день скучный пирушкою,
Чело венком увив, на кудри
Блеск наведя аравийским мирром.

С тобой Филиппы, бегство поспешное
Я вынес, кинув щит не по-ратному,
Когда, утратив доблесть, долу
Грозный позорно склонился воин.

Меня Меркурий быстро сквозь строй врагов
Провел, окутав тучей дрожащего,
Тебя ж волна вновь в бой втянула,
В жертву отдав разъяренным хлябям.

Ты, по обету, пиром Юпитера
Теперь почти — и, службой измученный,
Под лавром протянись и кубков
Ты не щади, для тебя готовых.

Наполни чашу скорбь отгоняющим
Массикским, миро лей из уемистых
Сосудов... Кто теперь из мирта
И сельдерея венок сготовит?

Кого Венера пира хозяином
Из нас назначит? Словно эдонянин,
  Беситься буду, — друг вернулся,
    Сладко мне с ним за вином забыться!

КНИГА ВТОРАЯ

8

Если б как-нибудь за измену клятвам
Пострадать тебе привелось, Барина,
Почернел бы зуб у тебя, иль ноготь
Стал бы корявым.

Я поверить мог бы тебе, но только
Поклянешься ты и обманешь, тотчас
Ты пышней цветешь и с ума ты сводишь
Юношей то́лпы.

Материнский прах ничего не стоит
Обмануть тебе и ночное небо,
И безмолвье звезд, и богов, лишенных
Смерти холодной.

Это все смешно для Венеры, Нимфы
С ней смеются тут, да и сам жестокий
Купидон, точа на бруске кровавом
Жгучие стрелы.

А тебе меж тем поколенье юных
Вновь растет рабов, и не могут бросить
То́лпы старых дом госпожи безбожной,
Хоть и страдают.

В страхе мать дрожит пред тобой за сына
И старик скупой; молодые жены
За мужей своих пред твоим трепещут
Жадным дыханьем.

ОДЫ

9

Не вечно дождь на жнивы колючие
Из низких льется туч, и до Каспия
Колышут бури гладь морскую,
Как и не вечно, — не каждый месяц, —

Друг Валгий, верь мне, — в дальней Армении
Недвижен лед иль рощи дубовые
Гаргана стонут от Борея,
Ясени ж наши листву теряют.

Лишь ты один о Мисте утраченном
Все горько стонешь, с памятью милою
Не расставаясь на восходе
Веспера ни на его закате.

Не все же годы Нестор оплакивал
Смерть Антилоха, сына любимого;
Не вечно слезы лили сестры
Или родители по Троиле.

Уйми же слезы, брось свои жалобы!
Не лучше ль спеть про новые Августа
Трофеи славные, поведав
О неприступных Нифата высях

И о реке, что в Мидии вольною
Не будет больше, вместе с подвластными
Отныне Риму племенами,
И о лишенных простора скифах.

КНИГА ВТОРАЯ

10

Будешь жить ладней, не стремясь, Лициний,
Часто в даль морей и не жмяся робко,
Из боязни бурь, к берегам неровным
И ненадежным.

Тот, кто золотой середине верен,
Мудро избежит и убогой кровли,
И того, в других что́ питает зависть, —
Дивных чертогов.

Чаще треплет вихрь великаны-сосны,
Тяжелей обвал всех высоких башен,
И громады гор привлекают чаще
Молний удары.

И в беде большой, ко всему готовый,
Жив надеждой, но средь удач опаслив;
Зиму лютую, приведя, сживает
Тот же Юпитер.

Плохо пусть сейчас, — ведь не все ж так будет:
Наступает миг — Аполлон кифарой
Музы будит сон: не всегда одним он
Занят все луком!

Силен духом будь, не клонись в напасти,
А когда во-всю дует ветр попутный,
Мудро сократи, подобрав немного,
Вздувшийся парус.

ОДЫ

11

О том, что мыслит храбрый кантабр и скиф,
От нас пучиной Адрия, Квинт Гирпин,
Отъединенный, ты не думай
И не волнуйся о нуждах жизни,

Довольный малым... Юность нарядная
С красою вместе быстро уносится,
И старость высохшая гонит
Резвость любви, как и сон беспечный.

В цветах весенних вечной нет прелести;
Сияет разно лик луны пламенный.
Зачем же душу ты терзаешь
Думой, что́ ей не под силу будет?

Пока есть силы, здесь вот под пинией
Иль под чинарой стройной прилечь бы нам
В венках из роз душистых, нардом
Тело свое умастив сирийским,

И пить! Ведь Эввий думы гнетущие
Рассеет быстро. Отрок, проворнее
Фалерна огненную влагу
Ты обуздай ключевой водою!

А ты из дома, что в стороне стоит,
Красотку Лиду вызови, — пусть она
Спешит к нам с лирой, косы наспех
В узел связав на манер лаконский.

12

К мягким лирным ладам не приспособишь ты
Долголетней войны с дикой Нуманцией,
Ганнибалову ярь, море Сицилии,
От крови пунов алое;

Злых лапифов толпу, Ги́лея буйного
И Земли сыновей, дланью Геракловой
Укрощенных, — от них светлый Сатурна дом,
Трепеща, ждал погибели.

Лучше ты, Меценат, речью обычною
Сказ о войнах веди Цезаря Августа
И о том, как, склонив выю, по городу
Шли цари, раньше грозные.

Я ж — так Муза велит — песни Ликимнии
Восхвалю, сладость их, блеск ее ясных глаз,
И про сердце скажу, что страсть ответная
Жжет его, тебе верное.

Ей к лицу выступать в танцах; веселые
Разговоры вести; в пляске, в Дианин день
В храме, полном людей, руки протягивать
К девам, пышно разряженным.

Мог ли б ты обменять кудри Ликимнии
На сокровища все Ахеменидовы,
На Мигдона казну, в Фригии славную,
Иль на злато арабское,

В миг, как шею она страстным лобзаниям
Отдает, иль тебя, в шутку упорствуя,
Отстранит, чтоб силком ты поцелуй сорвал —
Или чтобы самой сорвать?

КНИГА ВТОРАЯ

13

Кто в день тяжелый, древо, садил тебя
И посадив, рукою преступною
Взрастил потомкам на погибель
И на позорище всей округе, —

Сломил тот, видно, шею родителя
И в час ночной Пенатов святилище
Залил невинной кровью гостя;
Изготовлял он и яд колхидский,

И делал все, что только есть низкого,
Раз им в моих пределах посажено
Ты, древо гадкое, чтоб рухнуть
Так, без причин, на главу владельца.

Предусмотреть не может никто из нас,
Чего беречься должен он в каждый миг.
Моряк-пуниец лишь Босфора
Трусит, других тайных бед не чуя.

А воин — стрел и парфов отбега вспять,
Цепей же — парфы и римской доблести.
Меж тем нежданная погибель
Схитила многих и многих схитит.

Я Прозерпины царство суровое
Чуть не узрел, Эака, что суд творит,
И край, блаженным отведенный...
Там на лесбийской играя лире,

На безразличье дев Сафо плачется,
Но ты, Алкей, ты с плектром из золота,
Поешь звончей тяготы моря,
Бегства тяготы, тяготы брани.

Обоим вам в священном молчании
Дивятся тени, с большею жадностью
Внимает все ж толпа густая
Песнь про бои, про царей сверженье.

Что дива в том, коль уши стоглавый пес
Забыл под эту песнь настораживать,
И жалами не водят змеи,
Что в волосах Евменид таятся,

Коль Прометей и с ним отец Пелопа
Забвенье муки в звуках тех черпают,
И Орион на боязливых
Рысей и львов не ведет охоты?

14

Увы, о Постум, Постум! летучие
Года уходят, и благочестие
Морщин и старости грозящей
Не отдалит ни всесильной смерти.

Хотя б на каждый день гекатомбою
Тройною, друг мой, немилосердого
Плутона ты смягчал, который
Тития и Гериона держит

За мрачным током, где без сомнения
Мы все, дарами почвы живущие,
Проплыть обречены: цари ли
Будем мы иль бедняки-крестьяне.

Вотще бежим мы Марса кровавого
И гулко в скалы бьющего Адрия;
Вотще беречься будем Австра,
Вредного телу порой осенней:

Должны Коцит мы видеть, блуждающий
Струею вялой, и обесславленный
Даная род и Эолида
Сизифа казнь — без конца работу.

Покинуть землю, дом и любезную
Жену, и сколько ты ни растил дерев,
За преходящим господином
Лишь кипарис побредет постылый.

Вин самых тонких за ста запорами
Запас наследник выпьет достойнейший
И штучный пол окрасит соком
Гордым, какой и жрецам на диво.

КНИГА ВТОРАЯ

15

Земли уж мало плугу оставили
Дворцов громады; всюду виднеются
Пруды, лукринских вод обширней,
И вытесняет платан безбрачный

Лозы подспорье — вязы; душистыми
Цветов коврами с миртовой порослью
Заменены маслины рощи,
Столько плодов приносившей прежде;

И лавр густою перенял зеленью
Весь жар лучей... Не то заповедали
Нам Ромул и Катон суровый, —
Предки другой нам пример давали.

Немногим каждый лично владел тогда,
Но процветала общая собственность;
Не знали предки в жизни частной
Портиков длинных, лицом на север;

Не возбранялся прежде законами
Кирпич из дерна, и одобрялся лишь
Расход общественный на мрамор
Для городов и величья храмов.

ОДЫ

16

Просит тишины у богов в молитве
Тот, кого в пути захватила буря,
Тучей скрыв над ним и луну и звезды.
В море Эгейском.

Просит тишины среди войн фракиец,
Просят тишины молодцы-мидийцы,
Но покоя, Гросф, не купить за пурпур,
Геммы иль злато.

Ведь не устранят у вельможи ликтор
И богатства все тех души волнений
И забот ума, что и под роскошной
Кровлей витают.

Хорошо подчас и тому живется,
У кого блестит на столе солонка
Отчая одна, но ни страх, ни страсти
Сна не тревожат.

Что ж стремимся мы в быстротечной жизни
К многому? Зачем мы меняем страны?
Разве может кто от себя сокрыться,
Родину бросив?

Лезет на корабль боевой забота,
За конями турм боевых стремится,
Легче чем олень и быстрей чем ветер,
Тучи несущий.

Будь доволен тем, что имеешь; в прочем
Беззаботен будь и улыбкой мудрой
Умеряй беду. Ведь не может счастье
Быть совершенным.

Быстро смерть, сгубив, унесла Ахилла,
Облик измельчал в долгий век Тифона,
Мне ж, быть может, то, в чем тебе откажет,
Время дарует.

У тебя скота много стад роскошных:
Кони только ждут, чтоб везти четверкой
Колесницу; ты носишь ткань, что пурпур
Дважды окрасил.

У меня — полей небольшой достаток,
Но зато даны мне нелживой Паркой
Эллинских Камен нежный дар и к злобной
Черни презренье.

ОДЫ

17

Зачем мне сердце грустью своей томишь?
Не мило то ни вышним богам ни мне,
Чтоб жизнь вперед меня ты кончил,
Ты, моя гордость, краса, оплот мой!

Но если б раньше смерть унесла тебя,
Моей души часть, с частью другой зачем —
Себе не мил, уже калека —
Медлить я стал бы? Тот день обоим

Принес бы гибель. Дал ведь не ложно я
Святую клятву: «Вместе пойдем с тобой,
Куда ни поведешь, мы вместе
Путь и последний свершить готовы!»

Ничто не в силах нас разлучить с тобой:
Ни злой Химеры пламенный жар, ни сам
Гиант сторукий, вновь восставши, —
Правды могучей и Парк то воля.

И все равно, кто зрел, одержавши верх,
Мой час рожденья: иль Скорпион лихой,
Весов созвездье, Козерог ли,
Волн Гесперийских владыка мощный.

У нас обоих сходится дивно так
Светил влиянье. Злого Сатурна свет
Затмив, тебя Юпитер вырвал,
Спас от него и Судьбы крылатой

Полет замедлил: радости поли тогда
В театре трижды рукоплескал народ,
Меня ж, над головой обрушась,
Древо сгубило б, но Фавн, хранитель

Людей Гермеса, доброй рукой удар
Смягчил. Там жертвы надо тебе воздать
И храм построить по обету:
Я ж заколю только агнца скромно.

18

У меня ни золотом,
Ни белой костью потолки не блещут;
Нет из дальней Африки
Колонн, гиметтским мрамором венчанных;

Как наследник Аттала
Сомнительный, я не стяжал чертогов,
И одежд пурпуровых
Не ткут мне жены честные клиентов.

Но за то, что лирою
И песнопенья даром я владею, —
Мил я и богатому.
Ни от богов, ни от друзей не жду я

Блага в жизни большего:
Одним поместьем счастлив я в Сабинах.
Днями дни сменяются,
И нарождаясь, вечно тают луны;

Ты ж готовишь мраморы,
Чтоб строить новый дом, когда могила
Ждет тебя разверстая,
И, ненасытный, ты выносишь в Байях

Берег в море шумное, —
Как будто тесно для тебя на суше!
Что ж? Тебе и этого
Еще все мало, и, раздвинув грани,

Рад своих клиентов ты
  Присвоить землю, — и чета несчастных
С грязными ребятами
  Богов отцовских тащит, выселяясь...

А меж тем, вернее нет
  Дворца, что ждет у жадного Плутона
Барина богатого
  В конце дороги. Что ж еще ты бьешься?

Та ж ведь расступается
  Земля пред бедным, как и пред царями;
Прометея хитрого
  Не спас Харон за злато; Орком гордый

Тантал, как и Тантала
  Весь род обуздан; но Плутон, чтоб бремя
Снять с бедняги честного,
  Готов на помощь, званый и незваный.

19

В горах пустынных Вакха увидел я.
Он песням — верь мне, племя грядущее! —
Учил и Нимф и козлоногих,
Настороживших свой слух Сатиров.

Эвое! Весь от страха недавнего
Дрожу, но Вакхом полный, я радуюсь
Душой. Эвое! Вакх, помилуй,
Тирсом грозящим меня не трогай.

Я петь могу Тийяд обезумевших,
Вином и млеком реки текущие,
И рассказать, как в изобильи
Мед из дуплистых дерев струился,

И про твоей супруги-владычицы
Венец, что стал звездой, про Пенфея дом,
Распавшийся в паденьи грозном,
И про погибель царя Ликурга.

Под власть свою ты реки и море гнешь,
Средь гор пустынных любишь, вина вкусив,
Вплетать ты Бистонидам в кудри
Змей, но они без вреда — не жалят.

Когда толпа Гигантов безбожная
Крутой дорогой к царству Юпитера
Взбиралась, отразил ты Рета
Львиною пастью, когтистой лапой,

Хоть шла молва, что больше пригоден ты
К веселой пляске, чем к бою ратному,
Однако ты остался тем же
И среди мирных забав и боя!

Став смирным, Цербер, лишь увидал тебя,
Твой рог златой, — хвостом стал повиливать,
Когда ж ты уходил, он ноги
Начал лизать и к лодыжкам жаться.

20

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.

Я, чадо бедных, тот, кого дружески
Ты, Меценат, к себе, в свой чертог зовешь,
Я смерти непричастен, — волны
Стикса меня поглотить не могут.

Уже я чую, как утончаются
Под грубой кожей голени, по-пояс
Я белой птицей стал, и перья
Руки и плечи мои одели.

Мчась безопасней сына Дедалова,
Я, певчий лебедь, узрю шумящего
Босфора брег, гетулов Сирты,
Гиперборейских полей безбрежность.

Меня узнают даки, таящие
Свой страх пред строем марсов, Колхиды сын,
Гелон далекий, ибериец,
Люди, что пьют из Родана воду.

Не надо плача в дни мнимых пòхорон,
Ни причитаний жалких и горести.
Сдержи свой глас, не воздавая
Почестей лишних пустой гробнице.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Противна чернь мне, чуждая тайн моих,
Благоговейте молча: служитель муз —
Досель неслыханные песни
Девам и юношам я слагаю.

Цари внушают подданных стаду страх,
А бог Юпитер грозен самим царям:
Гигантов одолевший, всё он
В трепет движеньем бровей приводит.

Один — бывает — шире других в бразды
Сажает лозы; родом знатней, другой
Сойдет искателем на поле;
В славе иль доблести тот поспорит;

Толпой клиентов будет иной сильней, —
Но без пристрастья жребьем решает Смерть
Судьбу и знатных и ничтожных:
Выкинет урна любое имя.

Над чьей безбожной шеей повиснул меч,
Изъят из ножен, вкус усладить тому
  Не сможет пир и сицилийский:
    Сна не вернут ему птичек песни

Иль звон кифары. Сон не гнушается
Лачугой скромной сельского жителя,
  Реки тенистого прибрежья,
    Зыблемых ветром лощин Темпейских.

А кто доволен только насущным, тем
Совсем не страшен бурного моря шум,
  Когда свирепый вихрь нагонит
    Гед, восходя, иль Арктур, склоняясь;

Иль град, побивший лоз виноградных цвет;
Земли обманы: ливень, — когда шумят
  Деревья, — жгучий зной созвездий,
    Холод чрезмерный зимы суровой.

Уж рыбы чуют — водный простор стеснен,
Камней громады ввергнуты в моря глубь;
  И вновь рабы спускают глыбы:
    Смотрит подрядчик и сам хозяин,

Земли гнушаясь. Сходит, однако, Страх
Тотчас туда же, злые Угрозы вслед
  И черная за ним Забота,
    В крепкой ладье ль он, верхом ли едет.

Итак, ни красный мрамор, ни — ярче звезд —
Одежды пурпур мук не смягчал моих,
  Ни лучший виноград, ни также
    Мазь Ахемена... Зачем же стану

Я в новом стиле ввысь громоздить мой зал
С будящей зависть дверью? Зачем менять
  На хлопотливые богатства
    Мирные нивы долин Сабинских?

2

Военным долгом призванный, юноша
Готов да будет к тяжким лишениям;
Да будет грозен он парфянам
В бешеной схватке копьем подъятым.

Без крова жить средь бранных опасностей
Он пусть привыкнет. Пусть, увидав его
Со стен твердыни вражьей, молвит
Дочке-невесте жена тирана:

«Ах, как бы зять наш будущий, царственный,
В искусстве ратном мало лишь сведущий,
Не раззадорил льва, что в сечу
Бурно кидается в яром гневе!»

Красна и сладка смерть за отечество:
А смерть разит ведь также бегущего
И не щадит у молодежи
Спин и поджилок затрепетавших.

Падений жалких в жизни не ведая,
Сияет доблесть славой немеркнущей
И ни приемлет ни слагает
Власти, по прихоти толп народных.

И, открывая небо достойному
Бессмертья, Доблесть рвется заказанным
Путем подняться, и на крыльях
Быстро летит от толпы и грязи.

Но есть награда также хранителям
И тайн. И если кто Элевзинские
Нарушит тайны, то его я
Не потерплю под одною кровлей

Иль в том же чёлне. Часто Диéспитер
Карает в гневе с грешным невинного;
Но редко пред собой злодея
Кара упустит, хотя б хромая.

КНИГА ТРЕТЬЯ

3

Кто прав и к цели твердо идет, того
Ни граждан гнев, что рушить закон велят,
Ни взор жестокого тирана
Век не откинут с пути; ни ветер,

Властитель грозный Адрия бурных вод,
Ни Громовержец дланью могучей, — нет:
Лишь если мир, распавшись, рухнет,
Чуждого страха сразят обломки.

И Поллукс так и странник Геракл, взнесясь,
Достигли оба звездных твердынь небес:
Меж них возлегши, будет Август
Нектар пурпурными пить устами.

Тебя за то же, Вакх, наш отец, твои
Возили тигры, чуждому им ярму
Подставив шеи; так же Ромул
Орка избегнул на конях Марса,

Когда Юнона радость рекла богам,
Совет державшим: «Трою повергнул в прах
Судья бесчестный, злополучный,
Вместе с женой иноземной; Трою

С тех пор, как не дал Лаомедонт богам
Награды должной, — град, обреченный мной
И девой чистою Минервой,
Вместе с народом, с вождем лукавым.

Уже не блещет ныне бесславный гость
Лаконки блудной; клятвопреступный род
Приама Гектором могучий
Греков уже не разит отважных.

Война, что длилась нашим раздором лишь,
Уже затихла. Гнев свой отринув, я
Теперь помилую для Марса
Внука, что был, ненавистный, жрицей

Рожден троянской; в светлый чертог ему
Вступить дозволю; нектара сок вкушать
И приобщить его отныне
К сонмам блаженных богов дозволю.

И отделялся б только от Трои Рим
Шумящим морем — пусть беглецы царят
Счастливые в краю желанном;
Лишь бы Приама, Париса пепел

Стада топтали, звери без страха там
Щенят скрывали б, пусть Капитолий, блеск
Бросая вкруг, стоит, и грозный
Рим покоряет парфян законам.

Внушая страх, он пусть простирает власть
До граней дальних, там, где Европы край
От Африки пролив отрезал,
Вздувшись, где Нил орошает пашни;

Сильней пусть будет к злату презреньем он,
В земле покуда скрыто (и лучше так!),
Чем каждый всё собрать святое
Хищной рукой на потребу людям.

И где бы мира грань ни стояла, пусть
Ее оружьем тронет, стремясь достичь
Краев, где солнца зной ярится,
Стран, где туманы и ливни вечно.

Но так квиритам, войнолюбивым я
Вещаю с тем, чтоб, предков не в меру чтя,
Они не смели, вверясь счастью,
Дедовской Трои восставить стены.

Коль встанет Троя, с знаменьем мрачным птиц,
Судьба вернется с гибелью горькой вновь:
Юпитера сестра-супруга,
Двину сама я полки победно.

Пусть трижды встанет медных оград стена,
Пусть Феб сам строит, — трижды она падет:
Разрушат греки; трижды жены
Пленные мужа, детей оплачут».

Шутливой лире это совсем нейдет!
Куда ты, Муза? Брось же упорно так
Рассказывать бессмертных речи
И унижать величавость малым.

ОДЫ

4

Сойди же с неба, о Каллиопа, дай,
Царица Муз, мне долгую песнь — пускай
То флейты ль звук, иль голос звонкий,
Дивные ль струны кифары Феба,

Вы слышите? Иль сладко безумье так
Прельщает слух и зренье мое? . . Брожу
Священной рощей, мнится: тихо
Веют зефиры, ручьи струятся.

На Вольтур часто мальчиком я ходил.
Когда, вдали от грани родных полей,
Устав резвиться, раз заснул я,
Свежей листвою меня прикрыли

Голубки. Дивом вкруг то казалось всем, —
Чьи гнезда полнят высь Акерунтии,
Бантин тенистые дубравы,
Тучные пашни низин Форента, —

Что невредимым спал я средь черных змей,
Среди медведей, лавром священным скрыт
И миртовых ветвей листвою,
Мальчик бесстрашный, храним богами.

Я ваш, Камены, ваш, на вершины ль гор
Взойду Сабинских, хладной Пренесты ль высь
Меня приманит, Тибур горный,
Бай ли прозрачный и чистый воздух.

И друга ваших плясок у светлых вод —
Ни дуб проклятый, пав, не сгубил меня,
Ни пораженье при Филиппах,
Мыс Палинур в Сицилийском море.

Пока со мной вы, смело пущусь я в путь:
Средь волн Босфора бешеных буду плыть,
На Ассирийском побережье
Странником в жгучих песках скитаться.

Узрю пришельцам грозный британцев край,
Конканов племя, пьющее кровь коней;
Узрю я невредимо дальний
Дон и носящих колчаны скифов.

Едва успеет Цезарь великий вновь,
В бою уставших, воинов в град вернуть,
Труды военные закончив,
В гроте у вас он находит отдых.

Вы кротость в мысли льете ему и, влив, —
Благие, — рады. Знаем мы, как толпу
Титанов страшных, нечестивых,
Молнии ринув, сразил Юпитер.

Смиряет землю твердую он, морей
Волненье, грады, мрачный подземный край;
Богами и толпами смертных
Правит один справедливой властью.

Ему внушило страх поколенье то
Младое, силой гордое рук своих,
И братья, на Олимп тенистый
Гору взвалить Пелион пытаясь.

Но что Тифей и мощный Мимант могли
Иль грозный видом Порфирион свершить,
И Рет и Энкелад, метавший
Груды исторгнутых с корнем вязов, —

Когда Паллада мощный простерла щит
Навстречу дерзким, пылкий Вулкан стоял
Вот здесь, а там Юнона-матерь,
Бог Аполлон, неразлучный с луком;

Кудрям дав волю, моет их влагой он
Кастальской чистой; любит он в рощах жить
Ликийских иль в лесу родимом,
В храме на Делосе, иль в Патарах.

Коль разум чужд ей, сила гнетет себя,
С умом же силу боги возносят ввысь;
Они же ненавидят сильных,
В сердце к делам беззаконным склонных.

Что это правда, могут примером быть
Гиант сторукий иль Орион: за то,
Что тщился обольстить Диану,
Был укрощен он стрелою Девы.

Земля страдает, чудищ своих сокрыв;
Скорбит, что дети ввергнуты в бледный Орк
Стрелами молний; пламень Этны
Быстрый горы сокрушить не может.

И вечно коршун Тития печень жрет
За невоздержность, сидя на нем как страж,
И Пирифоя, женолюбца,
Триста цепей в преисподней держат.

КНИГА ТРЕТЬЯ

5

Юпитер, громы мечущий — верим мы —
Царит на небе: здесь на земле к богам
Причтется Август, покоривший
Риму британцев и персов грозных.

Ужели воин Красса, в постыдный брак
Вступив с парфянкой, в вражеской жил стране?
О курия! О порча нравов!
В доме состарились тестя, персов

Царю покорны, марс, апулиец там,
Забывши тогу, званье, священный щит,
Забыв огонь пред Вестой вечный,
Хоть невредимы твердыни Рима?

Опасность эту Регул предрек, когда
Не соглашался мира условья он
Принять и дать пример, что влек бы
Гибель для Рима в грядущем веке,

Коль без пощады, сдавшихся в плен, на смерть
Не обрекли бы: «Стяги я, — молвил он, —
Прибитые к пунийским храмам
Видел, доспехи, что с римлян сняты

Без боя; граждан римских я зрел, кому
К спине свободной руки скрутили; там
Ворота без запоров; пашут
Вновь, разоренные нами, нивы.

Храбрее разве, выкуплен златом, в бой
Вернется воин? . . Вы прибавляете
К стыду ущерб: слинявшей шерсти
Пурпур не может вернуть окраски;

И раз отпавши, истая доблесть вновь
Идти не хочет к тем, кто отверг ее.
Как лань, изъятая из сети,
Бросится в бой, так храбрей тот станет,

Кто, вероломный, вверил себя врагам,
Сотрет пунийцев в новой войне, кто мог
На скрученных руках покорно
Узы терпеть, убоявшись смерти.

Не зная, как бы жизнь сохранить свою,
С войной смешал он мир. О, какой позор!
О Карфаген великий, выше
Стал ты с паденьем постыдным Рима!»

Жены стыдливой он поцелуй отверг
И малых деток, ибо лишился прав;
И мужественно взор суровый
В землю вперил, укрепить желая,

Душой нетвердых, членов сената: сам
Им дал совет, не данный дотоль нигде,
Затем — изгнанник беспримерный —
Быстро прошел меж друзей печальных.

А что готовил варвар-палач ему,
Он знал, конечно. Всё же раздвинул так
Друзей, что вкруг него стояли,
Всех, что пытались уход замедлить,

Как будто, тяжбы долгие он решив,
Клиентов споры, суд покидал, спеша,
Чтоб путь держать к полям Венафра
Или в спартанский Тарент на отдых.

6

За грех отцов ответчиком, римлянин,
Безвинным будешь, храмов пока богам,
Повергнутых, не восстановишь,
Статуй, запятнанных черным дымом.

Пред властью вышних, помни, бессилен ты:
От них начало, к ним и конец веди:
Как много бед за небреженье
Боги судили отчизне скорбной.

Моне́з и Пакор натиск отбили наш,
Веденный дважды с волей богов вразрез, —
Гордятся, пышную добычу
К пронизям скудным своим прибавив.

Объятый смутой, чуть не погиб наш град:
Уж близко были дак, эфиоп: один
Летучими стрелами сильный,
Флотом другой быстроходным грозный.

Злодейства полный, век осквернил сперва
Святыню брака, род и семью; затем,
Отсюда исходя, потоком
Хлынули бе́ды в отчизну римлян.

Едва созревши, рада скорей плясать
Ионян танец дева, и с нежных лет
Искусно мажется, заране
Мысль устремляя к любви нечистой.

А там любовник, лишь бы моложе, ей
За пиром мужним сыщется: нет нужды
Искать тайком, кому преступно
Ласки дарить, удалив светильник;

При всех открыто — тайны от мужа нет —
Идет, велит ли следовать ей купец,
Зовет ли мореход испанский,
Срама ее покупатель щедрый.

Иных отцов был юношей род, что встарь
Окрасил море кровью пунийской, смерть
Принес лихому Антиоху,
Пирру-царю, Ганнибалу-зверю.

Сыны то были воинов пахарей,
Они умели глыбы земли копать
Сабинскою мотыгой, строгой
Матери волю творя, из леса

Таскать вязанки в час, когда тени гор
Растянет солнце, с выи ярмо волам
Усталым снимет и, скрываясь,
Ночи желанную пору близит.

Чего не портит пагубный бег времен?
Отцы, что были хуже, чем деды, — нас
Негодней вырастили; наше
Будет потомство еще порочней.

КНИГА ТРЕТЬЯ

7

Астерида, зачем плачешь о Гигесе?
Ведь с весною его светлый Зефир примчит
Вновь с товаром вифинским,
Верность свято хранящего.

Лишь на небо взошла злобной Козы звезда,
К Орику отнесен Нотом, он там в слезах
Не одну, сна не зная,
Ночь провел одинокую,

Искушала хотя всячески хитрая
Няня Хлои его, гостеприимицы,
Говоря, что пылает
Та к нему, к твоей радости.

Сказ вела, как жена, вины облыжные
Вероломно взведя, Прета подвигнула
Против Беллерофонта,
Чтоб сгубить его, чистого;

Как чуть не был Пелей передан Тартару,
Ипполиту когда презрел, магнезянку,
И другие рассказы
О любовных грехах вела, —

Втуне, ибо пока глух он к ее речам,
Как Икара скала... Лишь бы тебя саму
К Энипею соседу
Не влекло больше должного

Хоть и нет никого, кто б с той же ловкостью
Гарцовал на коне по полю Марсову
И чрез Тусскую реку
Переплыл с той же скоростью.

Ночь придет — дверь запри и не выглядывай
Из окна, услыхав флейты звук жалобный,
И хотя бы жестокой
Звали, будь непреклонною.

КНИГА ТРЕТЬЯ

8

Ты смущен, знаток языков обоих! —
Мне, холостяку до Календ ли марта?
Для чего цветы? С фимиамом ящик?
Или из дерна

Сложенный алтарь и горящий уголь?
Белого козла и обед веселый
Вакху обещал я, когда чуть не был
Древом придавлен.

В этот светлый день, с возвращеньем года,
Снимут из коры просмоленной пробку
С амфоры, что дым впитывать училась
В консульство Тулла.

Выпей, Меценат, за здоровье друга
Кружек сотню ты, и пускай до света
Светочи горят, и да будут чужды
Крик нам и ссора.

Брось заботы все ты о граде нашем, —
Котизона-дака полки погибли,
Мидянин, наш враг, сам себя же губит
Слезным оружьем.

Стал рабом кантабр, старый друг испанский,
Укрощенный, пусть хоть и поздно, цепью,
И, оставя лук, уж готовы скифы
Край свой покинуть.

Брось заботы все: человек ты частный;
Не волнуйся ты за народ; текущим
Насладися днем и его дарами, —
Брось свои думы!

КНИГА ТРЕТЬЯ

9

Прежде дорог я был тебе,
И руками никто больше из юношей
Шеи не обвивал твоей,
И счастливей царя был я персидского!

— Прежде страстью горел ко мне,
И для Хлои забыть Лидию мог ли ты,
Имя Лидии славилось,
И знатней я была римлянки Илии.

— Мной для Хлои забыто всё,
Нежны песни ее, сладок кифары звон;
За нее умереть готов,
Лишь бы только судьба милой продлила век.

— Мне взаимным огнем зажег
Кровь туриец Калай, Орнита юный сын;
За него дважды смерть приму,
Лишь бы только судьба друга продлила век.

— Если ж прежняя страсть придет
И нас свяжет опять крепким, как медь, ярмом;
К русой Хлое остынет пыл,
И откроется дверь снова для Лидии.

— Хоть звезды он красивее,
Ты ж коры на волнах легче и вспыльчивей
Злого, мрачного Адрия,
Я с тобой хочу жить и умереть с тобой.

ОДЫ

10

Если Дона струи, Лика, пила бы ты,
Став женой дикаря, всё же, простертого
На ветру пред твоей дверью жестокою,
Ты меня пожалела бы!

Слышишь, как в темноте двери гремят твои,
Стонет как между вилл, ветру ответствуя,
Сад твой, как леденит Зевс с неба ясного
Стужей снег свеже-выпавший?

Брось же гордость свою ты, неприятную
Для Венеры, чтоб нить не оборвалась вдруг;
Ведь родил же тебя не Пенелопою
Твой отец из Этрурии!

И хотя бы была ты непреклонною
Пред дарами, мольбой, бледностью любящих,
Между тем как твой муж юной гречанкою
Увлечен, всё же смилуйся

Над молящим! Не будь дуба упорнее
И ужасней в душе змей Мавритании;
Ведь не вечно мой бок будет бесчувственен
И к порогу и к сырости!

КНИГА ТРЕТЬЯ

11

О Меркурий-бог! Амфион искусный,
Обучен тобой, воздвигал ведь стены
Песней! Лира, ты семиструнным звоном
Слух услаждаешь!

Ты беззвучна встарь, нелюбима, — ныне
Всем мила: пирам богачей и храмам!..
Дайте ж песен мне, чтоб упрямой Лиды
Слух преклонил я.

Словно средь лугов кобылице юной,
Любо ей скакать; не дает коснуться;
Брак ей чужд; она холодна поныне
К дерзости мужа.

Тигров ты, леса за собою властна
Влечь и быстрых рек замедлять теченье;
Ласкам ведь твоим и привратник ада,
Грозный, поддался

Цербер-пес, хотя над его главою
Сотня страшных змей, угрожая, вьется;
Смрадный дух и гной треязычной пастью
Он извергает.

Вняв тебе, средь мук Иксион и Титий
Вдруг смеяться стал; без воды стояли
Урны в час, когда ты ласкала песней
Дщерей Даная.

Слышит Лида пусть о злодейках-девах,
Столь известных, пусть об их каре слышит!
Вечно вон вода из бездонной бочки
Льется, хоть поздно.

Всё ж виновных ждет и в аду возмездье.
Так безбожно (что их греха ужасней?),
Так безбожно всех женихов убили
Острым железом!

Брачных свеч была лишь одна достойна.
Доблестно отца, что нарушил клятву,
Дева ввесть в обман приняла решенье,
Славная вечно.

«Встань, — она рекла жениху младому, —
Встань, чтоб вечный сон не постиг, откуда
Ты не ждешь. Беги от сестер-злодеек,
Скройся от тестя!

Словно львицы, вдруг на ягнят напавши,
Так мужей своих они все терзают;
Мягче их — тебя не убью, не стану
Дверь запирать я.

Пусть за то, что я пощадила мужа,
Злой отец меня закует хоть в цепи;
Взяв на судно, пусть отвезет в пустыню,
В край Нумидийский.

Ты ж иди, куда тебя ноги ль, ветры ль
Будут мчать: шлют ночь и Венера помощь.
В добрый час... А мне над могилой вырежь
Надпись на память...»

12

Дева бедная не может ни Амуру дать простора,
Ни вином прогнать кручину, но должна бояться дяди
Всебичующих упреков.

От тебя, о Необула, прочь уносят шерсть и прялку
Трудолюбицы Минервы сын крылатый Кифереи
И блестящий Гебр Липарский.

Лишь увидишь, как смывает масло с плеч он в водах Тибра,
Конник, что Беллерофонта краше, ни в бою кулачном
Не осиленный ни в беге.

В ланей, по полю бегущих целым стадом, он умеет
Дрот метнуть и, быстр в движеньи, вепря, что таится в чаще,
На рогатину взять смело.

13

О Бандузии ключ, ты хрусталя светлей,
Сладких вин и цветов дара достоин ты;
Завтра примешь козленка
В жертву — первыми рожками

Лоб опухший ему битвы, любовь сулит
Но напрасно: твои волны студеные
Красной кровью окрасит
Стада резвого первенец.

Не коснется тебя жаркой Каникулы
Знойный полдень; даешь свежесть отрадную
Ты бродячему стаду
И волу утомленному.

Через песни мои будешь прославлен ты:
Ясень в них воспою, скалы с пещерами,
Где струятся с журчаньем
Твои воды болтливые.

14

Цезарь, про кого шла молва в народе,
Будто, как Геракл, лавр купил он смертью,
От брегов испанских вернулся к Ларам
Победоносцем.

Радостно жена да встречает мужа,
Жертвы принеся справедливым Ларам,
И сестра вождя, и, чело украсив
Белой повязкой,

Матери юниц и сынов, не павших.
Дети же всех тех, что в бою погибли,
И вдовицы их, от словес печальных
Вы воздержитесь.

Мне же этот день будет в праздник, думы
Черные прогнав. Не боюсь я смуты,
Ни убитым быть, пока всей землею
Правит наш Цезарь.

Отрок, принеси и венков, и мирра,
И вина, времен войн с народом марсов,
Коль спаслось оно от бродивших всюду
Шаек Спартака.

И Неера пусть поспешит, певица,
В узел косы пусть, надушив, завяжет.
Если ж брань начнет негодяй привратник,
Прочь уходи ты.

Голова, седея, смягчает душу,
Жадную до ссор и до брани дерзкой.
Не смирился б я перед этим юный
В консульство Планка!

КНИГА ТРЕТЬЯ

15

Женка бедного Ивика,
Перестань наконец ты сладострастничать,
И себя примолаживать!
Коль ногою одной ты уж в гробу стоишь,

Не резвись среди девушек,
Затеняя собой блеск лучезарных звезд.
Что Фолое идет к лицу,
То Хлориде нейдет! Дочь лучше матери

Осаждать будет юношей,
Как Вакханка, в тимиан бить наученная.
К Ноту страсть неуемная
Так и нудит ее прыгать, как козочку.

Ты ж, старушка, в Луцерии
Сядь за пряжу. Тебе ль быть кифаристкою,
Украшать себя алою
Розой и осушать чашу с вином до дна?

16

Башни медной замок, двери дубовые,
Караульных собак лай угрожающий
Для Данаи могли б верным оплотом быть
От ночных обольстителей.

Но над стражем ее, робким Акрисием,
Сам Юпитер-отец вместе с Венерою
Подшутил: путь найден верный, едва лишь бог
Превратил себя в золото.

Злато так и плывет в руки прислужникам
И скорей, чем перун, может скалу разбить, —
Рухнул сразу и пал жертвою алчности
Дом пророка Аргивского.

В городских воротах муж-македонянин,
Разуверясь, свергал силою подкупа
Всех, кто метил на трон; и на морских вождей
Подкуп сети накидывал.

Рост богатства влечет приумножения
Жажду, кучу забот... А потому боюсь
Вверх подъятым челом взор привлекать к себе,
Меценат, краса всадников.

Больше будешь себя ты ограничивать,
Больше боги дадут! Стан богатеющих
Покидаю, бедняк, и перебежчиком
К неимущим держу свой путь, —

Я хозяин тех крох, что не в чести у всех,
Лучший, чем если б стал хлеб всей Апулии
Работящей таить без толку в житницах,
Нищий средь изобилия.

Но кто правит, как царь, плодною Африкой,
Не поймет, что мое лучше владение, —
Ключ прозрачный и лес в несколько югеров,
И полей жатва верная!

Правда, нет у меня меда калабрских пчел,
И в амфорах вино из Лестригонии
Не стареет, и мне выгоны галльские
Не ростят тучных овчих стад.

Но меня не гнетет бедность тяжелая
И от новых твоих я откажусь даров!
Сжав желанья свои, с прибылью малою
Буду жить я счастливее,

Чем к Мигдонским полям царство Лидийское
Прибавляя... Когда к многому тянешься,
Не хватает всегда многого. Тот блажен,
Бог кому, сколько надо, дал.

17

О Элий, отпрыск славного Лама ты, —
Того, что имя Ламиям первым дал
И остальным своим потомкам —
Летопись память хранит об этом;

И ты от Лама род свой ведешь, — того,
Что первый власть над стенами Формий взял,
Над Лирисом, чьи волны в роще
Нимфы Марики безмолвно льются, —

Тиран могучий. Завтра ненастье Евр
Примчит, засыплет листьями рощу всю,
Устелет брег травой ненужной,
Если не лжет многолетний ворон,

Дождей предвестник. Дров наготовь сухих,
Пока возможно: завтра ведь ты вином
И поросенком малым будешь
Гения тешить с прислугой праздной.

КНИГА ТРЕТЬЯ

18

Фавн, любовник Нимф, от тебя бегущих,
По межам моим и по знойным нивам
Ты пройди легко и к приплоду стада
Будь благосклонен.

Заклан в честь твою годовалый козлик;
Вволю для тебя, для Венеры друга,
В чашах есть вина, и алтарь старинный
Туком дымится.

При возврате Нон, в декабре, все стадо
Резво топчет луг травянистый всюду;
Празднует село, высыпая в поле,
Вместе с волами;

Бродит волк среди осмелевших ярок;
Сыплет в честь твою листья лес дубовый,
И о землю бьет, ей в отместку, пахарь
Трижды ногою.

19

Сколь позднее, чем царь Инах,
  Кодр без страха приял ради отчизны смерть,
Ты твердишь, про Эака род,
  Как сражались в боях близ Илиона стен;

Сколько ж стоит кувшин вина
  Лоз хиосских и кто воду согреет нам,
Кто нам дом отведет, когда
  Хлад пелигнов терпеть кончу я, — ты молчишь.

Дай же, мальчик, вина скорей
  В честь полуночи, в честь новой луны, и дай
В честь Мурены: мешать с водой
  Можно девять, иль три киафа взяв вина.

Тот, кто любит нечетных Муз,
  Тот — в восторге поэт — требует девять влить;
Тронуть киафов больше трех,
  Ссор боясь, не велят голые Грации,

Три, обнявшись всегда, сестры.
  Рад безумствовать я: что ж берекинтских флейт
Звуки медлят еще свистеть?
  Что, молчанье храня, с лирой висит свирель?

Рук скупых не терплю ведь я:
  Сыпь же розы щедрей! С завистью старый Лик
Шум безумный услышит пусть,
  Пусть строптивая с ним слышит соседка шум.

Вот уж взрослая, льнет к тебе
  Рода, блещешь ты сам, Телеф, в кудрях густых,
Ясный, словно звезда, — меня ж
  Иссушает, томя, к милой Гликере страсть.

ОДЫ

20

Ты не видишь, Пирр, как тебе опасно
Трогать юных львят африканской львицы?
Вскоре ты сбежишь после жарких схваток,
Трус-похититель;

Вот, стремясь найти своего Неарха,
Юных круг прорвет лишь она, — и страшный
Бой решит тогда, за тобой, за ней ли
Будет добыча;

Ты спешишь достать из колчана стрелы,
Зубы та меж тем, угрожая, точит;
Сам судья борьбы наступил на пальму
Голой ногою;

Легкий ветр ему освежает плечи,
Кроют их кудрей надушенных волны —
Был таков Нирей, иль с дождливой Иды
На небо взятый.

КНИГА ТРЕТЬЯ

21

О ты, с кем вместе свет мы узрели, знай:
Судьбе ль укоры, шутки ли ты несешь,
Раздоры иль любви безумье,
Легкий ли сон, — о скудель благая!

С какою целью ты ни хранила б сок
Массикский, — можно вскрыть тебя в добрый день.
Сойди ж — веленье то Корвина:
Требует вин он, стоявших долго.

Речей Сократа мудрых напился он,
Но все ж не презрит, сколь ни суров, тебя:
И доблесть древнего Катона
Часто, по слухам, вином калилась.

Ты легкой пыткой тем, кто угрюм всегда,
Язык развяжешь; трезвых людей печаль
И замыслы, что зреют втайне,
Вскрыть ты умеешь с шутливым Вакхом;

Вернуть надежду мнительным можешь ты,
Внушить задор и сил бедняку придать:
Испив тебя, он не страшится
Царских тиар и солдат оружья.

Пусть Вакх с Венерой благостной будут здесь,
И в хоре дружном Грации. Пусть тебя
При ярких лампах пьют до утра,
Как побегут перед Фебом звезды.

22

Страж окрестных гор и лесов, о Дева,
Ты, что, внемля зов троекратный юных
Жен-родильниц, их бережешь от смерти,
Ликом тройная!

Будет пусть твоей та сосна, что сенью
Дом венчает мой; да под ней тебя я
Кровью одарю кабана, что грозен
Сбоку ударом.

КНИГА ТРЕТЬЯ

23

При новолуньи, если возденешь ты
Ладони к небу, честная Фидила,
И Ларов ублажишь плодами,
Ладона дымом, свиньей-обжорой,

Не тронет Африк пышной лозы твоей
Дыханьем вредным, ржа смертоносная
Не обесплодит нив, и стада
Вред не коснется поры осенней.

Тельцы, на жертву впредь обреченные,
Что ходят в дебрях снежного Алгида
Иль от албанских трав тучнеют,
Кровью пусть красят жрецов секиры.

Тебе не надо крошек-богов смягчать
Овец двухлетних жертвой обильною,
Тебе, что розмарина веткой
Их украшаешь и ломким миртом.

Когда коснется длань равнодушная
Плиты алтарной, Ларов разгневанных
Богатство жертв смягчит не лучше
Полбы святой и трескучей соли.

24

Хоть казною своей затмишь
  Ты Аравию всю с Индией пышною,
Хоть займешь ты строеньями
  Сушу всю и для всех море открытое,

Но едва Неминуемость
  В крышу дома вобьет гвозди железные,
Не уйдешь ты от ужаса,
  И главы из петли́ смертной не вызволишь.

Лучше жить, как равнинный скиф,
  Чья повозка жилье тащит подвижное,
Или как непреклонный гет,
  Где межою поля не разделенные

Хлеб родят на потребу всем;
  Где не больше, чем год, заняты пашнею,
А затем утомленного
  Заменяет другой, с долею равною;

Там безвредная мачеха
  Не изводит сирот — пасынков, падчериц;
Жен-приданниц там гнета нет,
  И не клонит жена слух к полюбовнику;

Там приданым для девушки
  Служит доблесть отцов и целомудрие,
Что бежит от разлучника,
  И грешить там нельзя: смерть за неверность ждет!

КНИГА ТРЕТЬЯ

О, кто хочет безбожную
  Брань и ярость пресечь междоусобицы,
Если он домогается,
  Чтоб «Отец городов» было под статуей,

Пусть он сдержит распущенность,
  И он будет почтен: только... потомками:
Мы завистливы, — доблесть нам
  Ненавистна, но лишь скрылась, скорбим по ней!

Для чего втуне сетовать,
  Коль проступок мечом не отсекается?
Что без нравов, без дедовских,
  Значит тщетный закон, если ни дальние

Страны, зноем палимые,
  Ни конечный предел Севера хладного,
Ни края, снегом крытые,
  Не пугают купца? Если справляется

С грозным морем моряк лихой?
  Это — бедность, презрев трудный путь доблести,
Все свершать, все сносить велит, —
  Бедность, что за позор всеми считается.

Не снести ль в Капитолий нам,
  Клик внимая толпы нам рукоплещущей,
Иль спустить в море ближнее
  Жемчуг, камни и все злато бесплодное,

Зла источник великого,
  Если только в грехах вправду мы каемся?
Надо страсть эту низкую
  С корнем вырвать давно, и на суровый лад

Молодежь, слишком нежную,
  Воспитать... На коня вряд ли сумеет сесть
Знатный отрок, охотою
  Тяготится, зато с бо́льшею ловкостью

Обруч гнать тебе греческий
  Будет он иль играть в кости запретные.
Вероломный отец, меж тем,
  Надувает друзей или товарищей,

Чтоб для сына негодного
  Больше денег собрать. Деньги бесчестные
Что ни день, то растут, и все ж
  Недохват есть всегда у ненасытного!

КНИГА ТРЕТЬЯ

25

Вакх, я полон тобой! Куда
Увлекаешь меня? Я возрожденный мчусь
В лес иль в грот? Где пещера та,
Что услышит, как я Цезаря славного

Блеск извечный стихом своим
Воздымаю к звездам, к трону Юпитера?
Небывалое буду петь
И доселе никем в мире не петое!

Как Вакханка, восстав от сна,
Видя Гебр пред собой, снежную Фракию
И Родоп, что лишь варварской
Попираем стопой, диву дивуется,

Так, с пути своего сойдя,
Я на берег дивлюсь и на пустынный лес.
Вождь Наяд и Менад, легко
Дуб высокий рукой в миг исторгающих,

Петь ничтожное, дольнее
Больше я не могу! Сладко и боязно,
О Леней, за тобой идти,
За тобою, лозой лоб свой венчающим.

26

Девицам долго знал я, чем нравиться,
И долго службу нес не без славы я, —
Теперь оружие и лиру
После побед их стена та примет.

Что охраняет образ Венеры нам.
Сюда, сюда вы яркие факелы
Несите и воротам крепким,
Грозные ломы, а также луки.

О золотого Кипра владычица
И Мемфа, снега вечно лишенного,
Царица вышняя! Бичом ты
Раз хоть коснись непокорной Хлои!

27

Пусть злочестных в путь поведут приметы
Злые: крики сов или сук брюхатых,
Пусть на них лиса, что щенилась, мчится,
Или волчица;

Пусть змея им путь пресечет начатый
Сбоку, как стрела, устремясь, коней им
Вдруг спугнет. А я, за кого тревожусь,
Буду молиться;

Ворон пусть, вещун, от восхода солнца
С криком к ней летит перед тем, как птица,
Вестница дождей, возвратится к лону
Вод неподвижных.

Счастливо живи, Галатея, всюду,
Где тебе милей; и меня ты помни.
Пусть тебе в пути не грозит ворóна,
Дятел зловещий.

Все ж смотри: спешит Орион, спускаясь
С бурей, — знаю я, чего стóит темный
Адрия залив, как Иапиг ясный
Вред причиняет.

Жены пусть врагов и их дети взрывы
Ярости слепой испытают Австра,
Ропот черных волн и удары бури
В берег дрожащий.

Смело так быку-хитрецу доверив
Белое, как снег, свое тело, в страхе
Море вдруг узрев и зверей, — Европа
Вся побледнела.

Лишь вчера цветы на лугу сбирала,
Сплесть спеша венок, по обету, Нимфам, —
Ныне зрит вокруг в полусвете ночи
Звезды и волны.

Лишь ступив ногой на стоградный остров
Крит, она рекла: «О отец! Мне стало
Чуждо слово «дочь» — мою честь сгубило
Страсти безумье.

Где была? Куда я пришла? Ведь мало
Деве, павшей, раз умереть... Проступок
Гнусный, слезы — явь то иль мной, невинной,
Призрак бесплотный

Зло играл: за дверь из слоновой кости
Вырвясь, сон навел. Разве лучше было
Морем долго плыть, чем в зеленом поле
Рвать мне цветочки?

Будь сейчас он здесь, этот бык проклятый,
Я б его мечом изрубила в гневе,
Я б ему рога обломала, был хоть
Мил так недавно.

Стыд забыв, ушла от родных Пенатов;
Стыд забыв, я в Орк не спешу. О, если
Внемлет бог какой, — среди львов я голой
Пусть бы блуждала.

Раньше, чем со щек худоба лихая
Сгонит красоту и добычи нежной
Выпьет соки все, — я прекрасной жажду
Тигров насытить.

Вот отец корит, хоть далек он: «Чтó ж ты
Медлишь смерть избрать себе? Видишь — ясень?
Можешь ты на нем удавиться, — благо
Пояс с тобою.

Если же в скалах, на утесах острых
Смерть тебя прельстит, то свирепой буре
Вверь себя. Иль ты предпочтешь — царевна —
Долю наложниц?

Шерсти прясть урок для хозяйки, грубой
Варвара жены? . .» Между тем Венера
Внемлет ей, смеясь вероломно с сыном —
Лук он ослабил.

Всласть натешась, ей говорит: «Сдержи ты
Гневный пыл и ссор избегай горячих —
Даст тебе рога ненавистный бык твой,
Даст изломать их.

Ты не знаешь: бог необорный — муж твой,
Сам Юпитер. Брось же роптать, великий
Жребий несть учись: ты ведь части света
Имя даруешь».

ОДЫ

28

Что другое в Нептунов день
Делать мне? Ты достань, Лида, проворнее
Из подвала цекубское,
И конец положи думе назойливой.

Видишь: полдень склоняется,
Ты же, словно и впрямь день окрыленный спит,
Медлишь вынуть из погреба
В нем застрявший кувшин времени Бибула.

В сменной песне Нептуна я
Воспою, Нерид кудри зеленые.
Ты на лире изогнутой
Про Латону споешь, про Стреловержицу;

Под конец мы восславим ту,
Что над Книдом царит и над Цикладами,
И на Паф с лебедей глядит, —
По заслугам и Ночь будет восславлена.

КНИГА ТРЕТЬЯ

29

Царей тирренских отпрыск! Тебе давно
Храню, не тронув, с легким вином кувшин
И роз цветы; и из орехов
Масло тебе, Меценат, на кудри

Уже отжато: вырвись из уз своих —
Не век же Тибур будешь ты зреть сырой,
Над полем Эфулы покатым
Зреть Телегона-злодея горы.

Покинь же роскошь ты ненавистную,
Чертог, достигший выси далеких туч;
В богатом Риме брось дивиться
Грохоту, дыму и пышным зданьям;

Богатым радость — жизни уклад сменять;
Под кровлей низкой скромный для них обед
Без багреца, без балдахина
Часто морщины со лба сгонял им.

Уж Андромеды светлый отец, Кефей
Огнем блистает: Малый бушует Пес
И Льва безумного созвездье;
Знойные дни возвращает Солнце.

С бредущим вяло стадом уж в тень спеша,
Пастух усталый ищет ручей в кустах
Косматого Сильвана; смолкнул
Брег, ветерок перелетный замер.

Тебя заботит, лучше какой уклад
Для граждан: ты ведь полон тревог за Рим;
Готовят что нам серы, бактры,
Киру покорные встарь, и скифы.

Но мудро боги скрыли от нас исход
Времен грядущих мраком густым: для них
Смешно, коль то, что не дано им,
Смертных тревожит. Что есть, спокойно

Наладить надо; прочее мчится все,
Подробно Тибру: в русле сейчас своем
В Этрусское он море льется
Мирно, — а завтра, подъявши камни,

Деревья с корнем вырвав, дома и скот —
Все вместе катит: шум оглашает вкруг
Леса соседние и горы;
Дразнит и тихие реки дикий

Разлив. Проводит весело жизнь свою
Как хочет тот, кто может сказать: сей день
Я прожил, завтра — черной тучей
Пусть занимает Юпитер небо

Иль ясным солнцем, — все же не властен он,
Что раз свершилось, то повернуть назад;
Что время быстрое умчало,
То отменить иль не бывшим сделать.

Фортуна рада злую игру играть,
С упорством диким тешить жестокий нрав:
То мне даруя благосклонно
Почести шаткие, то — другому.

Ее хвалю я, если со мной; когда ж
Летит к другому, то, возвратив дары
И в добродетель облачившись,
Бедности рад я и бесприданной.

Ведь мне не нужно, если корабль трещит
От южной бури, жалкие слать мольбы
Богам, давать обеты, лишь бы
Жадному морю богатств не придал

Из Тира, с Кипра ценных товаров груз.
Нет! я отважно, в челн двухвесельный сев,
Доверясь Близнецам и ветру,
В бурю помчусь по волнам эгейским.

ОДЫ

30

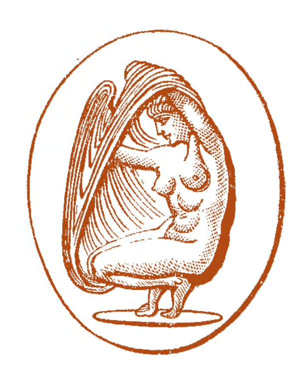
Создан памятник мной. Он вековечнее
Меди, и пирамид выше он царственных.
Не разрушит его дождь разъедающий,
Ни жестокий Борей, ни бесконечная

Цепь грядущих годов, в даль убегающих.
Нет, не весь я умру! Лучшая часть моя
Избежит похорон: буду я славиться
До тех пор, пока жрец с девой безмолвною

Всходит по ступеням в храм Капитолия.
Будет ведомо всем, что возвеличился
Сын страны, где шумит Ауфид стремительный,
Где безводный удел Давна — Апулия,

Эолийский напев в песнь италийскую
Перелив. Возгордись этою памятной
Ты заслугой моей и, благосклонная
Мельпомена, увей лавром чело мое!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ



1

Ты, Венера, чрез долгий срок
  Вновь войну начала? Сжалься, прошу, прошу!
Я не тот, что под игом был
  У Цинары моей кроткой! Ты сладостных

Купидонов мать грозная,
  Перестань гнуть меня, ныне бесстрастного,
Десять лустр пережившего,
  Властью нежной! На зов юношей трепетный

Снизойди, — к Павлу Максиму
  На крылах лебедей, пурпуром блещущих,
Ты взнесись с шумной свитою,
  Если хочешь зажечь сердце достойное.

Знатен он и собой красив,
  И готов постоять за обездоленных.
Всем искусствам обученный,
  Далеко пронесет он твой победный стяг.

И когда над соперником
  Верх возьмет, превзойдя щедрого щедростью.
У Албанского озера,
  Под кедровым шатром, образ твой мраморный

Он воздвигнет, — ты будешь там
  Дым курений вдыхать и веселить свой слух
Лирой и берекинтскою
  Флейтой, к ним примешав звуки свирельные.

Дважды в день пред тобою там
  В пляске будут ходить отроки с девами,
И во славу твою трикрат
  Бить о землю стопой, бить, точно Салии.

Мне же девы и отроки
  Чужды; больше надежд нет на взаимную
Силу страсти; пиры претят;
  И чела не хочу я обвивать венком.

Но увы! почему слеза
  По щеке, Лигурин, крадется робкая?
Почему среди слов язык
  Так позорно молчит, он, что молчанью враг?

В грезах сонных тебя порой
  Я в объятьях держу, или по Марсову
Полю вслед за тобой несусь,
  Иль плыву по волнам, ты ж отлетаешь прочь!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

2

Тот, держась на крыльях, скрепленных воском,
Морю имя дать обречен, как Икар,
Кто, о Юл, в стихах состязаться — дерзкий —
С Пиндаром тщится.

Как с горы поток, напоенный ливнем
Сверх своих брегов, устремляет воды,
Рвется так, кипит глубиной безмерной
Пиндара слово.

Стоит он всегда Аполлона лавров:
Новые ль слова в дефирамбах смело
Катит, мчится ль вдруг, отрешив законы,
Вольным размером;

Славит ли богов иль царей, героев,
Тех, что смерть несли поделом кентаврам,
Смерть Химере, всех приводившей в трепет
Огненной пастью;

Иль поет коня и борца, который
С игр элидских в дом возвратился в славе,
Песнью, в честь его, одарив, что сотни
Статуй ценнее;

С скорбною ль женой об утрате мужа
Плачет, ей до звезд его силу славит,
Нрав златой и доблесть, из тьмы забвенья
Вырвав у Смерти.

Полным ветром мчится диркейский лебедь
Всякий раз, как ввысь к облакам далеким
Держит путь он, я же пчеле подобен
Склонов Матина:

Как она, с трудом величайшим, сладкий
Мед с цветов берет ароматных, так же
Понемногу я среди рощ прибрежных
Песни слагаю.

Лучше ты, поэт, полнозвучным плектром
Нам споешь о том, как, украшен лавром,
Цезарь будет влечь через Холм священный
Диких сигамбров.

Выше, лучше здесь никого не дали
Боги нам и рок, не дадут и впредь нам,
Пусть хотя б назад времена вернулись
Века златого.

Будешь петь ты радость народа, игры,
Дни, когда от тяжб отрешится форум,
Если бог к мольбам снизойдет, чтоб храбрый
Август вернулся.

Вот тогда и я подпевать уж буду, —
Если сто́ит речь мою слушать, — счастлив
Тем, что Цезарь к нам возвращен: «О славься,
Красное солнце!»

Шествию его «о Триумф!» не раз мы
Возгласим тогда — «о Триумф!» Ликуя,
Государством всем благосклонным вышним
Ладан воскурим.

Твой обет — быков и коров по десять,
Мой обет — один лишь теленок; ныне,
Мать покинув, он на лугу цветущем
В возраст приходит,

И рога его подражают рожкам
В третий день луны молодой; примета
Есть на лбу — бела, как полоска снега, —
Сам же он рыжий.

ОДЫ

3

Тот, кого, Мельпомена, ты
  При рожденьи хоть раз взглядом приветила,
Не прославится в Истмиях
  Знаменитым бойцом, и победителем

Не помчится на греческой
  Колеснице. Его ратные подвиги
Не введут триумфатором
  В Капитолий за то, что он надменные

Смёл угрозы царей во прах.
  Нет! Но воды, Тибур плодотворящие,
И дубравы тенистые
  В эолийских стихах славу родят ему.

В Риме, городе царственном,
  Молодежью включен быть удостоен я
В круг поэтов излюбленных,
  И меня уж язвит меньше зуб Зависти.

О, на лире божественной
  Звуки славные струн дивно родящая,
Муза, песнь лебединую
  Рыбам властная дать, если восхочешь ты!

Это твой только дар благой —
  Что прохожим знако́м я становлюсь теперь,
Как хозяин родимых струн, —
  Что живу и любим, если любим я стал.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

4

Орлу царем быть птиц поручил Отец;
Царю богов он молниеносцем был;
При похищеньи Ганимеда
Верность его испытал Юпитер.

Птенца когда-то пылкость — отцовский дар —
Его толкнула вон из гнезда лететь,
Труда незнавшим; ветер вешний
Робкого новым движеньям в небе

Учил, согнавши тучи. Затем его
К земле, к овчарням пылкий порыв увлек;
А ныне жажда пищи, брани
Гонит его на борьбу с драконом.

В лугу отрадном, тешась травой, коза
Вдруг видит львенка (в пору, как прогнан он
От груди матери) и чует —
Сгубят ее молодые зубы...

Такой же страх винде́ликам Друз внушил,
Когда в Ретийских Альпах он вел войну.
Откуда взяли те обычай
Всюду, как встарь амазонки, острый

Носить топорик в правой руке, — искать
Я бро́сил: право, всё не дано нам знать.
Орды, победные доселе,
Все перед юношей мудрым пали,

Поняв, какая сила талант и ум,
Когда воспитан в доме, что люб богам,
И что́ отеческой заботой
Август для юных Неронов сделал.

Рождают храбрых храбрые; лишь отцов
Наследье — доблесть ко́ней младых, быков;
Орлы жестокие не могут
Мирных на свет произвесть голубок.

Растит ученье силы врожденный дар,
Уход разумный доблесть в груди крепит·
Когда же нравственность слабеет,
Всё благородное грех позорит.

Обязан чем ты роду Неронов, Рим,
Тому свидетель берег Метавра, там
Разбит был Газдрубал в тот чудный
День, что, рассеявши мрак, впервые

Победы сладкой Лацию радость дал,
С тех пор как, словно пламя в сухом бору,
Иль Евр над морем Сицилийским,
Мчался верхом Ганнибал чрез грады.

В счастливых войнах римский народ тогда
Расти уж стал, и в храмах, безбожно так
Рукой пунийца разоренных,
Вновь водворились благие боги.

Коварный молвил враг Ганнибал тогда:
«Волков добыча хищных — олени мы
Идем на тех, кого избегнуть
Было бы высшим триумфом нашим.

Народ сей после Трои сожженья смог,
В волнах этрусских долго блуждав, донесть
Отважно до брегов авзонских
Отчих богов и детей, и старцев.

Как дуб секирой срезан, сильней растет
В густых дубравах Алгида, так и он
Средь тяжких битв и поражений
Дух укрепляет самим железом.

Росла не пуще Гидра, когда Геракл,
Томясь бесчестьем, головы ей рубил;
Не знали Фивы Эхиона
Чудищ грозней, иль народ Колхиды.

Утопишь глубже — выникнет краше он;
Поборешь — свергнет вдруг победителя
С великой славой и вступает
В битвы, что после восхвалят жены.

Гонцов мне гордых слать в Карфаген уже
Нельзя отныне: пали надежды все
С тех пор, как Газдрубал сражен был, —
Имени нашего счастья пало.

Всё могут сделать Клавдия войск полки:
Их жизнь Юпитер сам, благосклонный к ним,
Хранит; их мудрые расчеты
В брани опаснейший миг спасают».

ОДЫ

5

Сын блаженных богов, рода ты римского
Охранитель благой, мы заждались тебя!
Ты пред сонмом отцов нам обещал возврат
Скорый, — о, воротись скорей!

Вождь наш добрый, верни свет своей родине!
Лишь блеснет, как весна, лик лучезарный твой
Пред народом, для нас дни веселей пойдут,
Солнце ярче светить начнет.

Как по сыну скорбит мать, если злобный Нот
По карпатским волнам плыть не дает ему,
Не давая узреть дома родимого
Больше года; как мать, молясь,

Иль обеты творя, или гадаючи,
Не отводит очей от берегов крутых,
Так, тоской исходя, родина верная
Всё томится по Цезарю.

Безопасно бредет ныне по пашне вол;
Сев Церера хранит и Изобилие;
Корабли по морям смело проносятся;
Ни пятна нет на честности;

Не бесчестит семьи любодеяние;
Добрый нрав и закон — цепь для распутников;
Матери родовым сходством детей горды;
За виной кара следует.

Кто боится парфян, кто скифа дерзкого?
Кто германской страны, диким отродием
Столь чреватой? На то Цезарь наш здравствует!
Кто войны с злой Иберией?

На холмах у себя день свой проводит всяк,
Сочетая с лозой дерево вдовое,
И, домой воротясь, пьет, на пиру к тебе,
Словно к богу, взываючи.

Он, с мольбою к тебе и с возлиянием
Обращаясь, твое чтит имя божие,
Приобщая его к Ларам, — так в Греции
Чтят Геракла и Кастора.

«О, продли, добрый вождь, ты для Гесперии
Счастья дни!» — по утрам так мы и трезвые
Молим, молим мы так и за вином, когда
Солнце к морю склоняется.

6

Бог, чью месть за дерзкий язык изведал
Род Ниобы весь, похититель Титий,
И Ахилл, едва не вошедший в Трою
Победоносно.

Воин всех сильней, но тебе не равный,
Хоть родился он от Фетиды-нимфы;
Хоть копьем своим приводил он в трепет
Башни дарданцев.

Словно гордый кедр, что секирой срублен,
Словно Евром вдруг кипарис сраженный,
Рухнул наземь он и главой уткнулся
В прах илионский.

Он в обман не ввел бы — в коне сокрытый,
В том, что̀ ложно был посвящен Минерве —
Тевкров, как на грех, пировавших, двор весь
В радостной пляске;

Нет, он въявь гроза для плененных — ужас! —
Ввергнул бы в огонь и детей, не знавших
Речи; даже тех — о позор! — что скрыты
В матери чреве.

К счастью, Феб, твой глас и благой Венеры
Вняв, отец богов снизошел к Энею:
Стены дал ему возвести для града
С лучшей судьбою.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Мастер лиры, ты, обучивший Музу,
В Ксанфа ты струях омываешь кудри;
Будь защитой, Феб, Агиэй безусый,
Давна Камене!

Феб внушил мне дар вдохновенья, песни
Петь и имя мне даровал поэта.
Лучшие из дев и отцов славнейших
Отроки! Вас ведь

Всех берет под кров свой Диана-дева,
Чьи и рысь и лань поражают стрелы...
Вы блюдите такт, по ударам пальца,
Песни лесбийской.

Чинно пойте песнь вы Латоны сыну,
Пойте той, что свет возвращает ночью,
Рост дает плодам и движеньем быстрым
Месяцев правит.

Дева! Став женой, «Вознесла я» — скажешь —
«Гимн богам во дни торжества, что Риму
Век протекший дал, а поэт Гораций
Дал мне размеры».

7

Снег последний сошел, зеленеют луга муравою,
Кудрями кроется лес;
В новом наряде земля, и стало не тесно уж рекам
Воды струить в берегах;

Грация с сестрами вновь среди Нимф уж дерзает, нагая,
Легкий водить хоровод.
Ты же бессмертья не жди, — это год прожитой нам вещает
Так же, как солнца закат.

Холод Зефиром сменен; весна поглощается летом,
С тем, чтоб и лето прошло;
И уже сыплет дары плодоносная осень, чтоб вскоре
Стала недвижно зима.

Месяца в небе ущерб возмещается быстро луною;
Мы же, когда низойдем
В вечный приют, где Эней, где Тулл велелепный и Марций, —
Будем лишь тени и прах.

Знает ли кто, подарят ли нам боги хоть день на придачу
К жизни, уже прожитой?
Пусть же минует все то рук наследника жадных, чем можешь
Жизнь ты свою усладить!

Стоит тебе умереть, лишь Минос приговор в преисподней
Свой над тобой изречет, —
Ни красноречье тебя, ни твое благочестье, ни знатность
К жизни, Торкват, не вернут.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Даже Дианой не мог Гипполит целомудренный к жизни
Взят быть из царства теней.
И не способен Тезей сокрушить цепи Леты, в которых
Страждет давно Пирифой.

8

Я б друзьям подарил с полной охотою
Чаши, мой Цензорин, медь, им желанную,
И треножники всем — греков почетные
Роздал я бы дары, не позабыв тебя,
Если б был я богат теми издельями,
Что Паррасий создал или создал Скопас, —
Этот в мраморе, тот краской текучею
Мастер изображать бога иль смертного.
Но нет средств у меня, и не нуждается
В дивах этих твой ум и обеспеченность.
В песне радость твоя, — песню ж могу я дать
И, даря, оценить всю ее стоимость. . .
Знаки, что на камнях врезаны волею
Граждан, дабы вернуть рати водителю
Жизнь по смерти и дух; бегство поспешное
Ганнибала; гроза, вспять обращенная
На него же; пожар града безбожного,
Карфагена, — вождя, имя кому дала
Покоренная им силою Африка,
Не прославят звончей песни калабрских Муз.
И, коль свиток хранить будет молчание,
За деянья свои ты не получишь мзды.
Чем бы стал славный сын Марса и Илии,
Если б зависть, сокрыв, подвиги Ромула
Обошла? А Эак? Милость, талант и глас
Всемогущих певцов перенесли его
В край блаженных, из вод выхватив Стиксовых,
Муза смерти не даст славы достойному:
К небу Муза ведет! И неустанного

Геркулеса на пир вводит к Юпитеру;
Тиндаридов звезда чуть не со дна морей
Извлекает корабль, бурей расшатанный,
И, лозою увит, Либер желаниям
Задушевным людей добрый исход дает.

ОДЫ

9

Поверь, погибнуть рок не судил словам,
Что́ я, рожденный там, где шумит Ауфид,
С досель неведомым искусством
Складывал в песни под звуки лиры.

Хотя Гомер и в первом ряду стоит,
Но все ж поэты: Пиндар, гроза-Алкей,
Степенный Стесихор, Кеосец
Скорбный, — еще не забыты славой.

Не стерло время песен, что пел, шутя,
Анакреонт, и дышит еще любовь,
И живы, вверенные струнам,
Пылкие песни Лесбийской девы.

Прельстясь кудрями пышными иль одежд
Златою тканью, роскошью царской, слуг
Числом, — из женщин не одна ведь
Страстью любовной зажглась Елена.

И Тевкр не первый стрелы умел пускать
Из луков критских; Троя была не раз
В осаде; не одни сражались
Идоменей и Сфенел — герои.

В боях, достойных пения Муз; приял
Свирепый Гектор и Деифоб лихой
Не первым тяжкие удары —
Кару за юношей, жен стыдливых

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Немало храбрых до Агамемнона
На свете жило; вечный, однако, мрак
Гнетет их всех, без слез, в забвеньи:
Вещего не дал им рок поэта.

Талант безвестный близок к бездарности,
Зарытой в землю. Лоллий! Мои стихи
Тебя без славы не оставят;
Подвигов столько твоих не дам я

Пожрать забвенью жадному без борьбы.
Тебе природой ум дальновидный дан,
Душою прям и тверд всегда ты
В благоприятных делах и трудных;

Каратель строгий жадных обманщиков —
Чуждался денег, всем столь желанных, ты;
Был консулом не год один лишь;
Добрый надежный судья, всегда ты

Превыше личной выгоды ставил честь,
Людей преступных прочь отметал дары
С презреньем, и правосудья
Меч проносил сквозь толпу густую.

Не тот счастливым вправе назваться, кто
Владеет многим: имя счастливца тот
Носить достойней, кто умеет
Вышних даянья вкушать разумно,

Привык суровой бедности гнет терпеть,
Боится пуще смерти постыдных дел,
Но за друзей и за отчизну
Смерти навстречу пойдет без страха.

10

Неприступный пока, мой Лигурин, щедро Венерою
Одаренный, когда первый пушок спесь пособьет твою,
И обрежут руно пышных кудрей, что по плечам бегут,
И ланиты, чей цвет розы нежней, грубой покроются

Бородою, тогда ты, Лигурин, в зеркало глянувши,
И не раз и не два скажешь с тоской, видя, что стал другим:
«Ах, зачем не имел, отроком быв, чувств я теперешних?
Не вернется, увы, свежесть ланит следом за чувствами!»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

11

Бочка есть с вином у меня албанским, —
Девять лет ему; есть в саду, Филлида,
Сельдерей, венки чтобы вить; найдется
Плющ в изобилье, —

Он идет к твоим заплетенным косам!
Дом манит к себе, серебром смеется,
И алтарь, увитый вербеной, жаждет
Крови ягненка.

Всё в руках кипит, и мелькают быстро
Там и сям, спеша, все служанки, слуги,
И огонь горит, и клубятся тучи
Черного дыма.

Но чтоб знала ты, на какую радость
Ты звана, скажу: мы справляем Иды, —
Тот апреля день, что Венерин месяц
Надвое делит.

Этот день — святей и дороже мне он,
Чем рожденья день, — Меценат желанный
От него ведет счет годам, что быстро
Всё прибывают.

К Те́лефу ты льнешь всей душой, но Телеф,
Верь, не для тебя: он богатой девой
Занят и у ней, у резвушки милой,
Ныне в плену он.

Нас от жадных грез Фаэтон спаленный
Должен уберечь — он урок дал жуткий —
И Пегас, нести не хотев земного
Беллерофонта.

Дерево ты гни по себе, Филлида,
И, за грех сочтя о неровне грезить,
Не стремись к нему, а скорее эту
Выучи песню

И пропой ее голоском мне милым,
Страстью я к тебе увлечен последней,
Больше не влюблюсь ни в кого! — рассеет
Песня заботу.

12

Вот уж, спутник весны, веет фракийский ветр,
Гонит вдаль паруса, моря ласкаяя гладь;
Льда уж нет на лугах; воды бесшумно мчат
Реки, талых снегов полны.

Вьет касатка гнездо; стонет она, скорбит;
Сердце бедной томит Итиса смерть; укор
Вечно Кекропу шлет, — зло ей пришлось царю
Мстить за дикую страсть его.

Вот пасут пастухи жирных овец стада;
Лежа в мягкой траве, тешат свирелью слух
Богу Пану, кому по́-сердцу скот хранить
В темных рощах Аркадских гор.

Будит жажду весна! Хочешь, Вергилий, пить
В Калах выжатый сок, Либера дар? Так знай:
Ты получишь вина, юношей знатных друг, —
Нарда только достань ты мне.

Нарда малый оникс выманит амфору,
Ту, что ныне лежит в складе Сульпиция.
Много новых надежд властно дарить вино,
Горечь тяжких забот смывать.

Жаждешь этих утех, так поспеши скорей
К нам с товаром своим: мысли такой я чужд —
Дать безмездно тебе мокнуть в моем вине,
Словно в пышном дому богач.

Право, медлить ты брось, всякий расчет забудь.
Помня мрачный костер, можно пока, дерзай
С трезвой мыслью мешать глупость на краткий срок:
Сладко мудрость забыть порой.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

13

Вняли, Лика, моим боги желаниям,
Вняли, Лика! И вот ты уже старишься,
Но всё хочешь казаться
Юной, — пляшешь, бесстыдница,

Пьешь и хочешь зазвать песнью дрожащею
Ты Эрота, а тот жертву ждет новую
На ланитах цветущей
Хии, цитры владычицы.

Он, порхая, дубов дряхлых сторонится
И тебя потому он обегает, что
У тебя уж морщины,
Зубы желты и снег в кудрях.

И ни косская ткань полупрозрачная,
Ни камней дорогих блеск не вернут тебе
Тех времен улетевших,
След которых лишь в записях.

Где же прелесть, увы, где же румянец твой,
Где движений краса? Облик где той-то, — той,
Что любовью дышала,
Сердце тайно в полон брала,

Состязаясь красой с юной Цинарою?
Но Цинаре судьба краткий лишь век дала,
Собираясь, вороне
Старой возрастом равную,

Лику долго хранить, чтоб этим зрелищем
Любоваться могли пылкие юноши,
Не без громкого смеха
Пред обугленным факелом.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

14

Каким путем бы римский сенат, народ
Увековечить подвиги мог твои,
О Август, честь воздать заслугам,
Выбив на камне, вписав их в фасты?

Во всей вселенной, солнце какой бы край
Ни озаряло, ты — величайший вождь!
Винделики, кому латинян
Чужды законы, еще недавно

Твою узнали мощь на войне: народ
Генавнов дикий бревнов проворных Друз
Прогнал, двойное пораженье
Им нанеся и низвергнув башни,

Что враг в Альпийских грозных горах возвел.
А вскоре старший в доме Неронов дал
Жестокий бой свирепым ретам,
Волей богов обратил их в бегство.

В пылу сраженья стоило зреть его,
Как он без счета груди врагов дробил,
Что обрекли себя на гибель.
Словно бурливые воды ветер

Волнует южный, в пору, когда Плеяд
Созвездье тучи режет, полки врагов
Без устали теснил Тиберий,
В самую сечу с конем врываясь.

Как А́уфид бурный — туроподобный — вдруг
Чрез царство Давна волны свирепо мчит,
Полям и нивам апулийца
В гневе грозя наводненьем страшным,

Громил так Клавдий, ринувшись в смертный бой.
Одетых в латы варваров без потерь;
Кося и задних и передних,
Трупами землю устлал победно.

Ты войско, мудрость, милость богов ему
Сумел доставить. С той ведь поры, как порт
Тебе с мольбой Александрия
Вместе с дворцом, уж пустым, открыла,

Спустя пятнадцать лет тебе вновь дала
Фортуны милость добрый исход войны,
К деяньям, прежде совершенным,
Лавры прибавив и блеск желанный.

Узды не знавший прежде кантабр и перс,
Кочевник скиф и индус — дивятся все
Тебе, Италии и Рима
Здесь на земле, покровитель мощный!

Дивится Нил, что место рожденья вод
Таит, и Истр, и быстро текущий Тигр,
И Океан, чудовищ полный,
Ревом глушащий британцев дальних.

Тебе покорны: галлы, которым чужд
Пред смертью трепет; дикой земли сыны —
Испанцы; и тебя сигамбры
Чтят, кровожадные, сдав оружье.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

15

Хотел я грады петь полоненные
И войны, но по лире ударил Феб,
Чтоб не дерзнул я слабый парус
Вверить простору зыбей тирренских.

Твой век, о Цезарь, нивам обилье дал;
Он возвратил Юпитеру нашему,
Сорвав со стен кичливых парфов,
Наши значки; он замкнул святыню

Квирина, без войны опустевшую;
Узду накинул на своеволие,
Губившее правопорядок;
И, обуздавши преступность, к жизни

Воззвал былую доблесть, простершую
Латинян имя, мощь италийскую
И власть и славу, от заката
Солнца в Гесперии до восхода.

Хранит нас Цезарь, и ни насилие
Мир не нарушит, ни межусобица,
Ни гнев, что меч кует и часто
Город на город враждой подъемлет.

Закон покорно вытерпит Юлия,
Кто воду пьет Дуная глубокого,
И сер, и гет, и перс лукавый,
Или же тот, кто близ Дона вырос.

А мы и в будний день и в день праздничный
Среди даров веселого Либера,
С детьми и с женами своими
Перед богами свершив моленье,

Петь будем по заветам по дедовским
Под звуки флейт про славных воителей,
Про Трою нашу, про Анхиза
И про потомка благой Венеры.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГИМН

Феб и ты, царица лесов, Диана,
Ясный свет небес! Поклоненье вечно
Да воздастся вам! Снизойдите к просьбам
В день сей священный!

В день, когда Сивиллы велели книги
Воспевать богов, под покровом коих
Семихолмный град, — хору дев избранных
С отроков хором.

Пусть, о Солнце, ты, что даешь и прячешь
День, — иным и тем же рождаясь, — пусть же
Ты нигде не зришь ничего славнее
Города Рима!

Ты, что в срок рожать помогаешь женам,
Будь защитой им, Илифия, кроткой,
Пусть Луциной ты предпочла бы зваться,
Пусть Генитальей.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГИМН

О умножь наш род, помоги указам,
Что издал сенат об идущих замуж,
Дай успех законам, поднять сулящим
Деторожденье!

Круг в сто десять лет да вернет обычай
Многолюдных игр, да поются гимны
Трижды светлым днем, троекратно ночью
Благоприятной.

Парки! вы всегда предвещали правду:
То, что рок судил, что хранит, незыблем,
Термин — бог; судьбе вы былой даруйте
Судьбы благие.

Хлебом пусть полна и скотом, Церере
В дар Земля венок из колосьев вяжет,
Ветром пусть плоды и живящей влагой
Вскормит Юпитер.

Благосклонно, лук отложив и стрелы,
Юношей внемли, Аполлон, моленьям!
Ты, царица звезд, о Луна младая,
Девушкам вне́мли!

Если вами Рим был когда-то создан
И этрусский брег дан в удел троянцам,
Отчий град послушным сменить и Ларов
В бегстве успешном.

За Энеем чистым уйдя, который
Указал им путь из горящей Трои,
Спасшись сам, и дать обещал им больше,
Чем потеряли, —

Боги! честный нрав вы внушите детям,
Боги! старцев вы успокойте кротких,
Роду римлян дав и приплод и блага
С вечною славой.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГИМН

Всё, о чем, быков принося вам белых,
Молит вас Анхиза, Венеры отпрыск,
Да получит он, ко врагам смирённым
Милости полный.

Вот на суше, на море перс страшится
Ратей грозных, острых секир албанских,
Вот приказов ждут уже скиф и индус,
Гордый недавно.

Вот и Верность, Мир, вот и Честь, и древний
Стыд, и Доблесть вновь, из забвенья выйдя,
К нам назад идут, и Обилье с полным
Близится рогом.

Вещий Феб, чей лук на плечах сверкает,
Бог — любимец Муз девяти, целящим
Ты искусством шлешь облегченье людям
В тяжких недугах.

Лишь узрит алтарь Палатинский оком
Добрым Феб, продлит он навеки Рима
Мощь, из года в год одаряя новым
Счастием Лаций.

С Алгида ль высот, с Авентина ль внемлет
Здесь мужей пятнадцати гласу Дева,
Всех детей моленьям она любовно
Ухо преклонит.

Так решил Юпитер и сонм всевышних,
Верим мы, домой принося надежду,
Научившись петь, восхваляя хором
Феба с Дианой.

ЭПОДЫ

1

На либурнийских, друг, ты поплывешь ладьях
Среди судов с бойницами:
Везде охотно с Цезарем готов делить
Ты, Меценат, опасности.
Но мне как быть? Мне жизнь мила, пока ты жив,
И в тягость, если нет тебя!
Избрать ли лучше мне, как ты велишь, покой,
Не сладкий от тебя вдали,
Иль подвиг бранный твой, чтобы нести его,
Как надо мужу стойкому?
Так понесем же вместе! Хоть чрез Альп хребты,
Хоть по Кавказу дикому,
Хоть до пределов самых крайних Запада
С тобой пойду бесстрашно я.
Ты спросишь, чем же облегчу я подвиг твой,
Я слабый, невоинственный?
С тобой я буду меньший страх испытывать,
Чем ужас в одиночестве.

Страшней наседке за неоперившихся
Птенцов, коль их покинула,
Хоть от подползших змей их защитить она
Не сможет и присутствуя.
И в этот и во всякий я готов поход,
Надеясь на любовь твою,
А не в надежде, что удастся больше мне
Впрягать волов в плуги свои,
Иль что до зноя скот мой из Калабрии
Пастись пойдет в Луканию,
Иль что достигнут стен высоких Тускула
Мои чертоги сельские.
Довольно: слишком от твоей я щедрости
Богат; копить не стану я
Еще, чтоб в землю прятать, как скупой Хремет,
Иль расточать, как жалкий мот.

ЭПОДЫ

2

Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
Как первобытный род людской,
Наследье дедов пашет на волах своих,
Чуждаясь всякой алчности,
Не пробуждаясь от сигналов воинских,
Не опасаясь бурь морских,
Забыв и форум, и пороги гордые
Сограждан власть имеющих.
В тиши он мирно сочетает саженцы
Лозы с высоким тополем,
Присматривает за скотом, пасущимся
Вдали, в логу заброшенном,
Иль, подрезая сушь на ветках, делает
Прививки плодоносные,
Сбирает, выжав, мед в сосуды чистые,
Стрижет овец безропотных;
Когда ж в угодьях Осень вскинет голову,
Гордясь плодами зрелыми, —
Как рад снимать он груш плоды отборные
И виноград пурпуровый,
Тебе, Приап, как дар, или тебе, отец
Сильван, хранитель вотчины!
Захочет — ляжет иль под дуб развесистый,
Или в траву высокую;
Лепечут воды между тем в русле крутом,
Щебечут птицы по лесу,
Струям же вторят листья нежным шопотом,
Сны навевая легкие...
Когда ж Юпитер-громовержец вызовет
С дождями зиму снежную, —

В тенета гонит кабанов свирепых он
Собак послушных сворою,
Иль расстилает сети неприметные,
Дроздов ловя прожорливых,
Порой и зайца в петлю ловит робкого
И журавля залетного.
Ужели дум нельзя развеять суетных
Среди всех этих радостей,
Вдобавок, если ты с подругой скромною,
Что няньчит милых детушек,
С какой-нибудь сабинкой, апулийкою,
Под солнцем загоревшею?
Она к приходу мужа утомленного
Очаг зажжет приветливый
И, скот загнав за изгородь сама пойдет
Сосцы доить упругие,
Затем вина подаст из бочки легкого
И трапезу домашнюю.
Тогда не надо ни лукринских устриц мне,
Ни губана, ни камбалы,
Хотя б загнал их в воды моря нашего
Восточный ветер с бурею;
И не прельстит цесарка африканская
Иль франколин Ионии
Меня сильнее, чем оливки жирные,
С деревьев прямо снятые,
Чем луговой щавель, для тела легкая
Закуска из просвирника,
Или ягненок, к празднику заколотый,
Иль козлик, волком брошенный.
И как отрадно наблюдать за ужином
Овец, домой стремящихся,
Волов усталых с плугом перевернутым,
За ними волочащимся,
И к ужину рабов, как рой, собравшихся
Вокруг божеств сияющих! —
Когда наш Альфий-ростовщик так думает, —
Вот-вот уж и помещик он.
И все собрал он, было, к Идам денежки,
Да вновь к Календам в рост пустил!

ЭПОДЫ

3

Коль сын рукою нечестивой где-нибудь
Отца задушит старого,
Пусть ест чеснок: цикуты он зловреднее!
О крепкие жнецов кишки!
Что за отрава мне в утробу въелася?
Иль кровь змеи мне с этою
Травой варилась на-зло? Иль Канидия
Мне зелье это стряпала?
Когда Медею Аргонавтов вождь пленил
Своей красой блистательной,
Она, чтоб мог он диких укротить быков,
Язона этим смазала;
И, влив такой же яд в дары сопернице,
Умчалась на крылах змеи.
Еще ни разу звезды так не жарили
Засушливой Апулии,
И плеч Геракла так не жег могучего
Кентавров дар мучительный.
А коль, затейник-Меценат, захочешь ты
Опять такого кушанья,
Пусть поцелуй твой дева отстранит рукой
И дальше отодвинется!

ЭПОДЫ

4

Вражда такая ж, как у волка с овцами,
И мне с тобою выпала.
Бичами бок твой весь прожжен испанскими,
А голени — железами.
Ходи ты, сколько хочешь, гордый деньгами,
Богатством свой не скроешь род!
Ты видишь, идя улицей Священною,
Одетый в тогу длинную,
Как сторонятся все тебя прохожие,
Полны негодования?
«Плетьми запорот так он триумвирскими,
Что и глашатай выдохся;
В Фалерне ж он помещик: иноходцами
Он бьет дорогу Аппия.
Как видный всадник в первых он рядах сидит,
С Отоном не считаяся.
К чему же столько кораблей тяжелых нам
Вести с носами острыми
На шайки беглых, на морских разбойников,
Коль он трибун наш воинский?»

ЭПОДЫ

«О боги, кго б ни правил с высоты небес
Землей и человечеством,
Что значат этот шум и взоры грозные,
Ко мне все обращенные?
Детьми твоими заклинаю я тебя,
Коль впрямь была ты матерью,
Ничтожной этой оторочкой пурпурной
И карою Юпитера,
Зачем ты смотришь на меня, как мачеха,
Как зверь, стрелою раненый?»
Лишь кончил мальчик умолять дрожащими
Устами и, лишен одежд,
Предстал (он детским телом и безбожные
Сердца фракийцев тронул бы),
Канидия, чьи волосы нечесаны
И змейками проплетены,
Велит и ветви фиг, с могил добытые,
И кипарис кладбищенский,
И яйца, кровью жабы окропленные,
И перья мрачных филинов,
И травы, ядом на лугах набухшие
В Иолке и в Иберии,
И кость, из пасти суки тощей взятую,
Сжигать в колхидском пламени.
Меж тем Сагана наготове по дому
Кропит водой авернскою,
Как у бегущих вепрей иль ежей морских
Свои ощерив волосы.
А Вейя, совесть всякую забывшая,
Кряхтя с натуги тягостной,

Копает землю крепкою мотыгою,
Чтоб яму вырыть мальчику,
Где б, видя смену пред собою кушаний,
Он умирал бы медленно,
Лицо не выше над землею выставив,
Чем подбородок тонущих.
Пойдет сухая печень с мозгом вынутым
На зелье приворотное,
Когда, вперившись в яства недоступные,
Зрачки угаснут детские.
Мужскою страстью одержима Фолоя
Была тут Ариминская.
И весь Неаполь праздный и соседние
С ним города уверены,
Что фессалийским сводит заклинанием
Она луну со звездами.
Свинцовым зубом тут грызя Канидия
Свой ноготь неостриженный,
О чем молчала, что сказала? — «Верные
Делам моим пособницы,
Ночь и Диана, что блюдешь безмолвие
При совершеньи таинства,
Ко мне! На помощь! На дома враждебные
Направьте гнев божественный!
Пока в зловещих дебрях звери прячутся
В дремоте сладкой сонные,
Пускай, всем на-смех, лаем псы субурские
Загонят старца блудного!
Таким он нардом умащен, что лучшего
Рука моя не делала.
Но что случилось? Почему же яростной
Медеи яд не действует,
Которым гордой отомстив сопернице,
Царя Креонта дочери,
Она бежала прочь, а новобрачную
Спалил наряд отравленный?
Травой и корнем я не обозналася,
По крутизнам сокрытыми!
Ведь отворотным от любовниц снадобьем
Постель его намазана!

Ага! Гуляет он, от чар избавленный
Колдуньей, что сильней меня.
О Вар, придется много слез пролить тебе:
Питьем еще неведомым
Тебя приважу: не вернут марсийские
Тебе заклятья разума.
Сильней, сильнее зелье приготовлю я,
Тебе волью изменнику.
Скорее ниже неба море спустится,
Землею все покрытое,
Чем распаленный страстью не зажжешься ты,
Как нефть, коптящим пламенем!»
Тут мальчик бросил ведьм безбожных жалобно
Смягчать словами кроткими
И, всё не зная, чем прервать молчание,
Как сам Фиест он проклял их:
«Волшебный яд ваш, правду сделав кривдою,
Не властен над судьбой людей.
Вас проклинаю, моего проклятия
Не искупить вам жертвами!
Лишь, обреченный смерти, испущу я дух,
Ночным явлюсь чудовищем,
Вцеплюсь кривыми я когтями в лица вам,
Владея силой адскою,
На грудь налягу вашу беспокойную
И сна лишу вас ужасом!
Всех вас, старухи мерзкие, каменьями
Побьет толпа на улице,
А трупы волки растерзают хищные
И птицы эсквилинские.
И пусть отец мой с матерью несчастною
Увидят это зрелище!»

ЭПОДЫ

6

Что на прохожих мирных, пес, кидаешься?
Знать волка тронуть боязно?
Посмей-ка только на меня ты броситься,
Узнаешь, как кусаюсь я!
Ведь я, как рыжий пес лаконский иль молосс, —
Защитник стад пастушеских —
В снегу глубоком, уши вверх, за зверем мчусь,
Какой бы ни был спереди;
А ты, наполнив рощу грозным лаем, сам
Кусок, что кинут, нюхаешь.
Смотри, смотри же! Я — на злых жесток — держу
Готовыми рога, как зять
Ликамба, мстивший вероломцу за отказ,
Как враг горячий Бупала.
Ужели, черным зубом тронут, буду я,
Не мстя, реветь, как мальчики?

ЭПОДЫ

7

Куда, куда вы валите, преступники,
Мечи в безумье выхватив?!
Неужто мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою —
Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне,
Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,
А для того, чтобы, парфянам на-руку,
Наш Рим погиб от рук своих?
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем!
Ослепли ль вы? Влечет ли вас неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте!
Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы — в оцепенении...
Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинного,
Кровь правнуков заклявшая.

9

Когда ж, счастливец-Меценат, отведаем,
Победам рады Цезаря,
Вина Цекуба, что хранилось к празднику
(Угодно так Юпитеру)
В твоем высоком доме и споем под звук
Дорийской лиры с флейтами?
Так пили мы, когда суда сожженные
Покинул вождь, Нептуна сын,
Грозивший Риму узами, что дружески
С рабов он снял предателей.
О римский воин, — дети, не поверите! —
Порабощен царицею,
Оружье, колья носит: служит женщине
И евнухам морщинистым;
В военном стане солнце зрит постыдную
Палатку в виде полога!
Две тысячи тут галлов, повернув коней,
Привет пропели Цезарю,
И вдруг, налево в гавань повернувшие,
Суда укрылись недругов...
Веди ж златую колесницу, о Триумф,
Телят, ярма не ведавших!
Вождя ему, Триумф, не видел равного
Ты ни в войну с Югуртою,
Ни в ту, в которой «Африкана» доблести
Сам Карфаген был памятник.
Уж враг на суше, на море поверженный,
Сменил на траур пурпур свой.
Иль в гавань Крита он плывет стоградного,
Туда гонимый ветрами,

Иль к Сиртам, Нотом он обуреваемым
Спешит по морю страшному.
Неси же, мальчик, в чашах нам уемистых
Хиосских иль лесбосских вин,
Иль влей вина ты нам еще цекубского,
От тошноты целящего:
Заботы любо нам и страх за Цезаря
Прогнать Лиэем сладостным!

10

Идет, с дурным, корабль, отчалив, знаменьем,
Неся вонючку-Мевия.
Так оба борта бей ему без устали,
О Австр, волнами грозными!
Пусть, море вздыбив, черный Евр проносится,
Дробя все снасти с веслами,
И Аквилон пусть дует, что нагорные
Крошит дубы дрожащие,
Пускай с заходом Ориона мрачного
Звезд не сияет благостных.
По столь же бурным пусть волнам он носится,
Как греки-победители,
Когда сгорела Троя, и Паллады гнев
На судно пал Аяксово.
О, сколько пота предстоит гребцам твоим,
Тебе же — бледность смертная,
Позорный мужу вопль, мольбы и жалобы
Юпитеру враждебному,
Когда дождливый Нот в заливе Адрия,
Взревевши, разобьет корму.
Когда ж добычей жирной будешь тешить ты
Гагар на берегу морском,
Тогда козел блудливый вместе с овцами
Да будет Бурям жертвою!

ЭПОДЫ

11

Теперь, как прежде, Петтий, мне писать стишки
Радости нет никакой, когда пронзен любовью я,
Любовью той, что ищет пуще всех во мне
К мальчикам страсти огонь зажечь иль к нежным девушкам.
Я отрезвился от любви к Инахии —
Третий декабрь с той поры листву с деревьев стряхивал.
Увы, какой мне стыд, везде по городу
Баснею стал я какой! Как стыдно мне пиров теперь,
Где обличало всё меня в любви моей:
Томность, молчанье мое и вздох из глубины груди.
«Ужели перед выгодой ничтожество
С искренним чувством бедняк?» — в слезах тебе я сетовал,
Когда нескромно бог, лишь распалюся я
Жгучим вином чересчур, из сердца тайну выведет. —
«Но раз свободно наконец в груди моей
Гневом вздымается желчь, пущу тогда я на ветер
Припарки, раны злые не целящие,
Кончу с неравным борьбу, отбросив скромность ложную. . .»
Едва решенье твердое я принял, ты
В дом мне вернуться велел; но я стопой неверною
Спешил, о горе, не к своим дверям, увы!
К жестким порогам, где я ломал и бедра, и бока.
Теперь Ликиска я люблю надменного:
Девушек может он всех затмить своею нежностью.
Бессильно всё из этих пут извлечь меня:
Друга ль сердечный совет, насмешки ли суровые.
Лишь страсть другая разве; или к девушке,
К стройному ль станом юнцу, узлом что вяжет волосы.

13

Грозным ненастием свод небес затянуло: Юпитер
Нисходит в снеге и дожде; стонут и море и лес.
Хладный их рвет Аквилон фракийский. Урвемте же, други,
Часок, что послан случаем. Силы пока мы полны,
Надо нам быть веселей! Пусть забудется хмурая старость!
Времен Торквата - консула вина давай поскорей!
Брось говорить о другом: наверное бог благосклонно
Устроит всё на благо нам. Любо теперь нам себя
Нардом персидским облить и звуками лиры килленской
От горя и волнения сердце свое облегчить.
Так и великому пел питомцу Кентавр знаменитый:
«В бою непобедимый ты, смертным Фетидой рожден.
Край Ассарака тебя ожидает, где хладные волны
Текут Скамандра скудного, быстро бежит Симоис.
Путь же обратный тебе оттуда отрезали Парки,
И даже мать лазурная в дом не вернет уж тебя.
Там облегчай ты вином и песней тяжелое горе:
Они утеху сладкую в скорби тяжелой дают».

ЭПОДЫ

14

Вялость бездействия мне почему столь глубоким забвеньем
Все чувства переполнила,
Словно из Леты воды снотворной я несколько кубков
Втянул иссохшей глоткою?
Часто вопросом таким ты меня, Меценат, убиваешь.
То бог, то бог мне не дает
Ямбы начатые — песнь, что давно уж тебе обещал я —
Закончить, свиток закрутив.
Страстью такой, говорят, к Бафиллу-самосцу теосский
Поэт Анакреонт пылал.
Часто оплакивал он любви своей муки на лире
В стихах необработанных.
Сам ты, бедняга, горишь — огня твоего не прекрасней
Был тот, что Илион спалил.
Радуйся счастью! А я терзаюсь рабынею Фриной:
Ей мало одного любить!

15

Ночью то было — луна на небе ясном сияла
Среди мерцанья звездного,
Страстно когда ты клялась, богов оскорбляя заране, —
Клялась, твердя слова мои
И обвивая тесней, чем плющ ствол дуба высокий,
Меня руками гибкими,
Ты повторяла: доколь стадам будут волки тревогой,
Пловцам — восход Ориона;
Длинные ветер доколь развевает власы Аполлона, —
Взаимной будет страсть твоя!
Больно накажет тебя мне свойственный нрав, о Неера:
Ведь есть у Флакка мужество, —
Он не претерпит того, что ночи даришь ты другому, —
Найдет себе достойную,
И не вернет красота оскорбленному прежнего чувства,
Раз горечь в сердце вкралася!
Ты же, соперник счастливый, кто б ни был ты, тщетно гордишься,
Моим хвалясь несчастьем;
Пусть ты богат и скотом и землею, пускай протекает
По ней рекою золото;
Пусть доступны тебе Пифагора воскресшего тайны,
Прекрасней пусть Нирея ты, —
Всё же, увы, и тебе оплакать придется измену:
Смеяться будет мой черед!

ЭПОДЫ

16

Вот уже два поколенья томятся гражданской войною,
И Рим своей же силой разрушается, —
Рим, что сгубить не могли ни марсов соседнее племя,
Ни рать Порсены грозного этрусская,
Ни соревнующий дух капуанцев, ни ярость Спартака,
Ни аллобро́ги, в пору смут восставшие.
Рим, что сумел устоять пред германцев ордой синеокой,
Пред Ганнибалом, в дедах ужас вызвавшим,
Ныне загубит наш род, заклятый братскою кровью, —
Отдаст он землю снова зверю дикому!
Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт огласивши
Наш Рим, над прахом предков надругается;
Кости Квирина, что век не знали ни ветра ни солнца,
О ужас! будут дерзостно разметаны...
Или, быть может, вы все, иль лучшие, ждете лишь слова
О том, чем можно прекратить страдания?
Слушайте ж мудрый совет: подобно тому как фокейцы,
Проклявши город, всем народом кинули
Отчие нивы, дома, безжалостно храмы забросив,
Чтоб в них селились вепри, волки лютые, —
Так же бегите и вы, куда б ни несли ваши ноги,
Куда бы ветры вас ни гнали по́ морю!
Это ли вам по душе? Иль кто надоумит иначе?
К чему же медлить? В добрый час, отчаливай!
Но поклянемся мы все: пока не заплавают скалы,
Утратив вес, — невместно возвращение!
К дому направить корабль да будет не стыдно тогда лишь,
Когда омоет Пад Матина макушку

Или когда Аппенин высокий низвергнется в море, —
Когда животных спарит неестественно
Дивная страсть, и олень сочетается с злою тигрицей,
Блудить голубка станет с хищным коршуном,
С кротким доверием львов подпустят стада без боязни,
Козла ж заманит моря глубь соленая!
Верные клятве такой, возбранившей соблазн возвращенья,
Мы всем гуртом, иль стада бестолкового
Лучшею частью, — бежим! Пусть на гибельных нежатся ложах
Одни надежду с волей потерявшие.
Вы же, в ком сила жива, не слушая женских рыданий,
Летите мимо берегов Этрурии;
Манит нас всех Океан, омывающий землю блаженных.
Найдем же землю, острова богатые,
Где урожаи дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет,
Завязь приносят всегда без отказа все ветви маслины
И сизым плодом убрана смоковница;
Мед где обильно течет из дубов дуплистых, — где с горных
Сбегают высей вод струи гремучие.
Без понуждения там к дойникам устремляются козы,
Спешат коровы к дому с полным выменем;
С ревом не бродит медведь там вечерней порой у овчарни,
Земля весной там не кишит гадюками.
Многих чудес благодать нас ждет: не смывает там землю
Мочливый Евр дождями непрестанными,
И плодородных семян не губит иссохшая почва:
Все умеряет там Царь Небожителей:
Не угрожают скоту в той стране никакие заразы,
И не томится он от солнца знойного.
Не устремлялся в тот край гребцами корабль Аргонавтов,
Распутница-Медея не ступала там;
Не направляли туда кораблей ни пловцы-финикийцы,
Ни рать Улисса, много претерпевшего.
Зевс уготовил брега те для рода людей благочестных,
Когда затмил он золотой век бронзою;
Бронзовый век оковав железом, для всех он достойных
Дает — пророчу я — теперь убежище.

17

Сдаюсь, сдаюся я искусству мощному!
Молю во имя Прозерпины области
Дианы власти нерушимой именем
И заклинаний свитками, могущими
С небес на землю низводить созвездия,
О пощади! Заклятьям дай, Канидия,
Обратный ход и чары уничтожь свои!
Ведь внука умолил Телеф Нереева,
Хоть бился гордо с ним и вел он полчища
Мизийцев и метал он стрелы острые.
Троянки тело умастили Гектора,
Пернатым и собакам обреченное,
Когда, оставя стены, илионский царь
К ногам Ахилла пал неумолимого.
Гребцы Улисса, много испытавшего,
Щетинистые шкуры с тела сбросили
С согласия Цирцеи, — и вернулись вновь
И речь, и разум к ним, и облик доблестный.
Тобой довольно я уже наказан был,
Любимица матросов и разносчиков!
Исчезли юность и румянец скромности,
Остались кости только с кожей бледною,
И от твоих курений поседел я весь.
От мук не знаю никогда я отдыха:
Гоня друг друга, день и ночь сменяются,
Но мне от тяжких вздохов грудь не вылечить.
Итак, я должен всё, что отрицал, признать:
Приводят в трепет грудь стихи сабелльские,
А от марсийских песен голова трещит.

Чего же хочешь ты? .. О море, о земля!
Сгораю я: ни Несса кровь Геракла так
Не жгла, ни в Этне раскаленной так не жжет,
Бушуя вечно, пламя! .. Ты ж, несносная,
Пока мой прах не разнесется ветрами —
Варить отравы будешь всё колхидские.
Конец какой же или дань назначишь мне?
Скажи: когда я честно пени выплачу, —
Чтоб искупить мне всё, быков ли сотню ты
Себе попросишь или восхваления
На лживой лире: «Чистая ты, честная,
Сиять ты будешь меж светил звездой златой!
Сестры Елены срамом огорченные,
Кастор с Поллуксом поддались мольбам и вновь
Поэту зренье отнятое отдали:
Так разреши — ты властна — от безумия
Меня, о ты, чей грязью не запятнан род!
Старуха, не из опытных, в девятый день
Умерших нищих бедных прах рассеивать!
Чье сердце мягко, руки не запятнаны
И Пактуме́й — плод чрева твоего; и кровь
Твою смывает бабка с твоего белья,
Лишь вскочишь с ложа, бодрая родильница!»
— «Зачем мольбы ты в уши шлешь закрытые?
Ведь глуше я, чем скалы к воплям тонущих,
Когда волнами бьет Нептун их зимними.
Чтоб ты без кары разглашал Котитии
И Купидона вольного все таинства;
Без наказанья, словно эсквилинского
Ты чародейства жрец меня высмеивал?
К чему ж платила старым я пелигнянкам
И яд к чему мешала быстродейственный?
Но век твой будет дольше, чем хотел бы ты,
Несчастный, будешь жизнь влачить ты горькую,
Чтоб подвергаться новым все страданиям.
Покоя жаждет Пе́лопа-предателя
Отец, голодный Тантал перед яствами,
И Прометей, орлом давно терзаемый,
И на вершине горной укрепить скалу
Сизиф стремится, вопреки Юпитеру.

То с верху башни ты захочешь броситься,
То, петлей шею затянув, повеситься,
Иль меч норикский в грудь вонзить в унынии
Тяжелом — тщетны будут все старания!
Тогда на вражьих я плечах твоих верхом
Помчусь надменно — всё пред мной расступится.
Иль мне, что может, — как ты, любопытствуя,
Узнал, — из воска куклам дать движения
И месяц с неба совлекать заклятьями,
Сожженных мертвых снова расшевеливать,
Варить искусно зелья приворотные, —
Рыдать, коль чары на тебя не действуют?»

САТИРЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Что за причина тому, Меценат, что какую бы долю
Нам ни послала судьба, и какую б ни выбрали сами,
Редкий доволен и всякий завидует доле другого?
«Счастлив купец!» говорит отягчаемый летами воин,
Чувствуя, с многих трудов, у себя как разбитые члены.
Если же буря бросает корабль, мореходец взывает:
«Лучше быть воином! чтó им! лишь кинутся в битву с врагами,
Час не пройдет — иль скорая смерть, или радость победы!»
Опытный в праве законник, услыша чем свет, что стучится
В двери к нему доверитель, — хвалит удел земледельца!
Житель же сельский, для тяжбы оставить село принужденный,
Вызванный в город, считает одних горожан за счастливцев!
Этих примеров так много, что их перечесть не успел бы
Даже и Фабий-болтун! — Итак, чтоб тебе не наскучить,
Слушайте, к чему я веду. Пусть бы кто из богов вдруг сказал им:
«Вот я! исполню сейчас всё, чего вы желали! — Ты, воин,
Будешь купцом; ты, ученый делец, земледельцем! — Ступайте.
Роли свои променяв, ты туда, ты сюда! — Что ж вы стали?»

Нет, не хотят! — А ведь счастье желанное он им дозволил!
После же этого как не надуть и Юпитеру губы!
Как же во гневе ему не сказать, что вперед он не будет
Столь благосклонен? — Но полно! я шутку оставлю; не с тем я
Начал, чтоб мне, как забавнику, только смешить! — Не мешает
Правду сказать и шутя, как приветливый школьный учитель
Лакомства детям дает, чтобы азбуке лучше учились;
Но — мы в сторону шутку: поищем чего поважнее.
  Тот, кто ворочает землю тяжелой сохою, и этот
Лживый шинкарь, и солдат, и моряк, проплывающий смело
Бездны сердитых морей — все труды без роптания сносят
С тем, чтоб, запас накопивши, под старость пожить на покое.
«Так, — для примера они говорят, — муравей работящий,
Даром, что мал, а что сможет, ухватит и к куче прибавит.
Думает тоже о будущем он и нужду предвидит».
— Да! но лишь год, наступающий вновь, Водолей опечалит,
Он из норы ни на шаг, наслаждаясь разумно запасом,
Собранным прежде; а ты? — А тебя ведь ни знойное лето,
Ни зима, ни огонь, ни моря, ни железо — не могут
От твоих барышей оторвать: никаких нет препятствий!
Только и в мыслях одно, чтобы не был другой кто богаче!
Что же в том пользы тебе, что украдкой от всех зарываешь
В землю ты кучи сребра, или злата тяжелые груды? ..
«Стоит почать, — говоришь ты, — дойдешь до последнего асса».
  Ну, а ежели их не почать, что за польза от кучи?
Пусть у тебя на гумне намолотят сто тысяч мер хлеба;
Твой ведь желудок не больше вместит моего: так как, если б
Ты, меж рабами, сеть с хлебами нес на плечах — ты, однако,
Больше другого, который не нес, ничего не получишь!
Что же за нужда тому, кто живет в пределах природы,
Сто ли вспахал десятин он иль тысячу? — «Так! да приятней
Брать из кучи большой!» — Поверь, все равно, что из малой,
Лишь бы я мог и из малой взять столько же, сколько мне нужно!
Что ж ты огромные житницы хвалишь свои? Чем их хуже
Хлебные наши мешки? .. Ну, так если б тебе довелася
Нужда в кувшине воды, иль в стакане одном, ты сказал бы:
«Лучше в большой я реке зачерпну, чем в источнике этом!»
Вот от того и бывает с людьми ненасытными, если
Лишних богатств захотят, что Ауфид разъяренный волною
С берегом вместе и их оторвет, и потопит в пучине!

Если ж кто малого хочет, что нужно, тот и не в тине
Черпает воду себе, да и жизни в волнах не погубит!
 Многие люди, однакож, влекомые жадностью ложной,
Скажут: «Богатство не лишнее; нас по богатству ведь ценят!»
С этими что толковать! Пусть их алчность презренная мучит!
Так, говорят, афинянин один, и скупой и богатый,
Речи людские привык презирать, говоря о гражданах:
«Пусть их освищут меня», — говорит, — «но зато я в ладоши
Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуясь!»
— Тантал сидел же по горло в воде; а вода утекала
Дальше и дальше от уст! .. но чему ты смеешься? .. Лишь имя
Стоит тебе изменить, не твоя ли история это? ..
Спишь на мешках ты своих, наваленных всюду, несчастный,
Их осужденный беречь как святыню; любуешься ими
Точно картиной какой! — А знаешь ли деньгам ты цену?
Знаешь ли, деньги на что? — Чтоб купить овощей, или хлеба,
Или бутылку вина, без чего обойтись невозможно.
Или приятно тебе, полумертвому в страхе, беречь их
Денно и нощно, боясь и воров, и пожара, и даже
Собственных в доме рабов, чтоб они, обокрав, не бежали!
Нет! Я желал бы, чтоб благ таковых у меня было меньше!
 Если когда лихорадки озноб ты почувствуешь в теле,
Или другою болезнью ты будешь к постели прикован,
Кто за тобою-то станет ходить и готовить лекарства? ..
Кто врача умолять, чтобы спас от болезни и снова
Детям, родным возвратил? — Ни супруга, ни сын — не желают;
Ну, а соседи твои и знакомые, слуги, служанки,
Все ненавидят тебя! — Ты дивишься? — Чему же? Ты деньги
В мире всему предпочел, попечений любви ты не стоишь!
Если ты хочешь родных, — без труда твоего и заботы, —
Данных природой тебе, и друзей удержать за собою,
Тщетно, несчастный, теряешь свой труд: как осла не приучишь
Быть послушным узде и скакать по Марсову полю!
Полно копить! — Ты довольно богат; не страшна уже бедность!
Время тебе отдохнуть от забот: что желал, ты имеешь!
Вспомни Умидия горький пример; то не длинная повесть.
Так он богат был, что деньги считал уже хлебною мерой;
Так он был скуп, что с рабами носил одинакое платье,
И — до последнего дня — разоренья и смерти голодной
Всё он боялся! — Но вот, отпущённая им же на волю,

Видно, храбрейшая всех Тиндарид, не задумавшись, разом
В руки топор ухватив, пополам богача разрубила!
«Что ж ты советуешь мне? .. Неужели, чтоб жил я как Невий
Или какой Номентан?» — Ошибаешься! Что за сравненье
Крайностей, вовсе несходных ни в чем! Запрещая быть скрягой,
Вовсе не требую я, чтоб безумный ты был расточитель!
Меж Танаиса и тестя Визельева — есть середина!
Мера должна быть во всем, и всему наконец есть пределы,
Дальше и ближе которых не может добра быть на свете!
Я возвращаюсь к тому же, чем начал; подобно скупому,
Редкий доволен судьбою, считая счастливцем другого!
Если коза у соседа с паствы придет с отягченным
Вымем — густым молоком, и от этого с зависти сохнут!
А ведь никто не сравнит тебя с бедняком: все — с богатым!
Но ведь, как ни гонись за богатым, всё встретишь богаче!
Так на бегу колесницу несут быстроногие кони;
Следом возница другой погоняет своих им вдогонку,
Силится их обогнать, презирая далёко отставших.
Вот оттого-то мы редко найдем, кто сказал бы, что прожил
Счастливо век свой, и, кончив свой путь, выходил бы из жизни
Точно как гость благодарный, насытясь, выходит из пира.
Но уж довольно: пора замолчать, чтобы ты не подумал,
Будто таблички украл у подслепого я, у Криспина!

2

Флейтщицы, нищие, мимы, шуты, лекаря площадные,
Весь подобный им люд огорчен и в великом смущеньи:
Умер Тигеллий певец: он для них был и щедр и приветлив!
А ведь иной, опасаясь прослыть расточителем, даже
Бедному другу не хочет подать и ничтожную помощь,
Чтобы укрылся от холода он, утолил бы свой голод!
Спросишь другого: зачем он именье блестящее дедов
Или именье отца на прожорливость тратит? Зачем он,
Тратя заемные деньги, припасы к столу покупает? . .
Скажет: не хочет он мелкой душонкой прослыть или скрягой!
Хвалит, конечно, иной и его; а другой осуждает.
Ну, а богатый землями и в рост отдающий Фуфидий,
Славы развратного, имени мота боясь, не стыдится
Брать с должников пять процентов на месяц; и даже чем больше
Кто нуждою стеснен, тем более он притесняет!
Больше он ловит в добычу людей молодых, у которых
Строги отцы, и надевших недавно вирильную тогу.
Как не воскликнуть, услышавши это: «Великий Юпитер!»
Скажут: «Конечно зато по доходам его и расходы?»
Нет! не поверишь никак! он сам себе не́друг! — Не меньше,
Чем у Теренция, сына изгнавший отец был страдальцем,
Также и он — сам терзает себя! — Но если кто хочет
Знать, к чему эту речь я веду, то к тому, что безумный,
Бросив один недостаток, всегда попадает в противный!
Так у Мальтина туника отвсюду висит и тащится;
Ну, а другой поднимает ее до пупка. От Руфилла
Пахнет духами; Гаргоний же козлищем грязным воняет.
Нет середины. Одни только тех хотят женщин касаться,

Стóлы которых обшиты оборкой, до пят доходящей;
Тот же, напротив, — лишь тех, что стоят под воняющим сводом.
Мужа известного раз из-под свода идущим увидя,
Молвил божественно-мудрый Катон: «Твоей доблести — слава!
Ибо, надует когда затаённая похоть им жилы,
Юношам лучше сюда спускаться, хватать не пытаясь
Женщин замужних». — «Такой я хвалы ни за что не хотел бы»,
Молвит под белой лишь столой ценящий красу Купиэнний.
Выслушать стóит вам, тем, что успеха в делах не желают
Бабникам, — сколько страдать приходится им повсеместно:
Как наслаждение им — отравлено горем обильным —
Редко дается, ценой сплошь и рядом опасностей тяжких.
С крыши тот сбросился вниз головою, другого кнутами
Насмерть засекли; а тот, убегая, разбойников шайке
В руки попал; а другой поплатился деньгами за похоть;
Слугами этот облит. Был раз и такой даже случай,
Что, волокиту схватив, совершенно его оскопили
Острым ножом. «Поделом!» — говорили все, Гальба же спорил.
В классе втором сей товар безопасней, конечно, гораздо —
Вольноотпущенниц я разумею, которых Саллюстий
Любит безумно, не меньше, чем истый блудник. Но ведь он же,
Если бы в меру желал быть добрым и щедрым, насколько
Средства и разум велят и насколько ему то пристойно
Быть тороватым, давал бы он вдоволь, себе разоренья
Сам не чиня и позора. Но тешит себя он одним лишь,
Любит и хвалит одно: «Ни одной не касаюсь матроны».
Так же недавно Марсей, любовник Оригины славной:
Отчую землю и дом актёрке он отдал в подарок,
Хвастая: «Я не имел с чужими ведь женами дéла».
Но и с актёрками жил и с блудницами он, а ведь этим
Больше, чем средствам, ущерб причиняется чести. Неужто
Надо отдельных особ избегать, не заботясь избегнуть
Зла, приносящего вред? Утратить ли доброе имя
Иль состоянье отца промотать — одинаково дурно.
Разница есть ли, когда ты с матроной грешишь иль с блудницей?
Виллий (по Фавсте он стал зятем Суллы) несчастный, прельстившись
Именем только, понес наказаний довольно и даже
Больше того: был избит кулаками он, ранен железом,
Выгнан за дверь был, когда Лонгарен находился в покоях.
Если бы, эту печаль его видя, к нему обратился

Некто с вопросом таким: «Чего тебе надобно? Разве
Пылом когда ты объят, то тебе любовницу надо
В столу одетую дать, от великого консула родом?» —
Что он ответил бы? «Дочь ведь отца она знатной породы!»
Сколь же нас лучшему учит природа, вот с этим воюя,
Средств изобильем сильна, — если только ты хочешь с расчетом
Жизнь устроять, различая, чего домогаться ты должен
Или чего избегать. Все равно тебе, что ли, страдаешь
Ты по своей ли вине иль случайно? Поэтому, чтобы
После не каяться, брось за матронами гнаться: ведь так лишь
Горя скорее испить, чем сорвать удовольствие можно.
Право, у женщины той, что блестит в жемчугах и смарагдах
(Как ни любуйся, Керинф!), не бывают ведь бедра нежнее,
Ноги стройней; у блудниц они часто бывают красивей.
Кроме того, свой товар без прикрас они носят; открыто,
Что на продажу идет, выставляют; совсем не кичатся
Тем, что красиво у них, и плохого они не скрывают.
Есть у богатых обычай коней покупать лишь прикрытых,
Чтобы, зевая на круп, как нередко бывает, красивый, —
Пусть и на жидких ногах, — покупатель в обман не попал бы:
Зад, мол, хорош, голова коротка у ней, шея крутая.
Правы они — вот и ты не гляди на красивое в теле
Глазом Линкея; равно́ не слепее известной Гипсеи
Ты на уродства взирай — «О ручки, о ножки! . .» Но с задом
Тощим, носастая, с тальей короткой, с большою ступнёю. . .
Кроме лица, ничего у матроны никак не увидишь:
Если не Катия — всё ниспадающим платьем закрыто.
Если к запретному ты, к окруженному валом стремишься
(Это тебя ведь ярит), повстречаешь препятствий ты много:
Стража, носильщики вкруг, раздувальщик огня, приживалки;
Спущена сто́ла до пят, и покрыто всё мантией сверху —
Многое ясно предстать пред тобою мешает предмету.
Всё наяву у другой: можешь видеть сквозь косские ткани,
Словно нагую; не тоще ль бедро, не уродливы ль ноги;
Глазом измеришь весь стан. Или ты предпочтешь, чтоб засады
Строили против тебя, или плату вперед вырывали,
Раньше, чем видел товар ты? Охотник поет, как за зайцем
Вслед по глубокому снегу он мчится, а если лежит он —
Трогать не хочет; припев же: «Любовь моя также несется
Мимо того, что лежит предо мной, а бегущее ловит».

Этою песенкой ты надеешься что ли из сердца
Страсти волненья, печаль и заботы тяжелые вырвать?
Иль не полезней узнать, какие преграды природа
Всяческим ставит страстям? в чем легко, в чем, страдая, лишенья
Терпит она? отличать от того, что существенно, призрак?
Разве, коль жажда тебе жжет глотку, ты лишь к золотому
Кубку стремишься? Голодный, всего, кроме ромба, павлина,
Будешь гнушаться? Когда же ты весь разгорелся, и если
Есть под рукою рабыня иль отрок, на коих тотчас же
Можешь напасть, предпочтешь ты ужели от похоти лопнуть?
Я не таков: я люблю, что́ недорого лишь и доступно.
Ту, что «Поздней» говорит, «Маловато», «Коль муж уберется»,—
К евнухам шлет Филодем, для себя же он лучше желает
Ту, что по зову идет за малую плату, не медля;
Лишь бы цветуща, стройна, изящна была, не стараясь
Выше казаться, белей, чем природа ее одарила.
Если прижмется ко мне и крепко обнимет руками,
Илия то для меня иль Эгерия; имя любое
Дам, не боясь, как бы муж из деревни в ночь не вернулся,
Дверь не взломали б, чтоб пёс не залаял, и, шумом встревожен,
Вдруг не наполнился б криком весь дом; побледнев, не вскочила б
С ложа жена, не кричала б участница: «Горе мне бедной!» —
За ноги эта страшась, за приданое — та, за себя,— я.
Без подпояски бежать и босыми ногами придется,
Чтоб не платиться деньгами, спиной, наконец же и честью.
Горе — попасться: я то докажу, хоть бы Фабий судья был.

КНИГА ПЕРВАЯ

3

Общий порок у певцов, что в приятельской доброй беседе,
Сколько ни просят их петь, ни за что не поют; а не просят —
Пению нет и конца! — Таков был сардинец Тигеллий.
Цезарь, который бы мог и принудить, если бы даже
Стал и просить, заклиная и дружбой отца и своею,
Все ни во что бы! — А сам распоется — с яиц и до яблок
Только и слышишь: «О Вакх!» то высоким напевом, то низким,
Басом густым, подобным четвертой струне тетрахорда.
Не был он ровен ни в чем. — Иногда он так скоро, бывало,
Ходит, как будто бежит от врага; иногда выступает
Важно, как будто несет он священную утварь Юноны.
То вдруг двести рабов у него; то не больше десятка.
То о царях говорит и тетрархах высокие речи;
То вдруг скажет: «Довольно с меня, был бы стол, хоть треногий,
Соли простая солонка, от холода грубая тога!»
Дай сестерций ему миллион, столь довольному малым,
И в пять дней в кошельке ничего! — Ночь гуляет до утра;
Целый день прохрапит! — Не согласен ни в чем сам с собою!
Может быть кто мне заметит: «А сам ты? ужель без пороков?»
Нет! есть они и во мне, и не меньшие, только другие.
Мений однажды заочно над Новием дерзко смеялся.
Кто-то сказал: «А тебя мы не знаем? — иль нам не известно,
Сам ты каков?» — А Мений в ответ: «О! себе я прощаю!»
Это пристрастье к себе самому и постыдно и глупо.
Если свои недостатки ты видишь в тумане, зачем же
Видишь их зорко в других, как орел или змей эпидаврский?
Верь мне: за то и они все твои недостатки припомнят!
«Этот строптив, говорят, ни малейшей не вытерпит шутки».
Да! хоть над грубою тогой, висящей до пят; над короткой
Стрижкой волос; над широкой обувью — можно смеяться:

Но он и честен и добр, и нет лучше его человека!
Но неизменный он друг; но под этой наружностью грубой
Гений высокий сокрыт и прекрасные качества духа!
Ты испытал бы себя: не посеяла ль матерь природа
Или дурная привычка — в тебе недостатка какого,
Или порока? — Дурную траву сожигают; но знаешь —
Где вырастает она? — На запущенном пахарем поле!
Страстью любви ослепленный не видит ничуть недостатков
В милой подруге; ведь даже ему и ее безобразье
Нравится: так любовался Бальбин и наростом у Агны!
Если б мы так заблуждались и в дружбе, сама добродетель
Верно почтила б тогда заблужденье подобное в друге.
В друге его недостатки должны мы сносить терпеливо,
Так же как в сыне отец снисходительно многое терпит.
Если сын кос, говорит: «У него разбегаются глазки!»
Если он мал, как уродец Сизиф, называет цыпленком.
Ежели сын кривоног, он бормочет сквозь зубы, что пятки
Толсты немножко; затем он на них так и держится слабо.
Так ты суди и о друге и, ежели скупо живет он, —
Ты говори, что твой друг бережлив; а хвастлив он, насмешлив, —
Ты утверждай, что друзьям он понравиться шутками хочет;
Если он груб и себе позволяет он вольностей много,
Ты за прямого его и правдивого выдать старайся.
Если он бешен, — скажи, что немножко горяч. — Вот как дружбы
Связи хранятся, и вот как согласье людей съединяет!
Мы же, напротив, готовы чернить добродетель; наводим
Грязь на чистейший сосуд; а честного, скромного мужа
Мы назовем простяком; а кто медлит — тупым и тяжелым.
Ежели кто осторожно людской западни избегает;
Если, живя меж людей и завистных, и злобных, и хитрых,
Злому не выдаст себя безоружной своей стороною,
Мы говорим: он лукав; а не скажем, что он осторожен.
Если кто прост в обращеньи, — как я, Меценат, пред тобою
Часто бывал, — чуть приходом своим иль своим разговором
В чтеньи он нас развлечет, в размышлении нам помешает, —
Тотчас готовы сказать, что в нем вовсе нет здравого смысла.
Ах, сколь безумно даем на себя же мы эти законы!
Кто без пороков родится? — Тот лучше других, в ком их меньше.
Но снисходительный друг, как и должно, — мои недостатки
Добрыми свойствами верно пополнит; и если их больше,

Склонится к добрым, когда он желает и сам быть любимым.
С этим условьем и сам он на тех же весах оценится.
Если ты хочешь, чтоб друг твой горбов у тебя не заметил,
Сам не смотри на его бородавки. — Кто снисхожденья
Хочет к себе самому, тот умей снисходить и к другому!
Ежели гнев и порывы безумья, которые сродны
Слабости нашей природы, нельзя истребить совершенно,
Что же рассудок с своими и мерой и весом? — Зачем же
Он не положит за всё соразмерного злу наказанья? . .
Если б кто распял раба, со стола относившего блюда,
Лишь за поступок пустой, что кусок полусъеденной рыбы
Или простывшей подливки он, бедный, дорогой отведал, —
Ты бы сказал, что безумнее он Лабеона. — А сам ты
Сколько безумнее, сколько виновнее! — Друг пред тобою
В самой безделке пустой провинился; а ты не прощаешь.
Верь: все за это жестоким тебя назовут. — Ненавистно
Ты убегаешь его, как должник убегает Рузона.
Словно должник, с наступленьем Календ, не имея готовых
Ни процентов, ни суммы, рад провалиться, несчастный,
Только б пред ним не стоять, как пленному, вытянув шею,
Только б не слушать его нестерпимых и скучных историй!
Друг мой столовое ложе мое замарал; иль Эвандра
Старую чашу с стола уронил; или с блюда цыпленка
Взял, несмотря, что он был предо мной; и за это на друга
Я осержусь? — Да что ж я сделал, когда б обокрал он,
Тайне моей изменил или мне не сдержал обещанья? . .
Тем, для которых вины все равны — нет самим оправданья!
Против них все вопиет: и рассудок, и нравы, и польза —
Мать справедливости, мать правоты — их всё осуждает!
Люди вначале, когда, как стада бессловесных животных,
Пресмыкались они по земле — то за темные норы,
То за горсть желудей — кулаками, ногтями дралися;
Билися палками, после оружием; выдумав слово,
Стали потом называть именами и вещи и чувства.
Тут уклонились они от войны; города укрепили;
Против воров, любодеев, разбойников дали законы:
Ибо и прежде Елены многие жены постыдной
Были причиной войны; но все эти, как дикие звери,
Жен похищавшие чуждых, от сильной руки погибали
Смертью безгласной, — как бык погибает, убитый сильнейшим.

Если раскроет кто летопись мира, веков и народов,
Должен признать, что закон происшел — от боязни неправды!
Правды с неправдой натура никак различить не умеет
Так, как она различает приятное — с тем, что противно!
Просто рассудком нельзя доказать, что и тот, кто капусту
На огороде чужом поломал, и тот, кто похитил
Утварь из храма богов — преступление оба свершили!
Нужно, чтоб правило было и им полагалось возмездье
Равным вине, чтоб бичом не наказан был легкий проступок.
Впрочем, чтоб розгою ты наказал заслужившего больше,
Этого я не боюсь! — Ты всегда говоришь, что различья
Нет меж большой и меж малой виной, меж разбоем и кражей;
Будто ты все бы одной косою скосил без разбора,
Если б почтили тебя сограждане властью высокой.
Если ж мудрец — по твоим же словам — и богач, и сапожник,
И красавец, и царь: так чего же желать, все имея? . .
«Ты ведь не понял меня,—говоришь ты,—Хризипп, наш наставник,
Так говорит, что мудрец, хоть не шьет сапогов и сандалий,
Но сапожник и он». — Почему? — «Потому, что и молча
Гермоген — всё отличный певец; а Алфен — всё искусный
Был брадобрей, хоть и бросил он бритвы и запер цырюльню!
Так и мудрец. — Он искусен во всем; он всем обладает, —
Следственно он над всеми и царь». — Хорошо! отчего же
Ты не властен мальчишек прогнать, как они всей толпою
Бороду рвут у тебя, и как ты надрываешься с крику? . .
Ты и мудрец, ты и царь; а лаешь на них попустому!
Кончим! Пока за квадрант ты, властитель, отправишься в баню,
С свитой покуда незнатной, с одним полоумным Криспином,
Я остаюся с друзьями, которые — в чем по незнанью
Я погрешу — мне охотно простят; я тоже охотно
Их недостатки сношу. — И хоть я гражданин неизвестный,
Но убежден, что счастливей тебя проживу я на свете!

КНИГА ПЕРВАЯ

4

Аристофан и Кратин, Эвполид и другие поэты,
Мужи, которые древней комедии славою были,
Если кто стоил представленным быть на позорище людям,
Вор ли, убийца ль, супружних ли прав оскорбитель бесчестный,
Смело, свободно его на позор выставляли народу.
В этом последовал им и Луцилий, во всем им подобный,
Кроме того, что в стихе изменил он и меру и стóпу.
Весел, тонок, остер; но в составе стиха был он жóсток:
Вот в чем его был порок. — Он считал за великое дело
Двести стихов просказать, на одной на ноге простоявши.
Мутным потоком он тек; а найти в нем хорошее можно.
Но — многословен, ленив, не любил он трудиться над слогом,
Много ль писал — умолчу! — Но вот уж я вижу Криспина;
Вот... подзывает мизинцем меня: «Возьми-ка таблички,
Ежели хочешь; назначим свидетелей, время и место,
Да и посмотрим, кто больше напишет!» — О нет! превосходно
Сделали боги, что дали мне ум и скудный и робкий!
Редко и мало ведь я говорю; но тебе не мешаю,
Если угодно тебе, подражать раздувальному меху
И напрягаться, пока от огня размягчится железо.
Счастливый Фанний! Он все сочиненья свои и свой облик
Выставил сам, хоть никто не просил — Но моих сочинений
Не читает никто; а публично читать я боюся,
Потому что не мало людей, порицанья достойных:
Им не нравится род мой! — Возьми из толпы наудачу —
Этот терзается скупостью; тот честолюбьем несчастным;
Этому нравятся женщины; этому мальчики милы;
Этого блеск серебра восхищает, а Альбия — бронза.
Этот меняет товары от стран восходящего солнца

Вплоть до земель, где оно заходящими греет лучами:
Всё умножая богатства, убытков страшась, он несется,
Он сквозь опасности мчится, как прах, воздвигаемый вихрем.
Все, кто боится стихов, ненавидят за них и поэта.
«Сено, кричат, на рогах у него!» — «Берегись! Он пощады
Даже и другу не даст; приневолит себя, чтоб смеяться!
Только б ему написать, а уж там всем мальчишкам, старухам,
Из пекарни ль, с пруда ли идут, всем уж будет известно!»
Пусть! Но примите, прошу, два слова в мое оправданье!
  Первое: я не считаю себя в тех, которым бы дал я
Имя поэта: ведь стих заключить в известную меру —
Этого мало! — Ты сам согласишься, что кто, нам подобно,
Пишет, как говорят, тот не может быть признан поэтом.
Этого имени честь прилична лишь гению, духу
Божеской силы; устам — великое миру гласящим.
Вот отчего и комедия многих вводила в сомненье,
И поэма ль она или нет, подвергалось вопросу;
Ибо ни силы в ней духа, ни речи высокой: отлична
Только известною мерой стиха от речей разговорных.
«Так! но и в ней — не гремит ли отец, пламенеющий гневом,
Ежели сын, без ума от развратницы, брак отвергает,
От невесты с приданым бежит, и при светочах, пьяный
Засветло бродит туда и сюда!» — Но разве Помпоний,
Если бы жив был отец, не те же бы слышал угрозы?
Следственно гладких стихов для комедии мало, хотя бы,
Меру отняв, мог и всякий отец так грозиться на сцене.
Ежели меры и такта лишить все, что ныне пишу я,
Как и что прежде Луцилий писал, и слова переставить,
Первое сделать последним, последнее первым (не так, как
В этих известных стихах: «Когда железные грани
И затворы войны сокрушились жестоким раздором»):
В нас невозможно б найти и разбросанных членов поэта!
  Но поэма ль комедия или она не поэма,
Это оставим до времени. Вот в чем вопрос: справедливо ль
Ты почитаешь опасной сатиру? — Пусть Сульций и Каприй,
Оба охриплые, в жарком и сильном усердии оба,
Ходят с доносом в руках, негодяев к великому страху;
Но — кто честно живет, тот доносы и их презирает.
Если на Целия, Бирра, разбойников, сам и похож ты,
Все я не Каприй, не Сульций: чего же меня ты боишься?

КНИГА ПЕРВАЯ

В книжных лавках нет вовсе моих сочинений, не видно
Объявлений о них, прибитых к столбам; и над ними
Не потеет ни черни рука ни рука Гермогена!
Я их читаю только друзьям; но и то с принужденьем,
Но и то не везде, не при всех. — А многие любят
Громко читать, что напишут, на форуме, даже и в бане,
Ибо в затворенном месте звончей раздается их голос.
Суетным людям приятно оно; а прилично ли время,
Нужды им нет, безрассудным. — «Но ты, говорят мне, ты любишь
Всех оскорблять! От природы ты склонен к злоречью!» — Откуда
Это ты взял? — Кто из живших со мной в том меня опорочит?
Если заочно злословит кто друга; или злоречье
Слыша другого о нем, не промолвит ни слова в защиту;
Если для славы забавника выдумать рад небылицу
Или для смеха готов расславить приятеля тайну:
Римлянин! вот кто опасен, кто черен! Его берегися!
Часто мы видим — три ложа столовых; на каждом четыре
Гостя; один, без разбора, на всех насмешками брызжет,
Кроме того, чья вода; но лишь выпьет, лишь только откроет
Либер сокрытое в сердце, тогда и тому достается.
Этот, однакоже, кажется всем и любезным и кротким,
Но откровенным; а я, лишь за то, что сказал: «От Руфилла
Пахнет духами; Гаргоний же козлищем грязным воняет»,
Я за это слыву у тебя и коварным и едким!
Если о краже Петиллия Капитолина кто скажет
Вскользь при тебе, то по-своему как ты его защищаешь?
«Он был мне с детства товарищ; а после мы были друзьями;
Много ему я обязан за разные дружбы услуги;
Право, я рад, что он в Риме, и цел и невредим; однакож...
Как он умел ускользнуть от суда, признаюсь, удивляюсь!»
Вот где злословия черного яд; вот где ржавчины едкость!
Этот порок никогда не войдет в мои сочиненья,
Особливо же в сердце! — Если могу, обещаюсь!
Если же вольно что сказано мною и ежели слишком
Смело, быть может, я пошутил, то вместе с прощеньем
Ты и дозволь: мой отец приучал меня с малолетства
Склонностей злых убегать, замечая примеры пороков.
Если советовал мне он умеренно жить, бережливо,
Быть довольным и тем, что он нажил; он говорил мне:
«Разве не видишь, как худо Альбия сыну; как Барус

В нужде живет? — Великий пример, чтоб отцом нажитое
Детям беречь!» — Отклоняя меня от любови постыдной,
Он мне твердил: «Ты не будь на Сцетана похож!» — Отвращая
От преступных связей: «Хороша ли Требония слава?»
Мне намекал он: «Ты помнишь — застали его и поймали!»
«Но — почему хорошо одного избегать, а другому
Следовать: мудрый тебе объяснит. Для меня же довольно,
Если смогу без пятна сохранить по обычаю древних
Жизнь и добрую славу твою, пока надзиратель
Нужен тебе. Но как скоро с летами в тебе поокрепнут
Члены и разум, то будешь ты плавать тогда и без пробки!»
Так он ребенка, меня, поучал; и если что делать
Он мне приказывал: «Вот образец! — говорил, — подражай же!»
С этим указывал мне на людей, отличившихся жизнью.
Если же что запрещал: «Не в сомненьи ли ты, что бесчестно
И бесполезно оно? Ты вспомни такого-то славу!»
Как погребенье соседа пугает больного прожору,
Как страх смерти его принуждает беречься, так точно
Душу младую от зла удаляет бесславье другого.
Так был я сохранен от губительных людям пороков.
Меньшие есть и во мне; но надеюсь, вы их мне простите!
Может быть, лета и собственный зрелый рассудок, быть может,
Друг откровенный меня и от тех недостатков излечат;
Ибо, ведь лежа в постели иль хо́дя под портиком, верьте,
Я размышляю всегда о себе. — «Вот это бы лучше»,
Думаю я. «Вот так поступая, я жил бы приятней,
Да и приятнее был бы друзьям. — Вот такой-то нечестно
Так поступил; неужель, неразумный, я сделаю то же?»
Так иногда сам с собой рассуждаю я молча, когда же
Время свободное есть я все это — тотчас на бумагу
Вот один из моих недостатков, который, однако,
Если ты мне не простишь, то нагрянет толпа стихотворцев;
Вступятся все за меня; а нас-таки очень не мало!
Как иудеи тебя мы затащим в нашу ватагу!

КНИГА ПЕРВАЯ

5

После того, как оставил я стены великого Рима,
С ритором Гелиодором, ученейшим мужем из греков,
В бедной гостинице вскоре Ариция нас приютила;
Дальше был — Аппиев форум, весь корабельщиков полный
И плутов корчмарей. — Мы свой переезд разделили
На два; но кто не ленив и спешит, те и в день проезжают.
Мы не спешили; дорогой же Аппия ехать покойней.
Здесь, от несвежей и мутной воды, повздорив с желудком,
Я поджидал с беспокойством, чтоб спутники кончили ужин.
Ночь между тем расстилала уж тень, появлялися звезды.
Слуги с владельцами лодок, а эти с слугами бранились:
«Эй! причаливай здесь!» — «У тебя человек уже триста!
Будет! Полно! Но пока разочлись и мула привязали,
Час уже целый прошел. — Комары и лягушки
Не дали спать. — Да лодочник пьяный с каким-то проезжим
Взапуски петь принялись про своих отдаленных любезных.
Этот заснул наконец; а тот, зацепив за высокий
Камень свою бечеву, пустил мула попастися;
Сам же на спину лег и спокойно всхрапнул, растянувшись.
Начинало светать; мы лишь тут догадались, что лодка
С места нейдет. — Тут, выскочив, кто-то как бешеный начал
Бить то мула, то хозяина ивовой палкой. — Досталось
Их головам и бокам! — Наконец мы насилу, насилу
На берег вышли в четыре часа. — Здесь лицо мы и руки
Чистой, Ферония, влагой твоею омыв и поевши,
Вновь протащились три мили и въехали в Анксур, который
Издали виден, красиво на белых утесах построен.
Здесь Мецената с Кокцеием мы поджидали приезда.
Оба отправлены были они с поручением важным;

Оба привыкли друзей примирять, соглашая их пользы.
Зрением слаб, здесь я черным коллирием очи помазал.
Прибыл меж тем Меценат; с ним Кокцейй и с ним же Фонтейй,
Муж во всем совершенный; он был Антонию другом,
Как никто не бывал. — Мы охотно оставили Фунды,
Где нас, как претор, встречал Ауфидий Косой. — Насмеялись
Вдоволь мы все и претексте его с пурпуровой прошивкой
И курильнице, пуще всего, сумасшедшего скриба!
После, усталые, в городе мы отдохнули Мамурров;
Здесь нам Мурена свой дом предложил, Капитон — угощенье.
Самый приятнейший день был за этим для нас в Синуэссе;
Ибо тут съехались с нами — Вергилий, и Плотий, и Варий,
Чистые души, которым подобных земля не носила
И к которым сильнее меня никто не привязан!
Что за объятия были у нас и что за восторги!
Нет! покуда я в здравом уме, ничего не сравняю я с другом!
Близ Кампанийского моста потом приютила нас вилла;
А поставщики соль и дрова нам прислали, как должно.
В Капуе наши мулы сложили поранее ношу;
Меценат занялся здесь игрой, а я и Вергилий
Сну предались, потому что в бросаньи мяча упражняться
Вредно и слабому зрению, вредно и слабым желудкам.
А миновавши корчмы Каудиума, несколько выше
Приняты были Кокцеием мы — в прекраснейшей вилле.
Муза! поведай нам кратко теперь, как в битву вступили
Мессий Цицирр и Сармент; открой и об роде обоих!
Мессий свой род знаменитый от осков ведет; а Сармента
Госпожа — и доныне жива: то они подвизались!
Начал Сармент: «Ты похож, мне сдается, на дикую лошадь».
Мы засмеялись. — А Мессий в ответ: «Соглашаюсь!» — И тут же
Он головою встряхнул. — Тот вскричал: «О, если бы рог твой
Вырезан не был, чего б ты не сделал, когда и увечный
Так ты грозишь!» — И подлинно лоб у него волосатый
С левой лица стороны ужасный рубец безобразит.
Тут наконец, подтрунив над его кампанийской болезнью,
Начал просить он его проплясать перед нами Циклопа,
Говоря, что не нужно ему ни котурна ни маски.
Много на это Цицирр; и спросил наконец: «Посвятил ли
Ларам он цепи свои, потому что, хотя он и служит
Скрибом, но право над ним госпожи не уменьшилось этим!

Дальше, зачем он сбежал, когда он так мал и тщедушен,
Что довольно и фунта муки для его пропитанья!»
Так мы продлили свой ужин и весело кончили вечер.
Прямо оттуда поехали мы в Беневент, где хозяин,
Жаря нам чахлых дроздов, чуть и сам не сгорел от усердья;
Ибо, разлившись по кухне, огонь касался уж крыши.
Все мы, голодные гости и слуги все наши, в испуге
Бросились блюда снимать и тушить принялися. — Отсюда
Видны уж горы Апулии, мне столь знакомые горы!
Сушит горячий их ветр. — Никогда б мы на них не взобрались,
Если бы не взяли отдых в соседственной Тривику вилле;
Но и то не без слез от дыма камина, в котором
Сучья сырые с зелеными листьями вместе горели.
Здесь я обманщицу-девочку прождал, глупец, до полночи;
И, наконец, как лежал на спине, в таком положеньи
Я неприметно заснул и во сне насладился любовью.
Двадцать четыре потом мы проехали мили — в повозке,
Чтобы прибыть в городок, которого даже и имя
В стих не вместишь; но узнают его по приметам:
Здесь продается простая вода; но хлеб превосходный,
Так что заботливый путник в запас нагружает им плечи;
Хлеб ведь в Канузии смешан с песком, а источника урна
Там небогата водой. Городок же был этот основан
Диомедом самим. — Здесь мы с Варием грустно расстались.
Вот мы приехали в Рубы, устав от пути чрезвычайно, —
Длинной дорога была и испорчена сильно дождями.
День был на утро получше; но в Бариум, рыбой обильный,
Хуже дорога пошла. — За ним нас потешила вдоволь
Гнация (город сей был раздраженными Нимфами создан).
Здесь нас хотели уверить, что будто на праге священном
Ладан без пламени тает у них! — Одному лишь Апелле
Иудею поверить тому, а не мне: я учился
Верить, что боги беспечно живут, и если природа
Чудное что производит — не с неба они посылают!
Так в Брундизиум кончился путь, и конец описанью.

6

Нет, Меценат, хоть никто из лидийцев не равен с тобою
Знатностью рода — из всех, на пределах Этрурии живших,
Ибо предки твои, по отцу и по матери, были
Многие в древнее время великих вожди легионов:
Нет! ты орлиный свой нос поднимать перед теми не любишь,
Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!
Ты говоришь, что нет нужды тебе, от кого кто родился,
Только б был сам благороден; что многие даже и прежде
Туллия, так же как он, происшедши из низкого рода,
Жили, храня добродетель и были без знатности чтимы;
Знаешь и то, что Левин, потомок Валерия, коим
Гордый Тарквиний был свергнут с царского трона и изгнан,
Римским народом всегда — не более асса ценился,
Римским народом, которого суд и правдивость ты знаешь,
Этим безумным народом, который всегда недостойным
Почести рад расточать, без различия рабствуя славе,
Титлам и образам предков всегда без разбора дивится.
Что тут нам делать, далеким от низких его предрассудков!
Пусть же Левину б он, а не Децию, новому родом,
Важные должности начал вверять; пусть я, как рожденный
Несвободным отцом, через цензора Аппия был бы
Выгнан: и мне поделóм, чужую я кожу напялил!
Но ведь слава стремит за блестящей своей колесницей
Низкого рода людей, как и знатных. — Чтó прибыли, Тиллий
Что, сняв пурпур, опять ты надел и стал снова трибуном?
Только что нажил завистников ты; а ты их и не знал бы,
Если б остался простым гражданином: затем, что как скоро
Ноги обует у нас кто в сапóжки, грудь в пурпур оденет,
Тотчас вопросы: «Кто он? от какого отца он родился?»

Точно как Барр, тот, который престранной болезнию болен,
Именно страстью красавцем прослыть, — куда ни пошел бы,
Как-то всегда он девицам умеет внушить любопытство
Все рассмотреть в нем, и стан, и стройную ногу, и зубы.
Даже и волосы; так между нами — и тот, кто спасенье
Гражданам, Риму, империи, целой Италии, храмам
Наших богов обещал, — возбуждает заботу проведать,
Кто был отец у него, и кто мать, не из низкого ль рода? . .
«Как же ты смеешь, сын Сира, раба, Дионисия, Дамы,
Граждан с Тарпейской скалы низвергать или Кадму — для казни
Их предавать? — Да и Новий, товарищ мой, степенью целой
Ниже меня! — Ну что́ он? — Что́ был мой отец, он такой же!»
— Что же, иль думаешь ты, что сам ты Мессала иль Павел?
Этот ведь Новий зато, как ему попадутся навстречу
В форуме двести телег, да хоть три погребенья, так крикнет,
Что и голос трубы заглушит: он зато и в почете.
Но обращусь на себя я! — За что на меня нападают?
Нынче за то, что, быв сыном раба, получившего вольность,
Близок к тебе, Меценат; а прежде за то, что трибуном
Воинским был я и римский имел легион под начальством.
В этом есть разница! — Можно завидовать праву начальства,
Но не дружбе твоей, избирающей только достойных.
Я не скажу, чтоб случайному счастью я тем был обязан,
Нет! не случайность меня указала тебе, а Вергилий,
Муж превосходный, и Варий — тебе обо мне рассказали.
В первый раз, как вошел я к тебе, я сказал два-три слова:
Робость безмолвная мне говорить пред тобою мешала.
Я не пустился в рассказ о себе, что высокого рода,
Что поля объезжаю свои на коне сатурейском;
Просто сказал я, кто я. — Ты ответил мне тоже два слова;
Я и ушел. — Ты меня через девять уж месяцев вспомнил;
Снова призвал и дружбой своей удостоил. Горжуся
Дружбою мужа, который достойных людей отличает
И не смотрит на род, а на жизнь и на чистое сердце.
Впрочем, природа дала мне с прямою душою иные
Тоже, как всем, недостатки; правда, немного, подобно
Пятнам на теле прекрасном. Но если ушел от упрека
В скупости, в подлости или же в низком, постыдном разврате,
Если я чист и невинен душой и друзьям драгоценен
(Можно же в правде себя похвалить), я отцу тем обязан.

Беден он был и владел не обширным, не прибыльным полем.
К Флавию в школу, однако, меня не хотел посылать он,
В школу, куда сыновья благородные центурионов,
К левой подвесив руке пеналы и счетные доски,
Шли обучаться проценты по Идам считать и просрочку;
Но решился он мальчика в Рим отвезти, чтобы там он
Тем же учился наукам, которым у римлян и всадник
И сенатор своих обучают детей. — Посмотревши
Платье мое и рабов провожатых, иной бы подумал,
Что расход на меня мне в наследство оставили предки.
Нет, сам отец мой всегда был при мне, неподкупнейшим стражем;
Сам, при учителях, тут же сидел. — Что скажу я? — Во мне он
Спас непорочность души, красоту добродетелей наших,
Спас от поступков меня он, спас и от мыслей бесчестных.
Он не боялся упрека, что некогда буду я то же,
Чтó он и сам был: публичный глашатай иль сборщик, что буду
Малую плату за труд получать. — Я и тут не роптал бы.
Ныне ж за это ему воздаю похвалу я тем боле,
И тем боле ему благодарностью вечной обязан.
Нет! покуда я смысл сохраню, сожалеть я не буду,
Что такого имел я отца, не скажу, как другие,
Что не я виноват, что от предков рожден несвободных.
Нет! ни в мыслях моих, ни в словах я не сходствую с ними!
Если б природа нам прежние годы, прожитые нами,
Вновь возвращала и новых родителей мы избирали,
Всякий бы выбрал других — честолюбия гордого в меру,
Я же никак не хотел бы родителей, коих отличье —
Ликторов связки и кресла курульные. Может быть, черни
Я б показался безумцем; но ты бы признал мой рассудок
В том, что не взял на себя я заемного бремени тягость.
Ибо тогда бы мне должно свое умножать состоянье,
В многих искать и звать того и другого в деревню,
Множество слуг и коней содержать и иметь колесницу.
Нынче могу я в Тарент на кургузом муле отправляться,
У которого спину натер чемодан мой, а всадник
Вытер бока. — И никто мне не скажет за это упрека
В скупости так, как тебя упрекают все, Тиллий, когда ты
Едешь, как претор тибурской дорогой, и пятеро следом
Юных рабов, кто с лоханью, кто с коробом вин. Оттого мне,
Право, спокойнее жить, чем тебе, знаменитый сенатор!

Да спокойней и многих других. Я, куда пожелаю,
Отправляюсь один, сам справляюсь о ценности хлеба,
Сам о цене овощей, плутовским пробираюсь я цирком;
По́д вечер часто и в форум — гадателей слушать; оттуда
Я к пирогу, к овощам и домой. Нероскошный мой ужин
Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
Вместе с циатом стоят, простая солонка и чаша,
И рукомойник — посуды простой, кампанийской работы.
Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно завтра
Рано вставать и на площадь, где Марсий кривляется бедный
В знак, что он младшего Новия даже и видеть не может.
Сплю до четвертого часа; потом, погулявши, читаю
Или пишу, про себя, что-нибудь, что меня занимает;
После я маслом натрусь, не таким, как запачканный Натта,
Краденным им из ночных фонарей. Тут, ежели солнце
Жаром меня утомит и напомнит о бане прохладной,
Я от жара укроюсь туда. Насыщаюсь нежадно,
Ем, чтоб быть сыту и легким весь день сохранить мой желудок.
Дома потом отдохну. Жизнь подобную только проводят
Люди, свободные вовсе от уз честолюбия тяжких.
Я утешаюся тем, что приятней живу, чем когда бы
Квестором был мой отец, или дедушка, или же дядя.

САТИРЫ

7

Всякий цырюльник и всякий подслепый, я думаю, знает,
Как полуримлянин Персий, с проскриптом Рупилием в ссоре,
(Прозванным Царь), отплатил за его ядовитость и гнусность.
Персий богач был, имел он большие дела в Клазоменах;
С этим Рупильем-Царем имел он тяжелую тяжбу.
Жесткий он был человек, ненавистник; в том и Царя он
Мог превзойти. И надменен и горд, оскорбительной речью
Он на белых конях обгонял и Сизенну и Барра.
Возвращаюсь к Рупилию снова. Никак не возможно
Было их согласить, затем, что сутяги имеют
То же право стоять за себя, как и храбрые в битве.
Как между Гектором, сыном Приама, и храбрым Ахиллом
Гнев был настолько велик, что лишь смерть развела ратоборцев.
А причиной одно: в них высокое мужество было!
Если ж вражда между слабых идет, иль война меж неравных,
Так, как случилось между Диомедом и Главком-ликийцем, —
То трусливый назад; и подарки еще предлагает!
Персий с Рупилием в битву вступили пред претором Брутом:
Азией правил богатою он. Сам Биф и сам Бакхий
Менее были б равны, чем они на побоище этом.
Оба выходят на суд, друг на друга горящие гневом.
Оба великое зрелище взорам собранья готовят.
Персий свой иск изложил и был всеми согласно осмеян.
Претора Брута сперва расхвалил он, потом и когорты,
Солнцем всей Азии Брута назвав, он к звездам благотворным
Свиту его приобщил; одного лишь Рупилия назвал
Псом — созвездием злым, ненавистным для всех земледельцев.
Персий стремился, как зимний поток нерубленным лесом.

Начал пренестец потом; отплатил он ему, и с избытком.
Так виноградарь, когда закукует прохожий кукушкой,
Бранью его провожает, пока он из глаз не исчезнет.
Вот грек Персий, Италии уксусом выкупан вдоволь,
Вдруг закричал: «Умоляю богами, о Брут благородный!
Ты, который с царями справляться привык! Для чего ты
Этого терпишь? — Оно бы твое настоящее дело!»

8

Некогда был я чурбан, от смоковницы пень бесполезный;
Долго думал художник, чем быть мне, скамьей иль Приапом.
«Сделаю бога!» сказал; вот и бог я! — С тех пор я пугаю
Птиц и воров. — Я правой рукой воров отгоняю,
Так же как удом своим, что краснеет меж чресел бесстыдно;
А тростник на моей голове птиц прожорливых гонит,
Их не пуская садиться в саду молодом на деревья.
Прежде здесь трупы рабов погребались, которые раб же
В бедном гробу привозил за наемную скудную плату.
Общее было здесь всякого нищего люда кладбище;
Пантолаба ль шута, Номентана ль известного мота.
С надписью столб назначал по дороге им тысячу пядей,
По́ полю триста, чтоб кто не вступился в наследие мертвых.
Холм Эсквилинский теперь заселен; тут воздух здоровый.
Нынче по насыпи можно гулять, где еще столь недавно
Белые кости везде попадались печальному взору.
Но ни воры, ни звери, которые роют тут землю,
Столько забот и хлопот мне не стоят, как эти колдуньи,
Ядом и злым волхвованьем мутящие ум человеков.
Я не могу их никак отучить, чтоб они не ходили
Вредные травы и кости сбирать, как скоро покажет
Лик свой прекрасный луна, проходя по лазурному небу.
Видел Канидию сам я, одетую в черную паллу,
Как босиком, растрепав волоса, с Саганою старшей,
Здесь завывали они; и от бледности та и другая
Были ужасны на вид. — Сначала обе ногтями
Стали рыть землю; потом теребили и рвали зубами
Черную ярку и кровью наполнили яму, чтоб тени
Вызвать умерших — на страшные их отвечать заклинанья.

Вынули образ какой-то из шерсти; другой же из воску.
Первый был больше, как будто грозил восковому; а этот
Робко стоял перед ним, как раб, ожидающий смерти!
Тут Гекату одна вызывать принялась; Тизифону
Кликать другая. Вокруг их, казалось, ползли и бродили
Змеи и адские псы. А луна, от стыда покрасневши,
Скрылась, чтоб дел их срамных не видать, за высокой гробницей.
Если я лгу в чем, пускай белым калом обгадят главу мне
Вороны; явятся пусть, чтоб меня обмочить и обгадить
Юлий, как щепка сухой, Педиатия с вором Вораном.
Но зачем мне рассказывать все! — Рассказать ли, как тени
Попеременно с Саганой пронзительным голосом выли,
Как украдкою бороду волчью с зубом ехидны
В землю зарыли они, как сильный огонь восковое
Изображение сжег, как, от ужаса я содрогнувшись,
Был отомщен, свидетель и слов и деяний двух фурий!
Сделан из дерева, сзади я вдруг раскололся и треснул,
Точно как лопнул пузырь. — Тут колдуньи как пустятся в город!
То-то вам было б смешно посмотреть, как попадали в бегстве
Зубы Канидии тут и парик с головы у Саганы,
Травы и даже запястья волшебные с рук у обеих!

САТИРЫ

9

Шел я случайно Священною улицей — в мыслях о чем-то,
Так, по привычке моей, о безделке задумавшись. — Некто
Вдруг повстречался со мной, мне по имени только известный.
За руку взяв, он сказал мне: «Ну, как поживаешь, любезный?»
— «Так, потихоньку, как видишь. За добрый привет—исполненья
Всех желаний тебе!» — Но, видя, что шел он за мною,
Я с вопросом к нему: не имеет ли нужды во мне он?
«Мы ведь известны тебе, — он сказал: — мы ученые люди!»
— «Знаю, — ему я в ответ, — и тем больше тебя уважаю!»
Сам торопясь, нельзя ли уйти, и пошел поскорее,
Только что изредка на ухо, будто шепчась со слугою.
Пот между тем с нетерпенья дождем так с меня и катился
От головы до подошв. — «О Болан, да как же ты счастлив,
Что с такой ты рожден головой!» я подумал. А спутник
Улицы, город хвалить принялся. Но, не слыша ни слова,
«Верно ты хочешь, — сказал, — ускользнуть от меня: я уж вижу!
Только тебе не уйти: не пущу, и пойду за тобою!
А куда ты идешь?» — «Далеко! Мой знакомый — за Тибром;
Там, у садов; он с тобой незнаком. Что кружить попустому!»
— «Я не ленив — провожу!» Опустил я с отчаянья уши,
Точно упрямый осленок, навьюченный лишнею ношей.
А сопутник опять: «Если знаю себя я, конечно,
Дружбу оценишь мою ты не меньше, чем дружбу другого,
Виска, сказать например, или Вария. — Кто сочиняет
Столько стихов и так скоро, как я? Кто в пляске так ловок?
В пеньи же сам Гермоген мой завистник!»—«А что,—тут спросил я,
Чтобы прервать разговор, — есть и мать у тебя, и родные?»
— «Всех схоронил! Никого!»—«Вот прямо счастливцы!—подумал
Я про себя, — а вот я... еще жив на мученье! Недаром,

Жребий в урне встряхнув, предрекла старуха сабинка:
«Этот ребенок, сказала она, не умрет ни от яда,
Ни от стали врага, ни от боли в боку, ни от кашля;
Ни подагра его не возьмет... Но как в возраст придет он,
Надо беречься ему болтунов!»» — Вот дошли мы до храма
Весты, а дня уж четвертая часть миновала! Мой спутник
Поручился явиться в суде, а неявкою — дело
Было б проиграно. — «Если ты любишь меня, он сказал мне,
Помоги мне: побудь там немножко со мною!» — «Я, право,
Долго стоять не могу; да я и законов не знаю!»
— «Что же мне делать?—он молвил в раздумьи:—тебя ли оставить
Или уж тяжбу?» — «Конечно, меня! Тут чего сомневаться!»
— «Нет, не оставлю!» — сказал — и снова пошел он со мною!
С сильным бороться нельзя; я за ним.—«Что? как ныне с тобою
И хорош ли к тебе Меценат? — Он ведь друг не со всяким!
Здравомыслящ, умен, и с Фортуною ладить умеет.
Если б один человек... мог втереться к нему! Помоги-ка:
Был бы помощник твой в ролях вторых! Всех отбил бы! Клянуся!»
— «Полно! — ему я сказал, — мы не любим там этих проделок!
Дом Мецената таков, что никто там другим не помехой.
Будь кто богаче меня иль ученее — каждому место!»
— «Чудно и трудно поверить!»—«Однакоже так!»—Тем сильнее
Ты охоту во мне возбудил к Меценату быть ближе!»
— «Стоит тебе захотеть! Меценат лишь сначала неласков;
Впрочем, доступен он всем!» — «Ничего, как-нибудь постараюсь!
Хоть рабов у него подкуплю, а уж я не отстану!
Выгонят нынче — в другой раз приду; где-нибудь перекрестком
Встречу его и пойду провожать. Что же делать! Нам смертным
Жизнь ничего не дает без труда: уж такая нам доля!»
Так он болтал без умолку! — Вот, встретясь с Аристием Фуском
(Знал он его хорошо), я помедлил идти; обменялись
Мы вопросами с ним: «Ты откуда? куда?» — Я за тогу
Фуска к себе потянул и за обе взял руки; и тихо,
Сделавши знак головой, сам глазами мигнул, чтоб избавил
Как-нибудь он от мученья меня. — А лукавец смеется
И не желает понять. — Тут вся желчь во мне закипела!
«Ты, Аристий, хотел мне что-то сказать по секрету?»
— «Помню, — сказал он, — но лучше в другое удобное время.
У иудеев тридцатая ныне суббота и праздник;
Что за дела в подобные дни, и на что оскорблять их!»

— «Строг же ты в совести! — я возразил, — а я, признаюся,
Я не таков!» — «Что же делать! — в ответ он, — я многим слабее
Я человек ведь простой, с предрассудками; лучше отложим!»
Черный же день на меня! — Он ушел, и остался я снова
Под злодейским ножом. — Но, по счастью, ответчик навстречу.
«Где ты, бесчестный?» вскричал он. Потом он ко мне обратился
С просьбой: свидетелем быть. Я скорей протянул уже ухо!
Повели молодца! Вслед за ними и справа и слева
С криком народ повалил! — Так избавлен я был Аполлоном!

10

Да! Я конечно сказал, что стихи у Луцилия грубы,
Что без порядка бегут они. Кто же бессмысленный будет
Столько привержен к нему, что и сам не признается в этом?
Но того же Луцилия я и хвалил — за насмешки,
Полные соли, противу Рима. Однакож, воздавши
Эту ему похвалу, не могу я хвалить все другое!
Если бы так, то пришлось бы мне всем восхищаться и даже
Мимам Лаберия вслух, как прекрасным поэмам, дивиться.
Хорошо и уметь рассмешить, но еще не довольно.
Краткость нужна, чтоб не путалась мысль, а стремилась свободно.
Нужно, чтоб слог был то важен, то кстати игрив, чтобы слышны
Были в нем ритор, поэт, но и тонкости светской красивость.
Надобно силу уметь и беречь и, где нужно, умерить.
Шуткой нередко решается трудность и легче и лучше,
Нежели силой ума! — То старинные комики знали!
Нам бы не худо последовать им, а их не читают
Ни прекрасный собой Гермоген ни та обезьяна,
Чье все искусство в одном: подпевать Катуллу да Кальву!
«Так, но ведь этот Луцилий сделал великое дело
Тем, что он много ввел греческих слов, примешавши к латинским».
— О запоздалые люди! Вам кажется важным и трудным
То, что бывало давно! Так писал Пифолеон Родосец.
«Правда, но это смешенье в стихах так для слуха приятно,
Как хиосское вместе с фалернским приятно для вкуса!»
— А позволь мне спросить: например, хорошо ли бы, если б
Трудное дело Петиллия ты защищал, и другие,
Педий, Корвин, Публикола, потели б с своею латынью.
Ты же, забыв и отца и отечество, стал возражать им
Речью своей и чужой, как в Канузиуме двуязычном?

Я ведь и сам, хоть рожден по сю сторону моря, однако
Тоже, случалось, писал по-гречески прежде стишонки.
Но однажды средь ночи, когда сновиденья правдивы,
Вдруг мне явился Квирин и с угрозой сказал мне: безумец!
В Греции много поэтов. Толпу их умножить собою —
То же, что в рощу дров наносить, ничуть не умнее!
Между тем как надутый Альпин вторично Мемнона
Режет в стихах и главу уродует грязную Рейна,
Я для забавы безделки пишу, которые в храме
Бога поэтов (где Тарпа судьей) состязаться не будут,
Да и не будут по нескольку раз появляться на сцене.
Ты лишь один из живущих поэтов, Фунданий! столь мило
Можешь прелестниц заставить болтать, сколь искусно представить
Дава, который морочит бедного старца Хремета!
Но Поллион воспевает царей, но пламенный Варий
Равных не знает себе в эпопее, а сельские Музы
Нежное, тонкое чувство Вергилию в дар ниспослали.
Я же, что пробовал тщетно Варрон-Атацин и другие,
Лучше пишу я сатиры, хотя и другой изобрел их.
Славы великой венца я с его головы не срываю!
Я одно лишь сказал: что он льется, как мутный источник,
Но что больше достойного памяти в нем, чем забвенья!
Разве нет недостатков в само́м великом Гомере?
Разве сам скромный Луцилий не делал поправок — и в ком же?
В трагике Акции! Разве над Эннием он не смеется?
Разве, других порицая, себя он не выше их ставит?
Что же мешает и нам, читая Луцилия, тоже
Вслух разбирать: ему ли натура его отказала
В мягкости, или предметы, которые он выбирает
Жестки; но только стихи у Луцилия жестки — как будто
Так он писал, чтобы только шесть стоп в стихе уместились,
Да чтоб двести стихов натощак да столько же после
Ужина! — Что ж, говорят, ведь писал же так Кассий Этрурец.
Как река он стихами кипел, и по смерти сожжен был
С кипой стихов: их одних на костер погребальный достало!
Я повторяю: Луцилий, конечно и легче и глаже,
Чем наш поэт, изобретший стихи, неизвестные грекам;
Легче и глаже он был всей толпы стародавних поэтов.
Но когда бы, по воле судьбы, он в наше жил время,
Много бы выключил он: все, что ниже нашел совершенства.

Ногти бы до крови грыз он, чтоб сделать свой стих совершенным.
Если ты хочешь достойное что написать, чтоб читатель
Несколько раз прочитал, — ты стиль оборачивай чаще.
Не желай удивленья толпы, а пиши для немногих.
Или ты пишешь для школьников? — Нет, я другого желаю!
Нет, я желаю, чтоб всадник меня похвалил благородный!
Так Арбускула танцовщица раз, как ее освистали,
Очень умно говорила: что, зрителей всех презирая,
Рукоплесканий она от одних благородных желала!
Пусть же Пантилий меня беспокоит, как клоп, пусть заочно
Будет царапать меня и Деметрий, пусть и безумец
Фанний поносит при всех, за столом у Тигеллия сидя!
Только бы Плотий и Варий, мой Меценат и Вергилий,
Муж благородный Октавий, Валгий и Фуск одобряли!
Если бы оба и Виски хвалили — я был бы доволен!
Но, оставивши лесть, я могу справедливо причислить
К ним и тебя, Поллион, и Мессалу с достойнейшим братом,
Также Бибула и Сервия, также и Фурия с ними.
Многих друзей просвещенных мне скромность назвать запрещает.
Их бы желал я хвалы; признаюсь, что мне грустно бы было,
Если б надежда меня в одобрении их обманула.
С вас же, Деметрий с Тигеллием, будет вниманья и школьниц!
Мальчик! поди переписывать эту тетрадку с другими!

КНИГА ВТОРАЯ

1

Гораций

Многие думают, будто в сатирах излишне я резок
Или что я выхожу из пределов; другим же, напротив,
Что́ ни пишу я, все кажется слабым. — Такими стихами
Можно писать, говорят, стихов по тысяче в сутки!
Что же мне делать, Требатий, — скажи!

Требатий

Оставаться в покое.

Гораций

То есть вовсе стихов не писать?

Требатий

Не писать!

Гораций

Пусть погибну,
Ежели это не лучшее! — Но... без того мне не спится!

Требатий

А кто хочет покрепче уснуть, тот, вытертый маслом,
Трижды имеет чрез Тибр переплыть, и на ночь желудок
Цельным вином всполоскать. Но если писать ты охотник,
Лучше отважься ты подвиги Цезаря славить стихами.
Верно ты будешь за труд награжден.

Гораций

И желал бы, отец мой,
Но не чувствую силы к тому. Не всякий же может
Живо полки описать, с их стеною железною копий,
Галлов со смертью в борьбе на обломках оружий, иль парфов,
Сбитых с коней...

Требатий

Но ты мог бы представить его справедливость
И великость души, как Луцилий воспел Сципиона.

Гораций

Да непременно: как скоро представится случай! Некстати
Цезаря слуху стихами Флакк докучать не захочет.
Кто неловко погладит его, он, как конь, забрыкает.

Требатий

Это честнее бы, чем Пантолаба иль Номентана,
Шута да мота бранить. За себя опасается всякий.
Ты, кого и не трогал, и те уж тебя ненавидят.

Гораций

Что же мне делать? Милоний плясать начинает, как скоро
Винный пар в голову вступит ему и свеча задвоится;
Кастор любит коней; из того же яйца порожденный
Поллукс—борьбу. Что голов, то различных пристрастий на свете!
Мне наслажденье — слова заключать в стихотворную меру:
Как Луцилию было, хотя он... обоих нас лучше.
Всякие тайны свои, как друзьям, поверял он листочкам.
Горесть ли, радость ли — к ним, к ним одним завсегда прибегал он!
Все приключенья, всю жизнь, как на верных обетных дощечках,
В сочиненьях старик начертал. И его-то примеру

Следую я, кто бы ни был, луканец ли, иль апулиец.
Ибо житель Венузии пашет в обоих пределах,
Присланный некогда — если преданию старому верить —
Снова тот край заселить, по изгнаньи тут живших самнитов,
С тем чтоб на случай войны апулийцев ли или луканцев,
Не был врагу путь до Рима открыт через земли пустые.
Впрочем, мой грифель вперед ни души не обидит, но будет
Мне лишь в защиту, как меч, хранимый в ножнах. И к чему же
Мне вынимать бы его, без нападок от явных злодеев? . .
О Юпитер, царь и отец! Пусть оружие это
Гибнет от ржавчины, брошено мною, покуда не вздумал
Сам кто вредить мне, любящему мир! Но, первый, кто тронет, —
Предупреждаю я: лучше не трогай! — заплачет и будет
В целом Риме, себе на беду, прославлен стихами!
Цервий во гневе законом и урной грозит, и зловредным
Зельем Канидия, Турий судья — решением дела:
Стало быть всякий себе избирает орудье по силам.
Так повелела натура; ты в том согласишься со мною!
Зубы для волка, рога для вола. Доверьте вы моту
Сцеве его престарелую мать в попеченье: он руку
От убийства конечно удержит! — Чему ж вы дивитесь?
Волк не бодает рогами, а вол не кусает зубами:
Так и его от старушки избавит и с медом цикута!
Но короче скажу: суждена ли мне долгая старость,
Или на черных крылах смерть летает уже надо мною,
Нищ ли, богат ли я, в Риме ли я иль в изгнании буду,
Если угодно судьбе — я сатиры писать не отстану!

Требатий

Сын мой, боюсь я — тебе не дожить до седин, а холодность
Сильных друзей испытаешь и ты!

Гораций

Почему же Луцилий,
Первый начавший сатиры писать, не боялся, когда он
С гнусных тех душ совлекая блестящую кожу притворства,
Их выставлял в наготе? — Ты скажи: оскорблялся ли Лелий
Или герой, получивший прозванье от стен Карфагена,
Да и казалось ли дерзостью им, что Луцилий Метелла
Смел порицать или Лупа в стихах предавать поношенью? . .

Он нападал без разбора на всех, на народ и на знатных,
Только щадил добродетель, щадил он ее лишь любимцев!
Даже, когда Сципион или Лелий, мудрец безмятежный,
От народной толпы и от дел на покой удалились,
Часто любили они с ним шутить и беседовать просто,
Между тем как готовили им овощей на трапезу.
Я, хоть и ниже Луцилия даром моим и породой,
С знатными жил же и я — в том признается самая зависть.
Ежели тронет она и меня сокрушающим зубом,
Жестко покажется ей! — Но быть может, ученый Требатий,
Ты не согласен?

Требатий

Нет, в этом и я не поспорю. Однако
Все мой совет: берегись! Ты законов священных не знаешь!
Бойся попасть в неприятную тяжбу! Если писатель
Дурно напишет о ком, он повинен суду и ответу!

Гораций

Да! кто дурно напишет, а кто хорошо, то наверно
Первый сам Цезарь похвалит! И ежели, сам без порока,
Смехом позорит людей он, достойных позора...

Требатий

То смехом
Дело твое порешат; а ты возвратишься оправдан!

КНИГА ВТОРАЯ

2

Как хорошо, как полезно, друзья, быть довольну немногим!
(Это не я говорю; так учил нас Офелл поселянин,
Школ не видавший мудрец, одаренный природным рассудком.)
Слушайте речь мудреца не за пышной и сытной трапезой,
И не тогда, как бессмысленный блеск ослепляет вам очи,
Иль как обманутый разум полезное все отвергает.
Нет! натощак побеседуем! — «Как натощак? Для чего же?»
— Я объясню вам! Затем, что судья, подкуплённый дарами,
Судит неправо! Когда ты устанешь, гоняясь за зайцем,
Или скача на упрямом коне, иль мечом забавляясь
(Ибо, изнеженным греками, римлян военные игры
Нам тяжелы, а с забавами мы забываем усталость),
Или когда утомишься усильным бросанием диска —
Тут ты, почувствовав жажду и пóзыв пустого желудка,
Пре́зришь ли пищей простой? Перетерпишь ли жажду затем лишь,
Что фалернского нет, подслащенного медом гиметтским,
Что нет ключника дома, что море, взволнованно бурей,
Рыб защищает в своей глубине от сетей рыболовов?
Нет! как живот заворчит, то ему и хлеб с солью приятны,
Ибо не в запахе яств, а в тебе самóм наслажденье!
Пóтом усталости — вот чем отыскивай вкусные блюда!
Лени обрюзглой чтó ни подай, ей все не по вкусу:
Устрицы ль, скар ли, иль заяц морской, издалёка прибывший.
Если павлин пред тобою, как ни проси, ты не станешь
Курицу жирную есть — тот приятнее вкус твой щекочет.
Это все суетность! Все оттого, что за редкую птицу
Золотом платят, что хвост у нее разноцветный и пышный;
Точно как будто все дело в хвосте! Но ешь ли ты перья?
Стоит их только изжарить, куда красота их девалась!

Мясо ж павлина нисколько не лучше куриного мяса!
Ясно, что в этом одна лишь наружность твой вкус обольщает!
Пусть! но пойди-ка узнай ты по вкусу, где поймана эта
Щука с широкой разинутой пастью: в Тибре иль в море,
Между мостов ли ее, или в устье волны качали?
Хвалишь, безумный, ты мулла за то лишь одно, что он весом
Ровно в три фунта, а должен же будешь изрезать на части!
Если прельщает огромность, то как же огромная щука
Столько противна тебе? Оттого, что не редкость! Природа
Щуку большой сотворила, а мулл большой не бывает.
«Что за прекраснейший вид, как он целое блюдо покроет!» —
Так восклицает обжора, с глоткой достойною Гарпий.
Австр! лети — пережги их роскошные яства! А впрочем,
Если испорчен желудок, и ромб и кабан неприятны.
Горькая редька и кислый щавель тут нужнее. Конечно,
Предков оливки и яйца нами не изгнаны вовсе
С наших столов; городской недавно глашатай Галлоний
Был осуждаем за роскошь пиров его. «Как! неужели
Менее ромбов в то время питало глубокое море?» —
Нет! но покуда в них вкус не открыл нам преторианец,
В море спокойно жил ромб, и был аист в гнезде безопасен.
Если б кто выдал эдикт, что нырок зажаренный вкусен,
Юноши Рима поверят: они на дурное послушны!
Впрочем, умеренный стол и стол скряги Офелл различает,
Ибо напрасно бежать от порока к пороку другому.
Ауфидиен, справедливо прозванный Псом, ежедневно
Ел лишь оливки, которым пять лет, да ягоды терна,
А вино он берег, покуда совсем не прокиснет.
В день же рождения или на утро дня свадьбы, одетый
В белом, как следует в праздник, он гостям на капусту
Масло такое из рога по капельке лил своеручно,
Что захватило дыханье, зато не скупился на уксус!
Как же прилично жить мудрецу? И с кого брать примеры?
Там угрожает мне волк, а тут попадешься собаке!
Чисто одетым быть значит — не быть в запачканном платье,
А не то, чтоб наряженным быть щегольски. Кто средину
Хочет во всем сохранить, то не будь, как Альбуций, который,
Раздавая приказы рабам, их заранее мучил:
Но не будь и беспечен, как Невий, который помои
Вместо воды подавал. Недостаток великий и это!

КНИГА ВТОРАЯ

Слушай же, сколько приносит нам пользы пища простая:
Первая польза — здоровье, затем что все сложные яства
Вредны для тела. Припомни, какую ты чувствовал легкость
После простого стола! Но вареное с жареным вместе,
Устриц с дроздами как скоро смешаешь в одно, то в желудке
Сладкое в желчь обратится, и внутренний в нем беспорядок
Клейкую слизь породит. Посмотри, как бывают все бледны,
Встав из-за пира, где были в смешеньи различные яства.
Тело, вчерашним грехом отягченное, дух отягчает,
Пригнетая к земле часть дыханья божественной силы!
Но умеренный, скоро насытясь и сладко заснувши,
Свежим и бодрым встает ото сна к ежедневным занятьям.
Может и он иногда дозволить себе что́ получше,
Ежели праздничный день с годовым оборотом приходит,
Или в усталости, или тогда, наконец, как с годами
Тело слабеет и требует бо́льших о нем попечений.
Ты же, который, будучи молод и крепок, заране
К неге себя приучал, чем себя ты понежишь, как хворость
Или тяжелая старость потребуют сил подкрепленья?
Предки хвалили мясо кабана, хотя и не вовсе
Свеже; не то чтобы не было вовсе у них обонянья —
Нет! но чем све́жее есть самому, казалось, что лучше
Им почато́е иметь наготове для позднего гостя.
О, когда б я родился во время тех старых героев!
Если желаешь ты славы, которая слуху тщеславных
Сладостней песен, то верь мне, что рыбы и блюда большие
Только послужат к стыду твоему, к разоренью! Вдобавок
Дядю рассердишь, соседи тебя взненавидят. Ты будешь
Смерти желать, но не́ на что будет купить и веревки!
«Это, ты скажешь, идет не ко мне: я не Травзий! Имений
И доходов моих для троих царей бы достало!»
— Ежели так, то зачем ты излишек не тратишь на пользу?
Если богат ты, зачем же есть в бедности честные люди?
Для чего же богов разрушаются древние храмы?
Для чего ты, негодный, хоть малую часть из сокровищ,
Накоплённых тобой, не приносишь отечеству в жертву?
Или, ты думаешь, счастье тебе одному не изменит?
Время придет, что и ты для врагов посмешищем будешь.
Кто в переменах судьбы понадеяться может на твердость?
Тот, кто умел покорить и тела привычки и гордость,

Или кто, малым доволен, на будущность мало надеясь,
Мог, как мудрец, быть готовым к войне в продолжение мира.
Верьте мне: мальчиком бывши еще, знавал я Офелла!
Нынче бедняк, и тогда он, при целом именьи, не шире
Жил, чем теперь. На своем, для других отмежеванном поле
Он и доныне с детьми и со стадом живет, как наемщик.
«Нет, никогда, — говорил он, — по будням не ел я другого,
Кроме простых овощей и куска прокопченной свинины!
Если же изредка гость приходил иль в свободное время
Добрый сосед навещал особливо в ненастную пору,
Я не столичною рыбою их угощал, но домашним
Или цыпленком или козленком. Кисть винограда,
Крупные фиги, орехи — вот что мой стол украшало.
В мирной игре между нас — проигравший пил лишнюю рюмку,
Или, в честь доброй Цереры, чтоб выше взрастали колосья
Наших полей, мы заботы чела вином прогоняли.
Пусть же Фортуна враждует и новые бури воздвигнет!
Что́ ей похитить у нас? Скажите, мои домочадцы,
Меньше ль счастливо мы жили с тех пор, как у нас поселенец
Новый явился? Ни мне, ни ему, ни другому природа
Ведь не назначила вечно владеть! Он нас выгнал, его же,
Если не ябеда, то расточительность тоже прогонят,
Или наследник, его переживший, владенье присвоит.
Нынче землица Умбрена, прежде землица Офелла,
Но, по правде, ничья, а давалась в именье на время,
Прежде Офеллу, а после другим. Сохраним же всю бодрость!
Твердую душу поставим про́тив ударов Фортуны!»

КНИГА ВТОРАЯ

3

Дамазипп

Редко ты пишешь! Едва ли четырежды в год ты пергамент
В руки возьмешь! Лишь только наткал, и опять распускаешь,
Сам недоволен собой, что вино и сонливость мешают
Славы достойный труд совершить. Что из этого выйдет?
Что ж ты на дни Сатурналий сюда убежал? Напиши же
Здесь, протрезвясь, что-нибудь ожиданий достойное наших!
Что? Ничего? Так напрасно ж перо обвинять и напрасно
Бедные стены, созда́нные в гневе богов и поэтов!
Мы по лицу твоему от тебя превосходного много
Ждали, когда ты под сельскую теплую кровлю сокрылся.
Для чего же привез ты с собою Платона с Менандром?
Что же взял в свиту свою Эвполида и с ним Архилоха?
Хочешь ли зависть ты тем усмирить, что возьмешь у достоинств?
Нет, лишь презренье одно наживешь! Отбрось же ты леность,
Эту сирену свою, иль и то, что и лучшею жизнью
Ты приобрел, потеряешь опять!

Гораций

Да даруют же боги
Все и богини тебе, Дамазипп, брадобрея за этот
Столь полезный совет! Но как я тебе столь известен?

Дамазипп

С той поры, как попал я у среднего Януса на мель,
Я, оставив свои все дела, занимаюсь чужими.
Прежде любил я исследовать бронзу лохани, в которой
Ноги мыл хитрый Сизиф, разбирал, где заметна в ваяньи
Слабость резца, где металл отлился неудачно и грубо,
Знал я, что́ статуя сто́ит, сколько тысяч сестерций;

Домы, сады покупать, в том со мною никто не равнялся,
Так что меня при продажах любимцем Меркурия звали.

Гораций

Это я знаю. Дивлюсь, как от этого ты исцелился!

Дамазипп

Так, как бывает это всегда, что всякая новость
Выгонит старое. Крови прилив к голове или к боку
Вдруг обращается к груди. Иной летаргией был болен;
Смотришь — врача своего на кулачный уж бой вызывает!

Гораций

Лишь бы меня не касалось; с другими — будь что угодно!

Дамазипп

Друг, понапрасну не льстись! Все глупцы, да и сам ты безумен,
Если нам правду Стертиний твердил. От него я науку
Превосходную принял тогда, как меня убедил он
Мудрую эту браду себе отрастить в утешенье
И от мо́ста Фабриция в мире домой воротиться:
Ибо, когда я в упадке всех дел, с головою покрытой,
Броситься в волны хотел, он стоял уж по правую руку.

Ты берегись недостойного дела, — вскричал он. — Ты мучим
Ложным стыдом, ты боишься безумным прослыть меж безумцев!
Но рассмотрим во-первых: что есть безумие? — Если
Ты лишь безумен один, я ни слова! Пусть смертью отважной
Кончишь ты жизнь. Но если кого лишь слепое незнанье
Зла и добра побуждает к тому, то Хризипп и вся школа
Прямо того почитают безумцем. Под правило это
Все, и цари и народы подходят, кроме лишь мудрых.
Слушай же: я объясню, почему те, которым безумцем
Кажешься ты, все и сами не менее тоже безумны.
Если два путника, идучи лесом, в нем заблудятся,
Этот с дороги собьется направо, а этот налево, —
Оба блуждают они, но только по разным дорогам.
Так все равно и безумны, хотя над тобой и смеются.

Верь мне: с хвостом и они. Бояться, где вовсе нет страха —
Это безумие точно такое ж, как если б кто начал
В поле открытом кричать, что река преграждает дорогу
Или огонь. А противная крайность есть тоже безумство,
Только другое — броситься прямо в реку или в пламя,
Как ни кричали б и мать, и сестра, и отец, и супруга:
«Здесь глубочайшая бездна, скала, берегися, несчастный!»
Нет, он не слышит, безумный, как Фуфий, который на сцене
Пьяный на ложе заснул и проспал Илиону — и тщетно
Несколько тысяч ему голосов из театра кричали:
«Матерь! тебя я зову!» Заблуждаются все, докажу я!
Все Дамазиппа считают безумным за то, что скупает
Старые статуи он, а кто верит ему, тот умнее ль?
Если б тебе я сказал: «На вот это, возьми без возврата!»
Был ли бы глуп ты, если бы взял? Нет, ты был бы глупее,
Если бы не́ взял, что даром Меркурий тебе посылает!
На иного хоть десять раз вексель у Нерия пишешь,
Хоть сто раз у Цикуты; опутай его хоть цепями:
Все ни во что. Ускользнет он, злодей, с проворством Протея.
А потащишь к суду — он смеется, он вдруг превратится
В птицу, в кабана, в свинью и в дерево, если захочет.
Если безумный действует худо, разумный же лучше,
То Переллий безумней тебя, получая твой вексель,
По которому знает вперед, что ты не заплатишь.
Ну, подберите же ноги, чтоб слушать меня со вниманьем!
Кто с честолюбья из вас, а кто с сребролюбия бледен,
Кто невоздержан и тот, кого суеверие мучит
Или другая горячка души, — все ко мне подходите!
Все по порядку, и я докажу вам, что все вы безумцы!
Самый сильный прием чемерицы следует скрягам;
Думаю даже, не худо б отдать им и всю Антикиру.
Ведь завещал же Стаберий скупец, чтоб на камне надгробном
Вырезал сумму наследства наследник его, а иначе
Должен народу дать пир, как устроить придумает Аррий:
Сто пар бойцов, да пшеницы — годичную Африки жатву.
«А справедливо ли это иль нет, мне наследник не дядя!
Так я хочу!» Вероятно, что так рассуждал завещатель.

Дамазипп

Для чего же велел надписать он на камне наследство?

Стертиний

Для того, что он бедность считал величайшим пороком,
Что ужасался ее, и если бы умер беднее
Хоть квадрантом одним, то считал бы себя без сомненья
Человеком дурным. У людей подобного рода
Слава, честь, добродетель — всё пред людьми и богами
Ниже богатства. Один лишь богатый мужествен, славен,
И справедлив.

Дамазипп

Неужели и мудр?

Стертиний

И мудрец, без сомненья!
Даже и царь, и все, что захочет! Он думал, что деньги
И добродетель заменят ему и прославят в потомстве.

Дамазипп

Как с ним несходен был грек Аристипп, рабам приказавший
Золото бросить в ливийских песках потому лишь, что тягость
Их замедляла в пути. А который из них был безумней?

Стертиний

Спорным примером спорный вопрос разрешить невозможно.
Если кто лиры скупает, музыки вовсе не зная,
Ежели кто собирает колодки башмачные, шила,
Сам же совсем не башмачник, иль всякий, кто парусы, снасти
Любит в запасе хранить, отвращенье имея к торговле,
Тот безумный, по мнению всех. А разумнее ль этот
Скряга, что золото прячет свое и боится, припрятав,
Тронуть его, как будто оно какая святыня.
Если кто, с длинным в руках батогом, перед кучею жита
Протянувшись, лежит господином, его карауля,
Сам не берет ни зерна и питается горькой травою;
Если до тысячи кружек, до трехсот тысяч фалерна
Самого старого или хиосского в погребе скряги,
Сам же кислятину пьет и, лет семьдесят девять проживши,
Спит на набитом соломой мешке, имея в запасе
Тюфяки в кладовой, тараканам и моли в добычу,
То он по той лишь причине в безумстве заметен немногим,

Что есть множество, кроме него, в такой же болезни.
О старик, ненавистный богам! К чему бережешь ты?
Разве затем, чтоб твой сын иль отпущенник прожил наследство?
Ты опасаешься нужды? Конечно, из эдакой суммы
Много убавится, если отложишь частичку на масло,
Чтобы капусту приправить иль голову глаже примазать.
Если столь мало нужно тебе, из чего же даешь ты
Ложные клятвы? Зачем похищаешь? Зачем отнимаешь?
Как? Ты в здравом уме? Да если б в народ ты каменья
Вздумал бросать иль в рабов, тебе же стóящих денег,
Все бы мальчишки, девчонки кричали, что ты сумасшедший;
А коль отравишь жену или мать, ты и в здравом рассудке...
Да! почему же не так? Ведь ты не мечом, не в Аргосе
Их погубил, как Орест. Иль думаешь, он помешался
После убийства и предан гонению мстительных Фурий
После того, как согрел в материнской груди он железо?
Нет! с той поры, как был признан безумным, он никакого
Зла не свершил; не напал он с мечом на сестру и на друга;
Фурией только Электру сестру называл, а Пиладу
Тоже давал имена, сообразно горячности гнева.
Бедный Опимий, столь много сребра сохранявший и злата,
В праздники вейское пивший вино из глиняной кружки,
В будни довольный и кислым, однажды был спячкою болен
И как мертвый лежал, а наследник уж в радости сердца
Бегал с ключами вокруг сундуков, любовался мешками!
Врач его верный придумал, однакоже, скорое средство,
Чтоб больного от сна пробудить: он к постели больного
Стол придвинуть велел, из мешков же высыпал деньги;
Призвал людей и заставил считать. Вот больной и проснулся.
«Если не будешь сам деньги беречь,—врач сказал,—то наследник
Все унесет».—Как, при жизни моей?—«Да, при жизни. Не спи же,
Ежели хочешь пожить!»—Так что же мне делать?—«А вот что:
Твой желудок совсем опустел, а в жилах и крови
Скоро не будет. Надобно их подкрепить поскорее.
На вот каши из рису: поешь!» — А дорого ль стóит?
— «Малость».—Однакоже сколько?—«Восемь лишь ассов».— Беда мне!
Не умру от болезни — умру разорен и ограблен!

Дамазипп

Кто же в здравом рассудке?

Стертиний

Кто не безумен.

Дамазипп

А скряга?

Стертиний

Он и глупец и безумный.

Дамазипп

Следственно, тот бессомненно
В здравом уме, кто не скряга?

Стертиний

Ничуть.

Дамазипп

Отчего же? Скажи мне!

Стертиний

Слушай! Представь, что врач Кратер сказал о больном: «Он желудком
Вовсе здоров!» — Так, стало быть, может и встать он с постели?
— «Нет! потому что страдает от боли в боку или в почках».
Этот, положим, не клятвопреступник, не скряга: пусть Ларам
В жертву за это свинью принесет! — Но он честолюбец:
Пусть в Антикиру плывет! — Не та ли же глупость — именье
Бросить в пучину иль вовсе не сметь к нему прикоснуться!
Сервий Оппидий, богач, родовые в Канузии земли
Двум разделил сыновьям. Но пред смертью, призвав их, сказал им:
«Я заметил, что в детстве ты, Авл, и орехи и кости
В пазухе просто носил, и проигрывал их, и дарил их;
Ты же, Тиберий, напротив, заботливо прятал их в угол
И пересчитывал; с этой поры я всегда сокрушался,
Что в две разные глупости в зрелых летах вы впадете,
Что один Номентаном, другой же Цикутою будет.
Потому заклинаю Пенатами вас: берегитесь —
Ты — уменьшать, а ты — прибавлять к тому, что отец ваш
Почитает довольным для нужд, сообразных с природой.
Кроме того я хочу, чтоб вы с клятвою мне обещали

КНИГА ВТОРАЯ

Славы, честей щекотанья беречься; и если который
Будет эдилом иль претором, тот сам себя да объявит
Проклятым мной, неспособным владеть завещанным мною!»
   Как! чтобы чваниться в цирке, чтоб ликом своим величаться,
Вылитым в бронзе, — так ты на горохе, бобах и лупинах
Все состоянье отца проживешь? — Не Агриппе ль захочешь,
Льву благородному, хитрый лисенок, быть подражатель?

— Что ты, Атрид, запрещаешь предать погребенью Аякса?
— «Помни: я царь!» — Я плебей! замолчу и вопрос оставляю!
— «Что повелел я, то справедливо. Однакож, кто мыслит,
Будто я в этом неправ, говори предо мной безопасно!»
— О, да даруют же боги, властитель, тебе с кораблями,
Трою разрушив, обратно приплыть. — Итак, мне вопросы
И возраженья дозволены? — «Спрашивай! я дозволяю!»
— Царь! за что же Аякс, сей герой, второй по Ахилле,
Столько раз греков спасавший, под небом тлеет открытым?
Или на радость Приама и Трои лишен погребенья
Тот, кем их юноши были могил лишены в их отчизне?
— «Нет, а за то, что, напав на овец, восклицал он, что режет
Менелая, Улисса, меня!» — А когда ты в Авлиде
Дочь, как телицу, на жертву привел к алтарю и осыпал
Солью с мукóю ей голову, был ли ты в здравом рассудке?
— «Я? Почему?» — Но безумный Аякс перерезал лишь стадо.
А и супругу и сына он пощадил! Он проклятьем
Зла не сделал тебе; не напал на Улисса и Тевкра.
— «Я, чтобы ветер попутный судам от враждебного брега
Боги послали, хотел примирить их той жертвенной кровью».
— Чьею? . . своею, безумный! — «Своей; но совсем не безумный!»
— Всякий безумен, кто, удаляясь от истины, ложно
Видит предметы и зла от добра отличить не умеет,
Гнев ли причиной тому, иль обманчивых чувств возмущенье.
Пусть был безумен Аякс, поражающий агнцев невинных;
Но не безумен ли был ты и сам, когда преступленье
Мыслил свершить, честолюбьем надменный и гордостью сердца?
Если б кто вздумал носить на покойных носилках овечку,
Шить ей, как дочери, платья и дать ожерелья, служанок,
Куколкой, девочкой ласково звать и готовить для брака:
Верно бы претор ему запретил управленье именьем,
Верно б его и имение отдал родным под опеку.

Как? неужели в уме тот, кто вместо безгласной овечки
В жертву приносит родимую дочь? — Что ты скажешь на это?
Где безрассудность, там и безумие; кто же преступник,
Тот и безумец! — Кто хрупким стеклом обольщается славы,
Верь мне, что тот оглушен и громами кровавой Беллоны!

Но рассмотрим теперь расточительность и Номентана.
Здравый рассудок тебе легко их безумство докажет.
Этот, как скоро талантов до тысячи схватит в наследство,
Тотчас объявит всем рыболовам и всем, продающим
Овощи, птиц и душистые мази, всей сволочи этой,
Всем шутам, мясникам, чтоб назавтра же утром явились.
Все прибегут! — Вот, рабами торгующий, речь начинает:
«Все, что ни есть у меня и у них, — все твое. — Прикажи лишь,
Завтра иль нынче же все непременно доставлено будет!»
Слушай же, как благородно юный богач отвечает:
«Ты, говорит он, проводишь все ночи в снегах луканийских
С тем, чтоб доставить на стол мне тобою добытого вепря;
Ты, невзирая на бурное море, ловишь мне рыбу.
Я не тружусь, а пользуюсь всем, недостойный! — Возьми же
Десять тысяч себе; и столько же ты! — А тебе я
Втрое даю за жену: хоть в полночь позову, прибегает!»
Сын Эзопа жемчужину, бывшую в ухе Метеллы,
В уксусе крепком велел распустить, чтобы разом сестерций
Проглотить миллион: не умнее, чем в воду закинуть!
Квинта же Аррия дети, двое известные братья,
Два близнеца по распутству, имели привычку в обеде
Каждый день блюдо иметь из одних соловьев! — Неужели
Не сумасбродство и то? Чем отметить их: мелом иль углем?
Если старик забавляется детской игрой в чет и нечет,
Или на палочке ездит верхом, или домики строит,
Или мышей запрягает в колясочку, — он сумасшедший!
Ну, а если рассудок докажет тебе, что влюбленный
Больше ребенок, чем он? — Что валяться в песке, как мальчишка,
Что в ногах у красавицы выть; не одно ли и то же? . .
Можешь ли ты, например, поступить Полемону подобно?
Бросишь ли признаки страсти, все эти запястья, подвязки,
Эти венки, как бросил их он, вином упоенный,
Только услышал случайно философа слово, который
В школе своей натощак проповедывал юношам мудрость!

Дай рассержённому мальчику яблоко: он не захочет.
«На, мой голубчик, возьми!» — Не берет! — Не давай: он попросит!
Так и влюбленный. — Выгнанный вон, перед дверью любезной
Он рассуждает: войти или нет? — А тотчас вошел бы,
Если б она не звала. — «Сама, говорит, умоляет;
Лучше нейти, и разом конец положить всем мученьям!
Выгнала; что же и звать! Не пойду, хоть проси с униженьем!»
Столь же разумный слуга, между тем, говорит господину:
«Что не подходит под правила мудрости или расчета,
То в равновесие как привести? — В любви то и худо:
В ней — то война, то последует мир. — Но кто захотел бы
Сделать то постоянным, что переменно, как ветер,
Или как случай — это все то же, как если б он вздумал
Жить, как безумный, и вместе по точным законам рассудка!»
Как? — когда ты, гадая, зернышки яблок бросаешь,
И так рад, что попал в потолок, неужель ты в рассудке? . .
Как? когда ты, беззубый, лепечешь в любви уверенья,
То умнее ль ребенка, который домики строит?
Вспомним и кровь и железо, которыми тушат сей пламень;
Вспомним Мария: он, заколовши несчастную Геллу,
Бросился сам со скалы и погиб; не безумец ли был он?
Если же это безумие ты назовешь преступленьем,
В сущности, будет все то же; различие только в названьи!
Вольноотпущенник некто, не евши и вымывши руки,
До свету бегал по всем перекресткам, где только есть храмы,
Громко крича: «Избавьте, о боги, меня вы от смерти!
Только меня одного! Всемогущие, это легко вам!»
Всем он здоров был, и слухом и зрением; но за рассудок,
При продаже его, господин бы не мог поручиться!
Эту всю сволочь Хризипп в собратьи Менения числит.
«О Юпитер, от коего все: и болезнь и здоровье!»
Так молилася мать, у которой ребенок был болен:
«Если его исцелишь, обещаюсь, что завтра же утром,
Так как на утро свершаем мы пост в честь тебя, всемогущий,
В Тибр его окуну!» — Что ж? если бы лекарь иль случай
И избавил его от болезни, то глупая матерь
Непременно б ему лихорадку опять возвратила!
Что тут причиной безумства? — Причиной одно: суеверье!

Так Стертиний, мой друг, осьмой меж семью мудрецами,
Дал мне оружие, дабы отныне никто не остался
Безнаказан, задевши меня! — Кто мне скажет: «Безумец!»
Тотчас ему я в ответ: «Оглянись, не висит ли что сзади!»

Гораций

Стоик! Да будешь ты, после банкротства, гораздо дороже
Новый товар продавать! — Но, коль много родов есть безумства,
То какое ж мое? — А по мне... я здоров головою!

Дамазипп

Но неужели Агава, голову сына воткнувши,
Вместо звериной, на тирс, почитала себя сумасшедшей?

Гораций

Правде пришлось уступить. — Сознаюсь откровенно: глупец я!
Даже безумный подчас! — Но скажи мне однакож: какою
Я страдаю болезнью души?..

Дамазипп

Во-первых, ты строишь!
То есть ты подражаешь людям высоким, а сам ты,
Ежели смерить твой рост, не выше двух пядей — и сам же
Ты насмехаешься Турбе, его и походке и виду
В бранном доспехе, какой совершенно ему не по росту.
Меньше ль смешон ты, когда с Меценатом равняться желаешь?
Где же тебе, столь несходному с ним, в чем-нибудь состязаться!
Раз лягушонка теленок ногой раздавил; ускользнувши,
В сильном испуге, другой рассказывать матери начал,
Что товарища зверь растоптал. — «А велик ли? — спросила
Мать надуваяся, — будет такой?» —Нет, тот вдвое был больше!
— «А такой?» мать спросила, надувшись еще. — Нет, хоть лопни,
Всё же не будешь с него! — Не твое ли подобие это?..
К этому должно придать еще страсть твою к стихотворству,
Страсть, с которой ты масла еще на огонь подливаешь!
Если в уме сочиняют стихи, то и ты не безумный!
Нрав твой горячий... о нем уж молчу...

Гораций

Перестань!..

КНИГА ВТОРАЯ

Дамазипп

Об издержках
Сверх состояния...

Гораций

Вспомни себя, Дамазипп!

Дамазипп

Я ни слова
Ни про безумную страсть к девчонкам, ни к мальчикам дружбу!

Гораций

О, пощади же ты, бо́льший безумец, меньшо́го безумца!

САТИРЫ

4

Гораций

Катий! Откуда? Куда?

Катий

Мне не время теперь! — Занимаюсь
Новым учением, высшим всего, чему ни учили
Сам Пифагор, и ученый Платон, и Сократ обвиненный!

Гораций

Я виноват, что тебе помешал так некстати и пре́рвал
Нить размышлений твоих; извини же меня, мой добрейший!
Если и выйдет из памяти что́ у тебя, ты воротишь!
От природы ль она, от искусства ль, но чудная память!

Катий

Да! Я о том и стараюсь, чтоб все удержать в ней подробно.
Это претонкие вещи! И тонко предложены были!

Гораций

Кто же наставник твой был? Наш ли, римлянин, иль чужеземец?

Катий

Я науку тебе сообщу, но учителя скрою!
Слушай и помни, что яйца, длинные с виду, вкуснее;
Сок их питательней, нежели круглых, у них и скорлупка
Тверже; зародыш в них мужеска пола. За званым обедом
Их подавай. — Капуста, растущая в поле, вкуснее,
Чем подгородная, — эту излишней поливкою портят.
Если к тебе неожиданно гость вдруг явится на ужин,

КНИГА ВТОРАЯ

То, чтобы курица мягче была и нежнее, живую
Надо ее окунуть в молодое фалернское прежде.
Лучший гриб — луговой; а другим доверять ненадежно.
Много здоровью способствует, если имеешь привычку
Ты шелковичные ягоды есть пообедав, однакож
Снятые с ветвей тогда, пока солнце еще не высоко.
С крепким фалернским пред пищей смешивал мед Ауфидий.
Нет! приличней полегче питье для пустого желудка.
Жиденький мед, например, несравненно полезнее будет.
Если живот отягчен, то мелких раковин мясо
Или щавель полевой облегчат и свободно и скоро,
Только бы белое косское было при том не забыто.
Черепокожные пóлны, когда луна прибывает.
Но ведь не все же моря изобилуют лучшим их родом!
Так и улитки лукринские лучше, чем в Байском заливе
Даже сама червленица; цирцейские устрицы в славе;
Еж водяной — из Мизена, а гребень морской — из Тарента!
   Но искусством пиров не всякий гордися, покуда
В точности сам не изучишь все тонкие правила вкуса.
Мало того, чтоб скупить дорогою ценою всю рыбу,
Если не знаешь, к которой подливка идет, а которой
Жареной быть, чтоб наевшийся гость приподнялся на локоть.
   Кто не охотник до легкого мяса, поставь погрузнее
Блюдо с умбрийским кабаном, питавшимся желудем дуба;
Но лаврентийский негоден: он ест камыши и поросты.
Где виноградник растет, там дикие козы невкусны.
Плечи чреватой зайчихи знаток особенно любит.
   Рыбы и птицы по вкусу и возраст узнать и откуда. —
Прежде никто не умел, — я первый открытие сделал.
   Многие новый пирог изобресть почитают за важность.
Нет! не довольно в одном показать и искусство и знанье:
Так вот иной о хорошем вине прилагает заботу,
Не беспокоясь о рыбе, каким поливается маслом.
   Если массикское выставить на ночь под чистое небо,
Воздух прохладный очистит его, и последнюю мутность
Вовсе отнявши и запах, для чувств неприятный и вредный;
Если ж цедить сквозь холстину его, то весь вкус потеряет.
Кто суррентинским вином наливает фалернские дрожжи,
Стóит в него лишь яйцо голубиное выпустить, — вскоре
Всю постороннюю мутность оттянет на дно непременно.

Позыв к питью чтобы вновь возбудить в утомившемся госте,
Жареных раков подай, предложи африканских улиток;
Ибо в желудке после вина латук бесполезно
Плавает сверху; тут лучше еще ветчина с колбасами,
Все, что с душком, или что отзывается прямо харчевней.
Свойства однакоже знать нужно в точности разных подливок.
Есть простая: она состоит из чистого масла
С чистым вином и рассолом пахучим из капера-рыбы,
Только, чтоб он, разумеется, был не иной, византийский!
Если же в ней поварить, искрошивши, душистые травы
И настоять на корикском шафране, а после подбавить
Венафранского масла, то вот и другая готова!
Тибуртинские яблоки много в приятности вкуса
Уступают пиценским, хоть с виду и кажутся лучше.
Венункульский изюм бережется в горшочках, но альбский
Лучше в дыму засушенный. — Я первый однажды придумал
Яблоки с ним подавать, и анчоусы в чистеньких блюдцах
Ставить кругом, под белым перцем и серою солью.
Но большая ошибка — три тысячи бросив сестерций,
Втискать в тесное блюдо к простору привыкшую рыбу!
Неопрятность родит отвращенье к еде: неприятно,
Если след масляных пальцев слуги на бокале заметен,
Или насохло на дне и заметно, что чаша не мыта.
Дорого ль стóит метелка, салфетка или опилки?
Просто безделица! — А нераденье — бесчестье большое!
Пол разноцветный из камней, а грязною пальмой запачкан.
Ложа под пурпуром тирским; глядишь, а подушки нечисты.
Ты не забудь: чем меньше чтó стоит труда и издержек,
Тем справедливей осудят тебя; не так, как в предметах
Только богатым приличных одним и им лишь доступных!

Гораций

Катий ученый! Прошу, заклиная богами и дружбой!
Где бы наставник твой ни был, ты дай самогó мне послушать!
Ибо, как память твоя ни верна, согласися однако,
Всё ведь ты передал мне ученье чужое! Прибавь же
Вид, выраженье лица; о блаженный! ты видел все это!
Это тебе невдомек, а я-то, напротив, пылаю
Сильным желаньем увидеть безвестный науки источник,
Сам почерпнуть из него учение жизни блаженной.

КНИГА ВТОРАЯ

5

Улисс

Вот что еще попрошу я тебя мне поведать, Тирезий:
Как бы, каким бы мне средством поправить растрату именья?
Что ж ты смеешься? . .

Тирезий

Лукавец! А разве тебе не довольно
Возвратиться в Итаку свою и отчизны Пенатов
Вновь увидать? . .

Улисс

Никого ты еще не обманывал ложью!
Видишь, что наг я и нищ возвращаюсь, как ты предсказал мне.
Ни запаса в моих кладовых, ни скота. Без богатства ж
И добродетель, и род дешевле морского пороста!

Тирезий

Прочь околичности! — Если ты бедности вправду боишься,
Слушай, как можешь богатство нажить. Например: не пришлет ли
Раннюю птичку тебе кто-нибудь или редкость другую;
Ты с ней беги — к старику, накопившему много именья.
Ранний плод сада, или домашнее, что есть получше,
Пусть он, почетнейший Лар, и отведает прежде, чем Лары.
Будь он хоть клятвопреступник, будь низкого рода, обрызган
Кровию братней, из беглых рабов, — но если захочет,
Чтоб ты шел в провожатых его — не смей отказаться!

Улисс

Как? чтобы с Дамой позорным бок-о-бок я шел? — Я под Троей
Был не таков: там в первенстве я с величайшими спорил!

Тирезий

Ну, так будь беден!

Улисс

Все может снести великое сердце!
И не то я сносил! — Но ты продолжай. — Где я мог бы
Золота кучу достать, где богатство? Скажи, прорицатель!

Тирезий

Что я сказал, то скажу и опять! — Лови завещанья
И обирай стариков! А если иной и сорвется
С уды, как хитрая рыбка, приманку скусив рыболова,
Ты надежд не теряй и снова готовься на промысл.
Ежели спорное дело между двоих заведется,
Важно ли, нет ли, кто из соперников силен богатством, —
Ты и в ходатаи! Нужды нет, если он нагло и дерзко
Честного тянет к суду. Будь ответчик хоть лучший из граждан.
Но есть сын у него, да жена — за него не вступайся!
«Публий почтенный!» скажи или «Квинт!» (затем, что прозванья—
Знатности признак — приятны ушам!) — «меня привязало
Уваженье к тебе; а дела и права мне знакомы.
Лучше пусть вырвут глаза мне, чем я допущу, чтоб соперник
Хоть скорлупкой ореха обидел тебя. Будь покоен!
Ты не будешь в потере; не дам над тобой наругаться!»
После проси, чтобы шел он домой и берег бы здоровье.
Сам хлопочи, хоть бы *рдеющий Пес раскалывал злобно*
Статуи вовсе безгласные; или с распученным брюхом
Фурий *плевал бы снегом седым на высокие Альпы!*
«На, посмотри-ка!» тут скажет иной, толкнувши соседа:
«Вот трудолюбец, вот друг-то! вот прямо заботлив!»
С этим огромные рыбы сами собой повалятся
В сети твои, а из них и в садок! Но ежели хворый
В доме богатом есть сын, то, чтобы отвлечь подозренье
Холостых богачей, угождай и поползай, в надежде
Быть хоть вторым в завещаньи, на случай ежели мальчик
Рано отправится к Орку. Тут редко случится дать промах!
Если кто просит тебя прочитать его завещанье,
Ты откажись и таблички рукой оттолкни, но сторонкой
Сам потихоньку взгляни между тем: что́ на первой табличке
В пункте втором, и один ли назначен наследником, или

Многие вместе; все это быстрей пробеги ты глазами
Иногда ведь писец, излагавший последнюю волю,
Так проведет, как ворону лиса! А после Коранус
И начнет хохотать над ловцом завещаний, Назикой!

Улисс

В исступленьи пророческом ты или шутишь в загадках?

Тирезий

О Лаэртид! что изрек я, то будет, иль нет, непременно!
Дар провещанья мне дан самим Аполлоном великим!

Улисс

Ежели можно, однако, скажи мне: что это за басня?

Тирезий

Некогда юный герой, страх парфян, от Энеева рода,
Славой наполнит своею и землю, и море. В то время
Дочь за Корануса выдаст в замужство Назика, из страха
Чтобы Коранус, богач, с него не потребовал долгу.
Вот же что сделает зять. Он тестю подаст завещанье
С просьбой его прочитать. Назика противиться будет.
Но возьмет наконец и прочтет про себя и увидит,
Что ему завещают одно: о покойнике плакать!
Вот еще мой совет: когда стариком управляют
Или хитрая женщина или отпущенник, нужно
Быть заодно; ты хвали их ему, чтоб тебя расхвалили!
Будет полезно и то! Но верней овладеть головою:
Может быть, сдуру стихи он пишет плохие, старик-то?
Ты их хвали. Коль блудник он — не жди, чтоб просил: угождая
Мощному, сам ты вручи Пенелопу ему. — «Неужели,
Думаешь, можно склонить столь стыдливую, чистую, ту, что
Все женихи совратить с прямого пути не могли ведь?»
Дива нет — шла молодежь, что скупа на большие подарки,
Та, что не столько любви, сколько кухни хорошей искала.
Вот почему и чиста Пенелопа; но если от старца
Вкусит она барышок и разделит с тобой только раз хоть, —
Ты не отгонишь её, как пса от засаленной шкуры.
Но послушай, что в Фивах случилось. Старушка лукаво
Завещала, чтоб тело ее, умащенное маслом,

Сам наследник на голых плечах отнес на кладбище.
Ускользнуть от него и по смерти хотела за то, что
Слишком к живой приступал он. Смотри же и ты: берегися,
Чтоб не выпустить вовсе из рук неуместным стараньем!
Кто своенравен, ворчлив, тому говорливость досадна.
Впрочем, не все же молчать! Стой, как Дав, лицедей всем известный,
Скромно склонясь головой и с робким, почтительным видом.
Но на услуги будь скор: подует ли ветер, напомни,
Чтобы голову, столь драгоценную всем, поберег он
И накрыл чем-нибудь; в тесноте предложи опереться
И плечом подслужись, а болтлив он — внимательно слушай.
Лесть ли он любит — хвали, пока он не скажет: довольно!
Дуй ему в уши своей похвалой, как мех раздувальный.
Если ж своею кончиной избавит тебя он от рабства
И услышишь ты вдруг наяву: «Завещаю Улиссу
Четверть наследства!» воскликни тогда: «О, любезный мой Дама!
И тебя уже нет! Где такого найти человека? ..»
Сам зарыдай, и не худо, чтоб слезы в глазах показались:
Это полезно, чтоб скрыть на лице невольную радость.
Памятник сделай богатый и пышно устрой погребенье,
Так чтобы долго дивились и долго хвалили соседи.
Если же твой сонаследник старик, и в одышке и в кашле,
Ты предложи, не угодно ли взять или дом иль другое
Лучшее в части твоей, за какую назначит он цену!
Но увлекает меня Прозерпина! .. Живи и будь счастлив!

КНИГА ВТОРАЯ

6

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! — И лучше, и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою боле,
Кроме того, чтоб все эти дары мне они сохранили.
Если достаток мой я не умножил постыдной корыстью;
Если его не ума́лил небрежностью иль беспорядком;
Если я дерзкой мольбы не взношу к небесам, как другие:
«О! хоть бы этот еще уголок мне прибавить к владенью!
Хоть бы урну найти с серебром, как наемник, который,
Взыскан Алкидом, купил и себе обрабатывать начал
Поле, которое прежде он же пахал на другого»;
Если доволен, признателен я и за то, что имею, —
То молю, о сын Майи, я об одном — утучняй ты
Эти стада и храни все мое покровительством прежним,
Только ума моего не прошу утучнять, покровитель!
Скрывшись от шумного города в горы мои, как в твердыню,
Чуждый забот честолюбья, от ветров осенних укрытый,
Страшную жатву всегда приносящих тебе, Либитина,
Что мне здесь делать, когда не беседовать с пешею Музой?
Раннего утра отец! или (если приятней другое
Имя тебе) о бог Янус, которым все человеки
Жизни труды начинают, как боги им повелели!
Будь ты началом и этих стихов! — Живущего в Риме,
Рано там ты меня из дома к себе вызываешь.
«Нужно, ты мне говоришь, поручиться за друга; ты должен
Делом чести спешить; неужели другому уступишь?»
Северный ветер, зима, день короткий — нет нужды; иду я
Голосом ясным ручательство дать — себе в разоренье!

И продираясь назад чрез толпу, я слышу: «Куда ты?
Что, как безумный, толкаешься? Ждет Меценат? Не к нему ли?»
Этот упрек, признаюся, мне сладок, как мед! Но лишь только
До Эсквилинской дойдешь высоты, как вспомнишь, что сотня
Дел на плечах. — Там Росций просил побывать в путеале
Завтра поутру; а нынче есть общее новое дело;
Скрибы велели напомнить: «Квинт, не забудь, приходи же!»
Тут кто-нибудь подойдет: «Постарайся, чтоб к этой бумаге
Меценат твой печать приложил». На ответ: «Постараюсь!»
Мне возражают: «Тебе не откажет! захочешь, так можешь!»
Скоро вот будет осьмой уже год, как я к Меценату
Стал приближен, как в числе он своих и меня почитает.
Близость же эта вся в том, что однажды с собой в колеснице
Брал он в дорогу меня, а доверенность в самых безделках!
Спросит: «Который час дня?» или: «Кто из борцов превосходней?»
Или заметит, что холодно утро и надо беречься;
Или другое, что можно доверить и всякому уху!
Но завистников день ото дня наживаю я боле
С часу на час. — Покажуся ли я с Меценатом в театре
Или на Марсовом поле, — все в голос: «Любимец Фортуны!»
Чуть разнесутся в народе какие тревожные слухи,
Всякий, кого я ни встречу, ко мне приступает с вопросом:
«Расскажи нам (тебе без сомнения всё уж известно,
Ты ведь близок к богам!) — не слыхал ли чего ты о даках?»
— Я? Ничего! — «Да полно шутить!» — Клянусь, что ни слова!
— «Ну, а те земли, которые воинам дать обещали,
Где их, в Сицилии или в Италии, Цезарь назначил?»
Ежели я поклянусь, что не знаю, — дивятся, и всякий
Скрытным меня человеком с этой минуты считает!
Так я теряю мой день, и нередко потом восклицаю:
«О, когда ж я увижу поля? И дозволит ли жребий
Мне то в писаниях древних, то в сладкой дремоте и в лени
Вновь наслаждаться забвением жизни пустой и тревожной!
О, когда ж на столе у меня опять появятся
Боб, Пифагору родной, и с приправою жирною зелень!
О, пир достойный богов, когда вечеряю с друзьями
Я под кровом домашним моим, и трапезы остатки
Весело сносят рабы и потом меж собою пируют.
Каждый гость кубок берет по себе, кто большой, кто поменьше;
Каждый, чуждаясь законов пустых, кто вдруг выпивает

Чашу до дна, кто пьет с расстановкой, мало-по-малу.
Наш разговора предмет — не дома и не земли чужие;
Наш разговор не о том, хорошо ли и ловко ли пляшет
Лепос, — но то, что нужнее, что вредно не знать человеку.
Судим: богатство ли делает счастливым иль добродетель;
Выгоды или наклонности к дружбе вернее приводят;
Или в чем свойство добра и в чем высочайшее благо?
Цервий, меж тем, наш сосед, побасенку расскажет нам кстати.
Если богатство Ареллия кто, например, превозносит,
Не слыхав о заботах его, он так начинает:
«Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила
В бедную нору, — они старинными были друзьями.
Как ни умеренна, но угощенья она не жалела.
Чем богата, тем рада; что было, ей все предложила:
Кучку сухого гороха, овса; притащила в зубах ей
Даже изюму и сала, обглоданный прежде, кусочек,
Думая в гостье, хоть разностью яств, победить отвращенье.
Гостья же, с гордостью, чуть прикасалась к кушанью зубом,
Между тем как хозяйка, все лучшее ей уступивши,
Лежа сама на соломе, лишь куколь с мякиной жевала.
Вот, наконец, горожанка так речь начала: «Что за радость
Жить, как живешь ты, подруга, в лесу, на горе, одиноко!
Если ты к людям и в город желаешь из дикого леса,
Можешь пуститься со мною туда! Все, что жизнию дышит,
Смерти подвластно на нашем земле: и великий и малый, —
Смерти никто не уйдет: для того-то, моя дорогая,
Если ты можешь, живи, наслаждаясь и пользуясь жизнью,
Помня, что краток наш век». Деревенская мышь, убежденья
Дружбы послушавшись, прыг — и тотчас из норы побежала.
Обе направили к городу путь, поспешая, чтоб к ночи
В стену пролезть. Ночь была в половине, когда две подруги
Прибыли к пышным палатам; вошли: там пурпур блестящий
Пышным же ложам из кости слоновой служил драгоценным
Мягким покровом; а там в дорогой и блестящей посуде
Были остатки вчерашнего великолепного пира.
Вот горожанка свою деревенскую гостью учтиво
Пригласила прилечь на пурпурное ложе, и быстро
Бросилась сразу ее угощать, как прилично хозяйке!
Яства за яствами ей подает, как привычный служитель,
Не забывая отведать притом от каждого блюда.

Та же, разлегшись покойно, так рада судьбы перемене,
Так весела на пиру! — Но вдруг хлопнули дверью — и с ложа
Бросились обе в испуге бежать, и хозяйка, и гостья!
Бегают в страхе кругом по затворенной зале; но пуще
Страх на полмертвых напал, как услышали громкое в зале
Лаянье псов. — «Жизнь такая ничуть не по мне! — тут сказал
Деревенская мышь: — наслаждайся одна, а я снова
На гору, в лес мой уйду — преспокойно глодать чечевицу!»

КНИГА ВТОРАЯ

7

Дав

Слушаю я уж давно. И хотелось бы слово промолвить;
Но я, раб твой, немножко боюсь! . .

Гораций

Кто там? . . Дав?

Дав

Дав, вернейший
Твой господский слуга, усердный, довольно и честный,
Сто́ящий, право, жизнь сохранить!

Гораций

Хорошо! Так и быть уж.
Пользуйся волей декабрьской: так предки уставили наши.
Ну, говори!

Дав

Есть люди, которые в зле постоянны,
Прямо к порочной их цели идут; а другие, колеблясь
Между злом и добром, то стремятся за добрым, то злое
Их пересилит. — Вот Приск, например: то по́ три он перстня
Носит бывало, то явится с голою левой рукою.
То ежечасно меняет свой пурпур, то угнездится
Он из роскошного дома в такой, что, право, стыдился б
Вольноотпущенник, если пригож, из него показаться.
То щеголяет он в Риме, то вздумает лучше в Афинах
Жить, как философ. Не в гневе ли всех он Вертумнов родился!
А Воланерий, когда у него от хирагры ослабли
Пальцы (оно и за дело), нанял, кормил человека,
В кости играя, трясти и бросать за него! — Постоянство
Право и в этом — все лучше: он меньше презрен и несчастлив,
Нежели тот, кто веревку свою то натянет, то спустит.

Гораций

Скажешь ли, висельник, мне: к чему ты ведешь речь такую?..

Дав

Да к тебе!

Гораций

Как ко мне, негодяй?

Дав

Не сердися! — Не ты ли
Нравы и счастие предков хвалил? А если бы это
Счастие боги тебе и послали, ведь ты бы не принял!
Все оттого, что не чувствуешь в сердце, что хвалишь устами;
Что в добре ты не тверд, что глубóко увяз ты в болоте
И что лень, как ни хочется, вытащить ноги из тины.
В Риме тебя восхищает деревня: поедешь в деревню —
Рим превозносишь до звезд. Как нет приглашенья на ужин —
Хвалишь и зелень и овощи; счастьем считаешь, что дома
Сам ты себе господин, как будто в гостях ты в оковах,
Будто бы рад, что нигде не приходится пить, и доволен.
Если же на вечер звать пришлет Меценат: «Подавайте
Масла душистые! Эй! да слышит ли кто?» Как безумный,
Ты закричишь, зашумишь, беготню во всем доме поднимешь.
Мульвий и все прихлебатели — прочь! Как тебя проклинают,
Я не скажу уж тебе. — «Признаться, легонек желудок! —
Рассуждает иной: — хоть бы хлеба понюхал!» Конечно,
Я и ленив и обжора! Все так! Да и сам ты таков же,
Если не хуже; только что речью красивой умеешь
Все недостатки свои прикрывать! Что, если и вправду
Ты безумней меня, за которого ты же безделку,
Пять сотен драхм заплатил? — Да постой! не грози, не сердися!
Руку и желчь удержи: и слушай, пока расскажу я
Все, чему надоумил меня приворотник Криспина!
Жены чужие тебя привлекают, а Дава — блудницы.
Кто же достойней из нас креста за свой грех? Ведь, когда я
Страстной природой томлюсь, раздеваясь при яркой лампаде,
Та, что желаньям моим ответствует, как подобает,
Или играет со мной и, точно коня, распаляет,

Та отпускает меня, не позоря: не знаю я страха,
Как бы не отнял ее кто меня и богаче иль краше;
Знаки отличья сложивши, — и всадника перстень и тогу
Римскую, — ты, что судьей был пред тем, выступаешь, как Дама
Гнусный, для тайны, главу надушенную в плащ завернувши:
Разве тогда ты не тот, кем прикинулся? Робкого вводят
В дом тебя; борется похоть со страхом, колени трясутся.
Разница в чем — ты «на смерть от огня, от плетей, от железа»
Сам, не нанявшись, идешь, или запертый в ящик позорно,
Спущен служанкой туда, сообщницей грязного дела,
Скорчась сидишь, до колен головою касаясь? Законом
Мужу матроны грешащей дана над обоими воля.
Да и над тем, кто прельстил, справедливее. Ибо она ведь
Платье, жилище свое не меняла, грешит только с виду,
Так как боится тебя и любви твоей вовсе не верит.
Ты ж, сознавая, пойдешь и под вилы и ярости мужа
Весь свой достаток отдашь, свою жизнь, вместе с телом и славу,—
Цел ты ушел: научен, полагаю, ты станешь беречься:
Нет, где бы снова дрожать, где бы вновь мог погибнуть, ты ищешь!
О, какой же ты раб! Какое ж чудовище станет,
Цепи прорвавши, бежав, возвращаться обратно к ним сдуру?
«Ты, — говоришь, — не развратен!» А я — я не вор! Ежедневно
Мимо серебряных ваз прохожу, а не трону! Но сбрось ты
Страха узду, и сейчас природа тебя обуяет!
Ты господин мой; а раб и вещей и раб человеков
Больше, чем я, потому что с тебя и сам претор ударом
Четырехкратным жезла — добровольной неволи не снимет!
К этому вот что прибавь, что́ не меньше внимания стоит:
Раб, подвластный рабу, за него исправляющий должность,
Равный ему, или нет? — Так и я пред тобой! — Ты мне тоже
Ведь приказанья даешь; сам же служишь другим как наемник
Или как кукла, которой другие за ниточку движут!
Кто же свободен? — Мудрец, который владеет собою;
Тот лишь, кого не страшат ни бедность, ни смерть, ни оковы;
Тот, кто, противясь страстям, и почесть и власть презирает;
Кто совмещен сам себе; кто как шар, и круглый и гладкий,
Внешних не знает препон; перед кем бессильна Фортуна!
С этим подобьем ты сходен ли? — Нет! Попросит красотка
Пять талантов с тебя, да и двери с насмешкой затворит,
Да и холодной окатит водою; а после приманит!

Вырвись, попробуй, из этих оков на свободу! — Так что же
Ты говоришь: «Я свободен!» — Какая же это свобода!
Нет! над тобой есть такой господин, что, лишь чуть обленишься,
Колет тебя острием; а отстанешь, так он погоняет!
  Смотришь картины ты Павсия, к месту как будто прикован!
Что ж, ты умнее меня, на Рутубу коль я засмотрелся
С Фульвием в схватке, углём и красной намазанных краской,
Или на Плацидеяна гляжу, что коленом уперся?
Будто живые они: то удар нанесут, то отскочат!
Дав засмотрелся на них — ротозей он; а ты заглядишься —
Дело другое: ты тонкий оценщик художества древних!
Я на горячий наброшусь пирог — негодяй! — Добродетель,
Разум высокий тебя от жирных пиров удаляют!
Мне и вреднее оно: я всегда поплачуся спиною!
Но и тебе не проходит ведь даром! — Твой пир бесконечный
В желчь превратится всегда и в расстройство желудка; а ноги
Всякий раз отрекутся служить ослабевшему телу!
Раб твой, безделку стянув, променяет на кисть винограда —
Он виноват; а кто земли свои продает в угожденье
Жадному брюху, тот раб или нет? — Да прибавь, что ты дома
Часу не можешь пробыть сам с собой; а свободное время
Тратишь всегда в пустяках! — Ты себя убегаешь, и хочешь
Скуку в вине потопить или сном от забот позабыться,
Точно невольник какой или с барщины раб убежавший!
Только напрасно! Они за тобой, и повсюду нагонят!

Гораций

Хоть бы камень какой мне попался!

Дав

На что?

Гораций

Хоть бы стрелы!

Дав

Что это с ним? — Помешался он что ль, иль стихи сочиняет? ..

Гораций

Вон! А не то угодишь у меня ты девятым в Сабину!

КНИГА ВТОРАЯ

8

Гораций

Что? Хорош ли был ужин счастливца Назидиена?
Я вчера посылал звать тебя; но сказали, что с полдня
Там ты пируешь!

Фунданий

Ужин чудесный был! В жизнь мою, право,
Лучше не видывал я!

Гораций

Расскажи мне, ежели можно,
Что за кушанье прежде всего успокоило ваши желудки?

Фунданий

Вепрь луканийский при южном, но легком, пойманный ветре:
Так нам хозяин сказал. Вокруг же на блюде лежали
Репа, редис и латук, все, что позыв к еде возбуждает:
Сахарный корень и сельди, с подливкой из винных подонков.
Только что снят был кабан, высоко подпоясанный малый
Стол из кленового дерева лоскутом пурпурным вытер.
А другой подобрал все ненужное, все, что могло бы
Быть неприятно гостям. Потом, как афинская дева
Со святыней Цереры, вступил меднолицый гидаспец
С ношей цекубского; следом за ним грек явился с хиосским,
Непричастным морей. — Тут хозяин сказал Меценату:
«Есть и фалернское, есть и албанское, если ты любишь!»

САТИРЫ

Гораций

Жалкое чванство богатства! Однакож скажи мне, Фунданий,
Прежде всего: кто были с тобою тут прочие гости?

Фунданий

Верхним был я, Виск подле меня, а с нами же, ниже,
Помнится, Варий, Сервилий Балатрон с Вибидием, оба
Были как тени: обоих привез Меценат их с собою!
Меж Номентана и Порция был сам хозяин, а Порций
Очень нас тем забавлял, что глотал пироги, не жевавши.
Номентан был нарочно затем, чтоб указывать пальцем,
Что проглядят; а толпа, то есть мы — все прочие гости,
Рыбу, и устриц, и птиц не совсем различала по вкусу.
Вкус их совсем был не тот, какой мы всегда в них находим,
Что и открылось, когда он попотчевал нас потрохами
Ромба и камбалы: я таких не отведывал прежде!
Далее, он объяснил нам, что яблоки, снятые с ветвей
В пóру последней луны, бывают красны. А причину
Сам спроси у него. — Тут Вибидий сказал Балатрону:
«Не напившися насмерть, мы, право, умрем без отмщенья!»
И спросили бокалов больших. Побледнел наш хозяин.
Ничего не боялся он так, как гостей опьянелых:
Или затем, что в речах допускают излишнюю вольность,
Или что крепкие вина у лакомок вкус притупляют.
Вот Балатрон и Вибидий, за ними и мы, с их примера
Чаши наливши вином, — вверх дном в алифанские кружки!
Только на нижнем конце пощадили хозяина гости.
Вот принесли нам мурену, длиною в огромное блюдо:
В соусе плавали раки вокруг. Хозяин сказал нам:
«Не метала еще! как помечет, становится хуже!
Тут и подливка была, из венафрского сделана масла
Первой выжимки; взвар же из сока рыб иберийских
С пятилетним вином, не заморским однако. А впрочем,
Если подбавить в готовый отвар, то хиосское лучше.
Тут же прибавлено белого перцу и уксус, который
Выжат из гроздий Метимна одних и, чистый, заквашен.
Зелень дикой горчицы варить — я выдумал первый;
Но морского ежа кипятить не промытым — Куртилий
Первый открыл: так вкусней, чем в рассоле из черепокожных».

Только что кончил он речь, как вдруг балдахин над гостями
С облаком пыли, как будто воздвигнутой северным ветром,
С треском на блюда упал. — Мы, избавясь опасности, страха,
Справились вновь; но хозяин, потупивши голову, в горе,
Плакал, как будто над сыном единственным, в детстве умершим!
Как знать, когда бы он кончил, когда б мудрецом Номентаном
Не был утешен он так: «О Фортуна! кто из бессмертных
К смертным жесточе тебя! Ты рада играть человеком!»
Варий от смеха чуть мог удержаться, закрывшись салфеткой.
А Балатрон, всегдашний насмешник, воскликнул: «Таков уж
Жребий всех человеков; такая судьба их, что слава
Никогда их трудов не заплатит достойной наградой!
Сколько ты мучился, сколько забот перенес, беспокойства,
Чтобы меня угостить! Хлопотал, чтоб был хлеб без подгару,
Чтобы подливки приправлены были и в меру и вкусно,
Чтобы слуги прилично и чисто все были одеты, —
Случай — и все ни во что! Вдруг, как насмех, обрушится сверху
Твой балдахин, или конюх споткнется — и в дребезги блюдо!
Но угоститель, равно как иной полководец великий,
В счастии был не замечен, а в бедствии вдруг познается!»
— «О, да исполнят же боги тебе все желания сердца,
Муж добродетельный! добрый товарищ!» Так с чувством воскликнул
Назидиен и, надевши сандалии, тотчас же вышел.
Гости меж тем улыбались и между собою шептали
На-ухо; только на ложах и слышен был тайный их шопот.

Гораций

Впрямь никакого бы зрелища так не хотелось мне видеть!
Ну, а чему же потом вы еще посмеялись?

Фунданий

Вибидий
Грустно служителям сделал вопрос: «Не разбиты ль кувшины,
Потому что бокалы гостей... стоят не налиты?»
Между тем как смеялись, чему помогал и Балатрон,
Снова вступает Назидиен, но с лицом уж веселым,
Точно как будто искусством готов победить он Фортуну.
Следом за ним принесли журавля: на блюде глубоком
Розлят он был на куски и посыпан мукою и солью.
Подали потрохи белого гуся с начинкой из свежих

Фиг и плечики зайца; они превосходнее спинки.
Вскоре увидели мы и дроздов, подгорелых немножко,
И голубей без задков. Претонкие лакомства вкуса,
Если бы пира хозяин о каждом кушанье порознь
Нам не рассказывал всё: и натуру, и дело искусства;
Так что мы их и не ели, как будто, дохнувши на блюда,
Ведьма Канидия их заразила змеиным дыханьем!

ПОСЛАНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Имя твое, Меценат, в моих первых стихах, — пусть оно же
Будет в последних! Меня уж смотрели довольно — рапирой
Я награжден, ты же вновь заключить меня в школу стремишься.
Годы не те и не те уже мысли! Вейяний, оружье
В храме Геракла прибив, скрывается ныне в деревне
С тем, чтоб народ не молить о пощаде у края арены.
Часто мне кто-то кричит в мои чистые, чуткие уши:
«Во-время, если умен, ты коня выпрягай, что стареет,
Так чтоб к концу не отстал он, бока раздувая, всем насмех».
Вот почему и стихи и другие забавы я бросил;
Истина в чем и добро, я ищу, и тому весь отдался;
Мысли, сбирая, кладу я так, чтоб достать было близко.
Спросишь, пожалуй, кто мной руководит и школы какой я:
Клятвы слова повторять за учителем не присужденный,
Всюду я гостем примчусь, куда б ни загнала погода.
То я, отдавшись делам, погружаюсь в житейские волны —
Доблести истинный страж, ее непреклонный сопутник;
То незаметно опять к наставленьям скачусь Аристиппа —
Вещи себе подчинить, а не им подчиняться стараюсь.

Долгою кажется ночь тому, кто обманут любимой,
Долог поденщику день, бесконечными кажутся годы
Детям, когда — без отца — надзор их гнетет материнский:
Так же лениво течет для меня безотрадное время
То, что мешает моей мечте и решенью заняться
Всем, что равно беднякам и богатым полезно, что вредно
Детям и старцам равно, если будет оно в небреженьи.
Мне остается таких начал в утешенье держаться.
Так далеко, как Линкей, хоть не можешь ты взором достигнуть,
Все ж, гнойноглазый, тебе не следует мази гнушаться;
С необоримым пускай ты не чаешь Гликоном сравняться,
Все ж не бросай охранять от хирагры себя узловатой.
Надо хоть сколько-нибудь пройти, коль нельзя уже дальше.
Жадностью если кипит твоя грудь и несчастною страстью,
Есть заклинанья, слова, которыми можешь ослабить
Горе такое и часть болезни большую отбросить.
Пусть честолюбье тебя раздувает — есть верное средство:
С искренним сердцем прочесть тебе формулу нужно три раза.
Всякий: завистник, гневливый, лентяй, волокита, пьянчуга,
Как бы ни был он дик, — смягчиться он все-таки может:
Пусть терпеливо лишь ухо преклонит он нравоученью.
Шаг к добродетели первый — стараться избегнуть порока,
К мудрости — глупость отбросить. Ты видишь, с каким напряженьем
Мысли и с риском каким для жизни бежишь ты от мнимых
Бедствий, коль ты небогат иль на выборах ты провалился:
Бедности чтоб избежать, до Индии крайних пределов
Мчишься купцом, не ленясь, чрез огонь, через море, чрез скалы.
Иль, неразумный, всё то, чего жаждешь, презреть и отвергнуть,
Слушая тех, кто умней, и поверив им, ты не желаешь?
Разве презрел бы борец, по распутьям и селам бродящий,
С игр олимпийских венок, коль была бы надежда, возможность
Пальму, столь сладостный дар, получить без того, чтоб пылиться?
Злато дороже сребра, но доблесть дороже и злата.
«Граждане, прежде всего вы, граждане, денег ищите;
Доблесть уж после монет!» своды Януса так поучают
С края до края: урок сей твердят и младые и старцы,
«К левой подвесив руке пеналы и счетные доски».
Пусть ты умен, добронравен, оратор искусный и честен, —
Коль без шести иль семи ты четыреста тысяч имеешь,
Будешь плебей. За игрой мальчуганы твердят: «Будешь царь ты,

Если сумеешь попасть». Пусть же медною служит стеною:
Чистую совесть хранить, не бледнеть от сознанья проступков.
Росция ль лучше закон, ты скажи мне, иль детская песня,
Царство дающая тем, кто правильно делает дело;
Песня, что пелась не раз и Камиллам и Куриям в детстве.
Лучше советчик какой? Что твердит: «Добывай себе средства
Честно, коль можешь, а то — добывай, как угодно», — чтоб, сидя
В первых рядах, ты смотрел плаксивые Пупия пьесы, —
Или же тот, что велит и тебе помогает свободно
Гордой Фортуне давать отпор, головы не склоняя?
Если бы римский народ спросил, почему не держусь я
Тех же суждений, что он, как и в портиках тех же прогулок, —
Милого всем не ищу, ненавистного не избегаю,
Я бы ответил ему, как когда-то лиса осторожно,
Будто бы, хворому льву: «Следы вот меня устрашают:
Все они смотрят к тебе, ни один не повернут обратно».
Ты многоглавый ведь зверь? За чем же идти иль за кем мне?
Тешат одних откупа казенные, ходят другие,
Пряников, яблок набрав, на охоту — ловить незамужних
Женщин скупых, стариков, чтоб в садок посадить их, поймавши;
Тайно у многих растет от процентов богатство... Так пусть уж
Тянет одних к одному, а других к другому, — но разве
Выдержать могут они хоть час лишь, одно одобряя?
«Нет уголка на земле милей, чем прелестные Байи!» —
Скажет богач, и любовь господина спешащего чуют
Море и озеро там; но только лишь вздорная прихоть
Волю откроет свою: — «Вы, каменщики, понесете
Завтра к Теану свои инструменты». Коль брачное ложе
В доме, твердит: «Ничего нет приятней, чем жизнь холостая»,
Если же нет — «Хорошо лишь женатый живет» — он клянется.
Петлей какой удержать мне Протея, что лик свой меняет?
Ну, а бедняк что? Смешно! Чердаки он, кровати меняет,
Бани, цырюльников; рвет его в лодке наёмной от качки
Так же, как рвет богача, что на собственной едет триреме.
Если цырюльник плохой волоса мне ступеньками выстриг,
Ты ведь смеешься; торчит из-под чесаной верхней туники
Старой рубахи конец или тога неровно спадает, —
Тоже смеешься. А что, как воюет мой разум с собою:
Брезгует тем, что искал, что недавно отринул, вновь ищет;
Вечно кипит, расходясь со всеми порядками жизни;

Рушит иль строит; то вдруг заменяет квадратное круглым.
Ты, лишь обычным сочтя сумасбродством, над тем не смеешься;
Ты не находишь, что врач мне нужен, а то попечитель,
Претором данный, хотя — о нуждах моих все радея —
Сердишься ты, если ноготь подрезан коряво у друга,
Друга, что предан тебе и свой взор на тебя устремляет.
Словом, мудрец — одного лишь Юпитера ниже: богат он,
Волен, в почете, красив, наконец он и царь над царями,
Он и здоров, как никто, — разве насморк противный пристанет.

КНИГА ПЕРВАЯ

2

Лоллий, пока у певца ты троянской войны выбираешь
В Риме стихи для речей, я его прочитал здесь в Пренесте.
Что́ добродетель, порок, что̀ полезно для нас или вредно,
Лучше об этом, ясней, чем Хризипп или Крантор, он учит.
Думаю так почему, коль не занят другим, ты послушай.
Повесть о том, как в войне многолетней столкнулись под Троей
Греки и варваров рать из-за страсти Париса, содержит
Много неистовых дел безрассудных царей и народов.
Вот Антенор пресечь причину войны предлагает;
Что же Парис? Говорит — не заставить его, безмятежно
Царствуя, счастливо жить. А Нестор хлопочет усердно
Ссоре конец положить меж Ахиллом и сыном Атрея.
Первый горит от любви, и оба пылают от гнева.
Что б ни творили цари-сумасброды — страдают ахейцы.
Яростный гнев, произвол, злодеянья, раздор, вероломство —
Много творится грехов и внутри и вне стен Илионских.
Силой, однако, какой обладают и доблесть и мудрость,
Учит нас тот же поэт на полезном примере Улисса:
Как, покорив Илион, прозорливо он грады и нравы
Многих людей изучил, и много невзгод он изведал
В море широком, пока возвращенье в отчизну готовил
Всей он дружине, и как не могла поглотить его бездна.
Знаешь ты песни Сирен и волшебные зелья Цирцеи;
Если бы — жадным глупцом — как товарищи, он их отведал,
Был бы под властью — позор! — блудницы и, мысли лишенный,
Жил бы нечистым он псом иль свиньею в грязи бы валялся.
Мы ведь ничто: рождены, чтоб кормиться плодами земными;
Мы — ветрогоны, мы все — женихи Пенелопы; подобны
Юношам мы Алкиноя, что заняты были не в меру
Холею кожи и, спать до полудня считая приличным,
Сон, что лениво к ним шел, навевали звоном кифары

Чтоб человека зарезать, ведь дó света встанет разбойник, —
Ты, чтоб себя уберечь, ужель не проснешься? Не хочешь
Бегать, пока ты здоров? Побежишь, заболевши водянкой.
До света требуй подать тебе книгу с лампадою; если
Ты не направишь свой ум к делам и стремленьям высоким,
Будешь терзаться без сна ты любви или зависти мукой.
Всё, что тревожит твой глаз, устранить ты торопишься, если ж
Что-нибудь душу грызет, ты отложишь лечение на год.
Тот уж полдела свершил, кто начал: осмелься быть мудрым
И начинай! Ведь, кто жизнь упорядочить медлит, он точно
Тот крестьянин, что ждет, чтоб река протекла, а она-то
Катит и будет катить волну до скончания века.
Ищут денег, жену с приданым затем, «чтоб потомство
Вывесть себе», и уж лес покоряется, девственный, плугу;
Кто, сколько нужно, достал, ничего не желает пусть больше,
Ибо ни дом, ни земля, ни меди иль золота груды
Прочь лихорадку отвесть от больного владельца не могут
Или заботы прогнать: ведь нужно ему быть здоровым,
Если он думает тем, что собрал, наслаждаться разумно.
Если кто алчен и скуп, его радуют дом и богатство
Так, как картины — слепца, как подагрика радуют грелки,
Звуки кифары — больные от грязи скопившейся уши.
Если сосуд загрязнен, то все, что вольешь, закисает.
Всех наслаждений беги; цена наслажденья — страданье.
Жадный всегда ведь в нужде — так предел полагай вожделеньям.
Сохнет завистник, когда у другого он видит обилье;
Пытки другой не нашли сицилийские даже тираны
Хуже, чем зависть. Кто гнев обуздать не сумеет, тот будет
Каяться в том, что свершил по внушению чувства больного,
С карой крутой поспешив ради злобно пылающей мести.
Гнев есть безумье на миг — подчиняй же свой дух: не под властью —
Властвует сам он; его обуздай ты вожжами, цепями.
Учит наездник коня, пока шеей младой поддается,
Путь, как укажет ездок, держать; и щенком привыкает
Лаять охотничий пес на чучело в шкуре оленьей,
Прежде чем службу несет в лесу. . . Так теперь, пока молод,
Сердцем ты чистым слова впивай и вверяйся мудрейшим.
Запах, который впитал еще новый сосуд, сохранится
Долгое время. И пусть ты отстанешь, иль, рьяный, обгонишь,
Тех, что медлят, не жду; за ушедшим вперед не гонюсь я.

КНИГА ПЕРВАЯ

3

Юлий Флор, в каких ныне круга земного пределах
Августа пасынок Клавдий при войске, так хочется знать мне.
Край ли фракийский, где Гебр ледяными оковами связан,
Волны ль морские, что быстро бегут между башен соседних,
Тучные ль Азии долы, холмы ль в отдаленьи вас держат?
Хочется знать, что за труд замышляет когорта ученых:
Кто же из вас описать все деяния Августа взялся?
Кто же векам передаст все войны его, перемирья?
Что с нашим Титием? Он на устах скоро будет всех римлян;
Он, не бледнея, испил из источника Пиндара даже;
Он ручейков и озер, всем доступных, гнушаться дерзает.
Как он, здоров? Как меня вспоминает? К латинским ли струнам
Тщится лады приспособить фиванские, Музы веленьем,
Или свирепо вопит, как трагик-актер, надуваясь?
Чем занимается Цельз мой? Твердил и твердить ему буду —
Ищет пусть мыслей своих, избегает пусть трогать творенья
Те, что уже Аполлон Палатинский в хранилище принял:
Иначе, стаей слетясь, когда-нибудь птицы обратно
Встребуют перья свои, и вызовет смех лишь ворона,
Краденых красок лишась. А что же ты сам замышляешь?
Где, легкокрылый, ты мед с цветов собираешь? Не малый
Дар у тебя, не лишен обработки, без грубости пошлой;
Станешь ли ты изощрять свой язык для защиты, готовить
В деле гражданском ответ или складывать милую песню:
Премию первую — плющ победителя — ты получаешь.
Если б ты мог пренебречь леченьем тоски и заботы,
Тотчас пошел бы туда, куда мудрость небес повела бы.
Вот что нам нужно, и мал ли, велик ли — туда устремитесь,
Если отчизне хотим мы и сами себе быть полезны.

Должен ты мне написать о Мунации, столько ль заботы
Ты уделяешь ему, сколько нужно, иль — сшитая плохо —
Рана не может срастись и опять раскрывается? Всё же,
Кровь ли горячая вас иль незнание жизни толкает,
Словно коней без узды, — в каких бы местах вы ни жили,
Братский союз расторгать вам отнюдь не пристало, и знайте:
Тёлка обетная к дню возвращенья обоих пасется.

4

Альбий, сатир моих ты — судья беспристрастный. Не знаю,
Что мне сказать о твоих занятиях около Педа.
Пишешь ли то, что вещиц даже Кассия Пармского лучше,
Иль молчаливо среди благодатных лесов ты плетешься,
Мысли на все устремив, что добрых и мудрых достойно?
Не был ты телом без чувств никогда: красоту тебе боги
Дали, богатство тебе и умение им наслаждаться.
Больше чего ж пожелать дорогому питомцу могла бы
Мамка, коль здраво судить он, высказывать чувства умеет,
Если и славой богат, и друзьями, и добрым здоровьем,
Коль хорошо он живет и всегда кошелек его полон?
Меж упований, забот, между страхов кругом и волнений
Думай про каждый ты день, что сияет тебе он последним;
Радостью снидет тот час, которого чаять не будешь.
Хочешь смеяться — взгляни на меня: Эпикурова стада
Я поросенок; блестит моя шкура холеная жиром.

ПОСЛАНИЯ

5

Если ты гостем лежать на Архия ложах способен,
Если со скромного блюда вкушать не боишься ты зелень,
С солнца последним лучом ожидать я, Торкват, тебя стану.
Вина ты вновь будешь пить, что разлиты при консуле Тавре
Между Минтурнских болот и Петрином вблизи Синуессы.
Лучше коль есть у тебя, так пришли, или мне покоряйся.
Жертвенник блещет давно для тебя, и начищена утварь.
Ищет кто легких богатств и тяжбы ведет — всех оставь ты,
Даже и Мосха процесс; ведь завтрашний праздник — рожденья
Цезаря — даст нам и вволю поспать и, в приятной беседе
Бодрствуя, летнюю ночь провести без ущерба позволит.
Что мне Фортуны дары, если ими нельзя наслаждаться!
Ради наследника скуп кто иль слишком умерен, сидит тот
Рядом с безумцем; так пить же начну и цветы рассыпать я:
Дела мне нет, что меня назовут безрассудным за это!
Выход чему не дает опьянение? Тайны раскроет,
Сбыться надеждам велит, даже труса толкает в сраженье,
Душу от гнева тревог избавляет и учит искусствам.
Полные кубки кого не делали красноречивым,
В бедности тесной кому от забот не давали свободу?
Хлопоты все на себя возложив, я с уменьем, с охотой
Буду следить, чтоб ковер нечистый иль грязная скатерть
Морщить не нудили нос, чтобы кружка и чашка, блистая,
Зеркалом были тебе; в круг надежных друзей чтоб не втерся
Гость такой, что слова за порог выносил бы; чтоб ровня
С ровней сидел; для тебя приглашу я Септиция, Бутру,
Также Сабина, коль не́ зван он раньше на пир и не занят
Девой, милее, чем мы; и для всяких незваных есть место, —
Пахнут, однако, пиры слишком тесные духом козлиным.
Сколько желаешь гостей, напиши и, дела все отбросив,
Скройся двором от клиента, что стражем стоит перед входом.

КНИГА ПЕРВАЯ

6

Сделать, Нумиций, счастливым себя и таким оставаться
Средство, пожалуй, одно только есть — «ничему не дивиться».
Люди такие ведь есть, что без всякого трепета в сердце
Могут на солнце взирать, на звезды, на круговращенье
Года времен; а дары все земли как высоко ты ценишь,
Моря игрушки, что индусов так богатят и арабов,
Рукоплесканья толпы, дары благосклонных квиритов?
С чувством и взглядом каким к тому относиться должны мы?
Тот, кто желает сего, и обратного кто избегает —
Оба почти ведь равно дивятся; того и другого
Страх угнетает и всё нежданное в ужас приводит.
В горе ли он или рад, опасается ль он или жаждет —
Разница в чем, если что б ни увидел он, — лучше ль, чем чаял,
Хуже ли, — очи вперив, цепенеет душой он и телом?
Имя безумца мудрец и неправого правый получит,
Если уже чересчур добродетели будут искать он...
Ну же, дивуйся теперь серебру и мраморам древним,
Меди, каменьям, твореньям искусств и пурпуровым тканям;
Радуйся: ты говоришь, тебя тысяча глаз созерцает;
Рано на форум — делец — ты ходи, а домой уже по́д ночь,
Только бы Муту с полей жены не собрать урожая
Больше, чем твой, и (то был бы позор: он ведь хуже породой)
Лишь бы он зависть в тебе не вызвал раньше, чем ты в нем.
Что б ни таила земля, на свет все выведет время,
Выроет то, что блестит, и сокроет. Пускай и дорога
Аппия знает тебя, и зрит колоннада Агриппы, —
Всё ж остается идти, куда Нума и Анк удалились.
Острая если болезнь терзает твой бок или печень,
Средство ищи от нее. Хочешь счастливо жить (кто ж не хочет?),
Может коль дать то одна добродетель, — о ней лишь заботься,

Бросив утехи. Но если лишь звук для тебя добродетель,
Роща — дрова, то смотри, не пробрался б другой тебя раньше
В гавань, товаров бы ты не лишился кибирских, вифинских!
Надо тебе округлить тысченку одну и другую,
Третья затем подойдет, а четвертая кучу закончит.
Даст ведь царица Деньга и с приданым жену и доверье,
Даст и друзей, красоту, родовитость; ведь тот, кто имеет
Много монет, Убежденье того и Венера украсят.
Много рабов у царя каппадоков, да в деньгах нехватка;
Будь ты, смотри, не таков. Говорят, у Лукулла спросили
Как-то, не может ли сто он хламид предоставить для сцены.
«Где же я столько возьму? Но все ж поищу; что найдется,
Вышлю». Немного спустя он пишет — пять тысяч нашлося
В доме хламид у него; пусть все или часть отбирают...
Дом ведь ничтожен, коль нет в нем множества лишних предметов:
Тех, что, хозяина глаз избегая, ворам лишь полезны.
Если счастливым тебя может сделать одно лишь богатство,
Первый его ты ищи и его оставляй лишь последним.
Если же к счастью ведет положенье и милость народа,
Купим раба, называть имена и толкать нас под левый
Бок, чтоб указывать нам, кому протянуть за прилавок
Руку: «Вот этот силен в трибе Фабия, этот в Велинской;
Ликторов этот дает, кому хочет; курульное кресло
Вырвет он, если сердит...» Обращайся же «батюшка», «братец»,
Каждого возраст учтя, к родне приобщай всех учтиво.
Если живет хорошо тот, кто ест хорошо, то идемте,
Чуть рассветает, удить, на охоту, по глотки приказу
Так, как Гаргилий когда-то: рабам спозаранку велел он
Сети, рогатины несть через форум, набитый народом;
Чтобы один из мулов тащил, пробираяся с рынка,
Вепря, что куплен был там. И, брюхо набив, будем мыться,
Думать забывши о том, что прилично, что нет, заслуживши
Списка церитов, гребцам уподобясь Улисса беспутным:
Было отчизны милей запрещенное им наслажденье.
Если, как судит Мимнерм, без любви и без шуток на свете
Радости нет никакой, то живи и в любви ты и в шутках.
Будь же здоров и прощай! Если лучшее этого знаешь,
Честно со мной поделись; если нет, то воспользуйся этим.

7

Несколько дней лишь тебе обещал провести я в деревне,
Август, однакоже, весь себя ждать заставляю — обманщик.
Все ж, если хочешь, чтоб жил невредим я и в полном здоровьи,
То — как больному давал — так, когда заболеть опасаюсь,
Дай, Меценат, мне отсрочку на время, пока посылают
Зной и незрелые фиги могильщику ликторов черных,
В страхе пока за ребят и отец и мать их бледнеют,
Рвенье в служебных делах и на форуме дельце для друга
Много болезней влекут, заставляют вскрывать завещанья. . .
После ж, как снегом зима опушит Албанские горы,
К морю сойдет твой певец, укроется там и, поджавши
Ноги, он будет читать; а тебя, милый друг, навестит он,
Если позволишь, весной с зефирами, с ласточкой первой.
Ты меня сделал богатым не так, как хозяин Калабрский,
Грушами гостю велевший питаться: «Пожалуйста, кушай».
«Будет уж». — «Нет, ты бери, сколько хочешь еще». — «Благодарствуй».
«Малым ребятам домой ты гостинчик снесешь не противный».
«Много обязан и так; ухожу я, как будто навьючен».
«Ну, как угодно: свиньям, значит, это на корм ты оставишь. . .»
Мот и глупец то дарит, чем гнушается сам, тяготится.
Неблагодарных рождал такой сев и рождать будет вечно.
Добрый и мудрый готов, говорит, помогать всем достойным,
Но между деньгами он и бобами различие знает.
Верь, докажу, что достоин столь славного я добродея.
Если ж ты мне не велишь никуда отлучаться, то должен
Крепкое тело вернуть мне, и черные кудри над узким
Лбом, и приятную речь, и пленительный смех, и способность
Плакать за чашей вина, что капризница Цинара скрылась.
Как-то чрез узкую щель пробралася тощая мышка

В закром с зерном, но затем, когда досыта там уж наелась,
С полным брюхом назад пыталась выйти бесплодно.
Издали ласка сказала ей: «Вылезть отсюда коль хочешь,
Тощей должна выходить ты из щелки, как тощей входила».
Если меня эта басня заденет, — я все возвращаю:
Жирною птицею сыт, я сна бедняков не прославлю,
Но и свободный досуг не сменю на богатства арабов.
Скромность мою ты хвалил не раз: и царем, и отцом ведь
Звал я тебя как в глаза, так нисколько не ниже заочно.
Вникни, могу ль я вернуть тебе с радостным сердцем подарки?
Право, не худо сказал Телемах, сын страдальца Улисса:
«Местность Итаки совсем для коней неудобна, на ней ведь
Нет ни обширных равнин ни лугов, что обильны травою;
Дар твой оставлю тебе я, Атрид, — он тебе и пригодней».
Малое малым к лицу: не царственный Рим ведь, а Тибур
Манит спокойный меня или город Тарент безмятежный.
Дельный, ретивый Филипп, ведением тяжб знаменитый
В третьем часу пополудни, окончив дела, направлялся
К дому, — в преклонных летах уже был он, — ропща, что Карины
Слишком далёки от форума. Вдруг, говорят, он приметил —
Кто-то, подстрижен, сидит в пустой от народа цырюльне,
Ножичком ногти себе в тени, не спеша, вычищая.
«Дмитрий, — сказал он слуге (господина веленья не вяло
Тот принимал), — пойди, расспроси, доложи: из какого
Дома он, кто, как богат, как отца его звать иль патрона?»
Вот он идет и назад: «Волтеем зовут его, Меной;
Служит глашатаем, ценз невелик, безупречен; известен
Тем, что умеет спешить иль помедлить в свой час, заработать,
Также прожить; рад друзьям небогатым и скудному дому,
Зрелищам рад, а дела все прикончив — и Марсову полю».
— «Хочется мне самого расспросить обо всем, что доносишь;
Пусть он к обеду придет»... Не верит ушам своим Мена,
Диву дается, молчит... Что долго тут думать? — «Куда мне!»
Он отвечает. — «Чтоб мне отказал он!» — «Негодник не хочет:
Знать, презирает тебя иль боится»... Филипп спозаранку
Ловит Волтея, когда продает он людишкам, одетым
В туники, ветошь. Филипп сам приветствует первый. Приносит
Тот извиненья: дела, мол, занятья по службе сковали,
Не дали утром придти с приветом; его, наконец, он
Издали здесь не узнал. — «Так простил тебя, знай, под условьем,

Если сегодня со мной пообедаешь». — «Как ты прикажешь».
— «Значит, придешь после трех, а теперь умножай достоянье»...
Все за столом: наболтал он, что надо, и то, что не надо;
Шлют его спать наконец. И стал этот Мена частенько
Бегать, как рыба на скрытый крючок: сперва он клиентом
Утром пораньше, потом сотрапезником верным; велят уж
За город спутником быть ему в праздник Латинский, на дачу.
Вот он на кляче сидит, сабинские пашни и воздух
Хвалит без устали он. То видя, Филипп уж ликует:
Ищет себе он везде, чем развлечься, над чем посмеяться;
Давши сестерций ему семь тысяч и семь без процентов
В долг обещая, его он земельку купить убеждает.
Вот уж купил, — но зачем вниманье твое утомлять мне
Повестью длинной? Так вот: прежде чистенький, стал мужиком он.
Все он о лозах трещит, бороздах и готовит уж вязы;
Чуть не умрет от работы, от алчности старясь до срока.
Всё ж, как украли овец, от болезни попадали козы,
Сбор все мечты обманул, и за пахотой вол уморился, —
В горе от всех неудач, хватает он в полночь кобылу,
Держит, разгневавшись, путь он прямо к хоромам Филиппа.
Только увидел Филипп его грязным, нечесанным, — молвил:
«Вижу, Волтей мой, жесток ты к себе и не в меру усерден».
— «Нет, ты несчастным, клянусь, назвал бы меня, — возразил он, —
Если б хотел приложить ты ко мне подходящее имя.
Гением, правой рукой заклиная, Пенатами всеми,
Я умоляю тебя: верни меня к жизни ты прежней!»
Кто только раз хоть заметил, сколь то, что покинул он, лучше
Нового, что он искал, — пусть скорее вернется к былому.
Меркой своею себя измеряй и своими шагами.

ПОСЛАНИЯ

8

Цельзу ты Альбиновану, писцу в провожатых Нерона,
Муза, прошу, мой привет передай с пожеланьем успеха.
Спросит он, как я живу, — ты скажи, что хорошего много
Я обещал, но живу кое-как и не сладко. Не в том, что
Градом побита лоза, иль оливы съел зной, тут причина,
Иль что болеет мой скот на лугах от меня отдаленных.
Вот в чем беда: хоть слабее, чем тело, мой ум — не хочу я
Внять иль учиться тому, что могло облегчить бы больного,
С верными ссорюсь врачами, всегда на друзей раздражаюсь,
Если стремятся меня излечить от губительной спячки.
Вредного все я ищу; избегаю того, что полезно.
В Риме я Тибура жажду, а в Тибуре — ветреник — Рима.
Как поживает, его расспроси, как справляется с делом,
Как и с собою; и как он с Тиберием ладит, с когортой?
Скажет коль он: «хорошо», то сейчас же ты вырази радость,
На ухо, кроме того не забудь ты шепнуть ему вот что:
Как ты со счастьем поладишь, и мы так с тобой будем ладить.

КНИГА ПЕРВАЯ

9

Клавдий, Септимий один, без сомнения, понял, насколько
Ты меня ценишь: ведь если он просит меня неотступно
Именно, чтобы тебе указать на него с похвалою,
Как на достойного быть в числе приближенных Нерона;
Если он верит, что я облечен правом близкого друга,
Значит он лучше меня, что могу я, и видит и знает.
Многое я говорил, чтоб его не обидеть отказом,
Но убоялся, не счел бы, что я притворяюсь слабейшим,
Силу тая от него, о своей только думая пользе.
И потому, чтобы мне не раскаяться в худшей ошибке,
В ход я решился пустить горожанина дерзость... Так если
Ты одобряешь, что я ради друга отбросил стыдливость,
В круг свой его ты введи и признай его храбрость и честность.

ПОСЛАНИЯ

10

Фуску, любителю Рима, привет с пожеланьем здоровья
Шлю я — любитель села; лишь в этом одном ведь с тобою
Сильно расходимся мы, в остальном же почти близнецы мы,
Братья душой; как один, так другой отвергаем и хвалим
Оба одно мы, кивая друг другу, как голуби сжившись.
Ты гнездо сторожишь, восхваляю я прелесть деревни —
Скалы, обросшие мохом вокруг, и ручьи, и дубравы.
Что же еще? Я царем себя чувствую, только покину
То, что возносите вы до небес при сочувствии общем.
Точно бежав от жреца, отвергаю я сдобные хлебцы,
Хлеб простой для меня ведь лучше медовых лепешек.
Если нам следует жить, согласуя желанья с природой,
Иль чтобы выстроить дом, надо выбрать удобный участок.
Знаешь ли место еще ты, пригодней деревни блаженной?
Есть ли где зимы теплей, где ветер приятней смягчает
Ярость созвездия Пса и Льва разъяренного скоки,
Только начнут уязвлять его солнца палящие стрелы?
Где прерываются сны заботой завистливой меньше?
Пахнет трава иль блестит хуже камешков что ли ливийских?
Разве вода, что прорвать свинцовые трубы стремится,
Чище воды, что в ручьях торопливо сбегает с журчаньем?
Часто деревья растят среди пестрых колонн, восхваляют
Дом, пред которым полей простор открывается взору:
Вилой природу гони, она все равно возвратится,
Тайно прорвавшись, она победит пресыщенье больное.
Кто отличить, как знаток, не умеет от ткани сидонской
Шерсть, что впитала из мха аквинского краску, не больший
Тот потерпит ущерб, не сильнее он мучиться будет,
Нежели тот, кто лжи отличить не умеет от правды.

Тот, кого счастье всегда баловало чрезмерно, невзгодой
Будет сильней потрясен. Неохотно, конечно, оставишь
То, что ты слишком ценил. Избегай же богатства: под бедной
Кровлей ты жизнь превзойти и царей и любимцев их можешь.
Более сильный в бою, олень прогонял постоянно
С общего луга коня; после долгой борьбы утомленный,
Конь человека помочь умолил — и узду получил он.
После ж того, как, врага победив, он ушел, насмехаясь, —
Сбросить с хребта седока и узды изо рта уж не мог он.
Бедности так устрашась, кто свободы лишен, — что ценнее
Всяких богатств, — тот везет на себе господина и вечно
Будет рабом потому, что доволен быть малым не может.
Если невпору кому достаток его, то — как обувь
Не по ноге — или жмет иль заставит его спотыкаться.
Жребьем довольный своим, будешь жить ты разумно, Аристий;
Да и меня не оставь безнаказанным, если заметишь —
Больше, чем нужно, коплю и отстать от того не могу я.
Деньги бывают царем иль рабом для того, кто скопил их,
Им не тащить ведь канат, а тащиться за ним подобает.
Это письмо диктовал у развалин я храма Вакуны,
Всем — исключая того, что ты не со мною — довольный.

ПОСЛАНИЯ

11

Как показались тебе, Буллатий мой, Хиос и славный
Лесбос и Самос-краса, и Сарды, Креза столица,
Смирна и как Колофон? Достойны иль нет своей славы?
Или невзрачны они перед Тибром и Марсовым полем?
Иль тебе город один из Атталовых нравится больше,
Или, устав от морей и дорог, восхваляешь ты Лебед?
Лебед ты знаешь ли что? Местечко, пустыннее Габий
Или Фиден; но я там, тем не менее, жил бы охотно,
Всех позабывши своих и ими равно́ позабытый,
С берега я бы глядел, как Нептун над волнами ярится.
Всё же, из Капуи в Рим на пути хоть и вымок под ливнем,
Грязью забрызган, никто не захочет всегда жить в харчевне;
Тот, кто насквозь хоть прозяб, ведь не станет ни бани ни печи
Так восхвалять, будто жизнь они всю могут сделать счастливой.
Австр могучий тебя потрепал бы коль в море открытом,
Ты бы не продал корабль свой, оставшись за морем Эгейским.
Нет, для того, кто здоров, Митилены красо́ты и Хиос —
То же, что плащ в знойный день, иль при ветре со снегом — передник,
В Тибре — купанье зимой, или в августе — жаркая печка.
Можно пока, и на нас благосклонно взирает Фортуна,
В Риме заочно пускай хвалят Самос, и Хиос, и Ро́дос.
Счастие, в час бы какой ни послал тебе бог благосклонный,
Ты благодарной рукой принимай, не откладывай радость
На год, чтоб, где бы ты ни был, сознаться: «Я жил, наслаждаясь»,
Если заботы от нас отгоняет не местность с открытым
Видом на моря простор, а лишь разум и мудрость, то ясно:
Только ведь небо меняет, не душу — кто за море едет.
Праздная нас суета всех томит: на судах, на четверках
Мчимся за счастием мы, — между тем оно здесь под рукою:
Даже в Улубрах — лишь дух бы спокойный тебя не покинул.

КНИГА ПЕРВАЯ

12

Если Агриппы плоды, что сбираешь в Сицилии, Икций,
Будешь разумно вкушать, наградить еще бо́льшим обильем
Вряд ли Юпитер тебя даже сможет. Так жалобы брось ты:
Тот ведь не беден еще, у кого пропитанья хватает.
Если желудок и бок твой и ноги здоровы, — не смогут
Даже богатства царя придать тебе что-нибудь больше.
Если ж средь множества яств ты, быть может, воздержный, травою
Или крапивой живешь, то и впредь будешь жить так, хотя бы
Густо ты был позлащен в блестящем потоке Фортуны:
Иль потому, что деньгам невмочь переделать природу,
Иль потому, что ты всё добродетели ниже считаешь.
Диво ль, коль скот объедал на полях Демокрита колосья,
В небе покуда парил он душой, отрешенной от тела?
Так же и ты, — среди этой зудящей заразы наживы, —
В низком не мудрый ничуть — размышляешь всегда о высоком:
Что́ укрощает моря и что́ год разделяет на части,
Сами ли звезды идут иль, веленьям покорны, блуждают,
Что́ затемняет луну и снова ее открывает,
Сила и цель какова любви и раздора в природе,
Кто — Эмпедокл или наш остроумный Стертиний — безумец?
Всё же, пускай ты жуешь хоть лук, иль порей, или рыбу,
С Гросфом Помпеем сойдись и желаньям его не противься:
Гросф не попросит того, что нелепо и что незаконно.
Низкой бывает цена на друзей, коль нуждается добрый.
Должен, однако, ты знать, как дела обстоят государства:
Пали армяне, кантабр — то Клавдия доблесть Нерона,
Доблесть Агриппы; Фраат, преклонивши колени смиренно,
Цезаря власть над собою признал; золотого Обилья
Рог в эту осень плоды на Италию щедро рассыпал.

ПОСЛАНИЯ

13

Как я не раз уж тебя наставлял пред твоим отправленьем,
Августу, Виний, вручить за печатями должен ты свитки,
Если он весел, здоров, наконец, если сам только спросит;
Ты из усердья смотри, не сдури, чтоб досаду на книжки
Ты не навлек бы, пристав, как неистово-рьяный служитель.
Если ж тебя отягчит бумага с моими стихами,
Лучше отбрось ее прочь, чем то, что прошу я доставить,
За спину сунуть в мешок, Ослицы прозвание насмех
Людям отдав и себя всего города баснею сделав.
Силы свои напряги на холмах, на реках и на лужах.
Трудности все одолев, лишь только туда доберешься,
Ношу ты бережно так держи, чтобы книг моих связки
Ты не подмышкою нес, как носит крестьянин ягненка,
Краденой шерсти клубок носит Пиррия, пьяная вечно,
Шляпу и обувь — бедняк, к столу приглашенный из трибы.
Всем вокруг не болтай о том, как, вспотевши, тащил ты
Песни, что могут привлечь, пожалуй, и очи и уши
Цезаря. Сколько б тебя ни просили, вперед продвигайся.
Шествуй, здоров будь, смотри не споткнись, не испорти посылку!

КНИГА ПЕРВАЯ

14

Староста леса, полей, где я вновь становлюся собою,
Ты же скучаешь, хоть есть целых пять очагов там семейных,
Добрых отцов ровно пять, и в Варии все они знатны.
Спорить давай, кто скорей: сорняки из души я исторгну,
Или же ты — из полей; и кто чище: Гораций иль поле.
Держит хотя меня здесь привязанность к Ламию — полный
Скорби о брате, с тех пор как смерть унесла его, плачет
Он безутешно; туда все ж стремятся и дух мой и мысли,
Радостно все, на пути стоящие, руша преграды.
Я говорю: счастлив тот, кто в деревне живет, ты же — в Риме:
Жребий чужой кому мил, тому свой ненавистен, конечно.
Оба неправо виним мы — глупцы — неповинное место:
Тут погрешает душа — никогда от себя не уйти ей.
В Риме, слугою, просил о деревне ты в тайной молитве,
Старостой стал, — и мечты о Городе, зрелищах, банях.
Верный — ты знаешь — себе, отъезжаю отсюда я с грустью
В Рим всякий раз, как дела, ненавистные мне, меня тащат.
Разное радует нас, и вот в чем с тобой мы не сходны:
То, что безлюдною ты, неприветной пустыней считаешь,
Я ведь отрадой зову, и кто мыслит, как я; ненавистно
Мне, что прекрасным ты мнишь. Видно, к городу тягу внушают
Сытный трактир и вертеп тебе; также и то, что наш угол
Перец и ладан скорей принесет нам, чем гроздь винограда;
Нет и харчевни вблизи, что тебе бы вино доставляла,
Нет и блудницы, чтоб мог под звук ее флейты скакать ты,
Землю топча тяжело; да при всем этом ты еще пашешь
Поле, что очень давно не видало кирки; за быком ты
Ходишь и кормишь его листвою, состриженной с веток.
Дела лентяю придаст и ручей, когда ливень прольется:

Трудно поток удержать от лугов, озаряемых солнцем.
Ну же, послушай теперь, что согласье у нас нарушает.
Прежде мне были к лицу и тонкие тоги, и кудри
С лоском, и Цинаре хищной я нравиться мог без подарков;
Пил я с полудня уже прозрачную влагу Фалерна. —
Ныне же скромно я ем и сплю на траве у потока;
Стыдно не прежних забав, а того, что забав я не бросил.
Здесь же не станет никто урезать мою радость завистным
Глазом иль в злобе слепой отравлять, уязвляя речами:
Смех лишь соседям — смотреть, как сдвигаю я глыбы и камни.
Лучше с рабами глодать паек городской ты желаешь,
Рвешься, мечтая, попасть в их число. Но завидует хитрый
Конюх тебе: сколько дров, овощей и скота ты изводишь!
Бык себе просит седла, а ленивый скакун просит плуга;
Мой же обоим совет — делай каждый охотно, что можешь.

15

В Велии, Вала, зима какова, что за климат в Салерне,
Что там за люди живут и какая дорога? (Ведь Байи
Муза Антоний признал для меня бесполезными; все же
Ненависть их на меня он навлек, приказав мне купаться
В самую стужу. Местечко все стонет, и заросли мирты
В полном презреньи теперь, и серные ванны, что выгнать
Могут недуг застарелый; ему ненавистен, кто смеет
Голову или живот подставлять под источник Клузийский,
Тот, кто стремится к ключам Габийским и к весям прохладным.
Место придется менять и мимо подворий знакомых
Гнать свою лошадь. — «Куда ты воротишь? Не в Кумы держу я
Путь и не в Байи!», сердясь, тогда скажет наездник и левым
Поводом дернет: узда заменяет ведь лошади ухо).
Хлебный запас у кого из обоих народов богаче?
Там дождевую ли пьют, ключевую ль из вечных колодцев
Воду берут? (О вине тех краев ничего не пиши мне.
Здесь я в деревне своей терпеть могу всё, что угодно;
Если ж у моря живу, то ищу — благородней, помягче,
Чтобы заботы все прочь отгоняло, надежды вливая
В жилы и в душу мою, слова на язык подавало,
Так чтоб предстал молодцом я пред девой любезной луканской).
Больше какая страна там зайцев плодит или вепрей?
Больше в каких там водах эхины иль рыбы таятся,
Чтоб возвратиться домой феакийцем я мог зажиревшим?
Должен ты все отписать мне, а я — тебе полностью верить.
Мений, когда он отца и матери средства истратил
Храбро до тла, балагуром столичным считаться он начал:
Шут бродячий — не мог он одних только яслей держаться;
Он натощак меж врагом и другом не делал различья;

Мастер лихой сочинить клевету на любого любую,
Пагуба он, ураган и прорва для рынка съестного;
Все, что сыскать удалось, предавал ненасытному брюху.
Если ж у тех, кто питал уваженье иль страх к негодяю,
Он ничего не урвет или мало, — дешевые кучей
Жрал он рубцы и ягнят, сколько трем бы медведям хватило —
Видно, чтоб мог он сказать (как строгий наш Бестий), что нужно
Брюхо обжор выжигать каленым железом. И он же,
Если напал на добычу побольше, то, все обративши
В дым и золу, говорил: «Для меня ведь не диво, клянусь я,
Те, кто съедают добро, ибо нет ничего во всем мире
Жирного лучше дрозда и прекрасней, чем матка свиная. . .»
Право, таков же и я: если средств у меня нехватает,
Бедной я жизни покой хвалю среди скудости твердый;
Если же лучше, жирней мне кусок попадает, то я же
«Мудры лишь вы, — говорю, — и живете, как следует, только
Вы, что всем напоказ свои деньги пустили на виллы».

16

Квинтий добрейший, чтоб ты не спрашивал, чем же именье
Кормит владельца, меня — поля богатят иль оливки,
Яблоки или луга, иль обвитые лóзами вязы —
Я положенье тебе и вид опишу поподробней.
Горы сплошные почти — их долина тенистая делит,
Так что солнце, всходя, правый склон озаряет, а левый
Кроет пылающей мглой, в колеснице бегущей спускаясь.
Климат одобрил бы ты. А что, коль терновник и вишня
Ягод румяных дадут торовато, дубы же и вязы
Тешить обильем плодов будут скот, а хозяина — тенью?
Скажешь, что это Тарент, приближенный сюда, зеленеет.
Есть и ручей, что — реке дать имя достойный — струится
Хладный и чистый; ничуть не уступит фракийскому Гебру:
Он для больной головы полезен, равно — для желудка. . .
Милый такой уголок и, если мне веришь, прелестный,
Здравым меня в сентябре представит тебе, невредимым.
Правильно ты ведь живешь, если быть, чем прослыл, ты стремишься.
Жители Рима — давно мы тебя величаем счастливым;
Все ж, не поверил бы больше другим, чем себе ты, боюсь я;
Как бы того, кто не мудр и не добр, не счел ты счастливым;
Если народ говорит про тебя, что здоров и силён ты,
Как бы, притворщик, не стал пред едой ты скрывать лихорадку
Вплоть до поры, как начнут уж трястись твои жирные руки.
Ложно стыдясь, то глупцы лишь таят без лечения язвы.
Если б тебе приписал кто-нибудь на земле и на море
Войны, и речью такою ласкал тебе праздные уши:
«Больше ль желает народ тебе счастья, иль сам ты народу,
Пусть без решенья вопрос оставит Юпитер, хранящий
Град и тебя» — ты б узнал без сомненья, что Августа славят.

Если позволишь к тебе обратиться, «мудрец безупречный»,
Ты — мне на милость скажи — откликнешься ты и ответишь:
— «Рады, конечно, с тобой называться мы добрым и мудрым»?
Всё ж, кто сегодня нам дал это, завтра — захочет — отнимет,
Как, предоставив почет недостойным, он сам отнимает.
«Сдай. то мое» говорит; сдаю я и в тень отступаю.
Станет коль он же кричать, что я вор, отрицать мою честность,
Иль утверждать, что петлей задушил я отца, неужели
Стану, в лице изменясь, я лживым укором терзаться?
Ложною почестью горд и ложных наветов страшится
Кто, кроме лживых людей и больных? Добродетелен кто же?
— «Тот, кто решенья отцов, законы, права охраняет,
Тот, кто — умелый судья — много тяжб больших пресекает,
Тот, чьей порукой и чьим показаньем решается дело».
Видит, однако, вокруг каждый дом, вся округа то знает —
Гадок внутри он и только лишь шкурой блестящей пригляден.
Если мне раб говорит: «Ничего не украл я, не беглый» —
Я отвечаю: «За то и награда — не жгут тебя плети».
— «Я никого не убил». — «Так ворóн на кресте ты не кормишь».
— «Честный я труженик». — «Это сабелл отрицает упорно».
Ям опасается волк-хитрец, подозрительных петель —
Ястреб; боится крючка прикрытого хищная птица.
Доблестный муж не грешит из любви к добродетели только.
Ты вот себе согрешить, только кары боясь, не позволишь;
Будь же надежда то скрыть, ты святое смешаешь с запретным.
Ибо крадешь коль бобов ты из тысячи мерок одну лишь,
Легче — ты знай — не твой грех, но убыток, что мне причиняешь.
Честный сей муж, на кого и весь форум, и суд весь дивится,
Всякий раз, как богов поросенком, быком ли смягчает,
Громко «О Янус-отец, Аполлон!» восклицает, а после
Губы шевéлит, боясь быть услышан: «Благая Лаверна,
Дай обмануть мне, о дай же ты правым, святым мне казаться;
Мраком ночным все грехи, обманы же тучей прикрой ты».
Чем же свободней раба или лучше припавший к дороге
Скряга, который гроши, оброненные там, поднимает,
Право, не вижу я: кто будет жаден, тот будет бояться;
Кто же под страхом живет, тот не может, по мне, быть свободным.
Бросил оружие тот и доблести поприще кинул,
Кто достоянье свое умножает, и этим подавлен.
— Если ты пленного можешь продать, то к чему убиваешь?

Будет полезен, как раб; пусть пасет или пашет он в поле;
Пусть среди волн, купцом разъезжая, проводит он зиму;
Цены снижает пускай и подвозит съестные припасы.
Мудрый же, доблестный муж говорить не страшится: «Правитель
Фив, о Пенфей! Что меня ты ужаснее хочешь заставить
Несть и терпеть?» — «Отниму все добро .— «Значит, скот мой и деньги,
Ложа и все серебро? Так бери же!» — «Я буду под строгой
Стражей тебя содержать, и руки и ноги сковавши».
— «Лишь захочу — меня бог сам избавит от уз! ..» Полагаю,
Думает он: «Я умру». Ибо смерть есть предел всех страданий.

ПОСЛАНИЯ

17

Сцева, хоть сам ты себе и хороший советник, и знаешь,
Как обходиться с людьми, стоящими выше, простому, —
Мненье дружка заучи, что учиться сам должен, но хочет
Быть вожаком — сам слепой; ты однако обдумай — быть может,
Выскажу что-нибудь я, что и ты пожелаешь усвоить.
Если отрадный покой ты и сон вплоть до часа седьмого
Любишь, а города пыль, грохотанье колес и трактиры
Ты ненавидишь, совет мой тебе — в Ферентин перебраться;
Радости ведь не одним богачам лишь в удел достаются,
Прожил не худо и тот, кто безвестным родился и умер.
Если ж своим угодить ты желаешь, а также радушней
Сам себя угостить, то ступай, истощенный, ты к жирным.
«Если бы зелень в обед Аристипп мог терпеть, он не стал бы
Знаться с царями». — «А если бы тот, кто меня укоряет,
Знаться с царями умел, ему зелень претила б». Одобрить
Чьи же слова и дела, научи, иль как младший послушай,
Мненье верней почему Аристиппово. Он отразил ведь
Циника едкий упрек такой, по преданью, насмешкой:
«Я для себя только шут, а ты для толпы — и разумней
То и почетней. Чтоб конь меня вез и цари бы кормили,
Службу несу я; а ты пустяков, пред дающим склоняясь,
Просишь, хоть делаешь вид, что ни в ком не нуждаешься будто».
Шло к Аристиппу любое житье, положенье и дело:
Лучшего всюду ища, он доволен был тем, что имеет.
Я удивился бы, если б житейской стези перемена
Шла бы к тому, кого в длинный лоскут облекло воздержанье.
Этот пурпурных одежд для себя дожидаться не станет,
Он, что попало надев, пойдет по местам многолюдным,
Роль богача, бедняка равно проведет, не сбиваясь.

Будет другой убегать от тканой в Милете хламиды,
Пуще боясь, чем змеи иль собаки; от стужи умрет он,
Если плаща не вернешь. Так верни, — пусть живет он, потешный!
Подвиг свершать иль врагов показывать гражданам пленных —
К трону Юпитера то уже близко, до неба доходит:
Но не последняя честь и знатным понравиться людям.
Людям, однако, не всем удается достигнуть Коринфа.
Сел, кто боялся того, что ему не дойти; пусть сидит он.
Что же? А тот, кто достиг, как муж поступил он? Конечно,
То, чего ищем мы — здесь иль нигде. Ибо тот устрашился
Ноши, что слабой душе непосильна и слабому телу:
Этот же взял и несет. Или доблесть — пустое лишь слово,
Или решительный муж в праве славы искать и награды.
Те, кто молчать пред царем о бедности могут, получат
Больше, чем тот, кто просил; значит разница — взял ты стыдливо
Или схватил: ибо в том твоих действий и цель, и источник.
— «Бедная мать у меня и сестра-бесприданница также;
Мне ни продать невозможно именья, ни им прокормиться».
Кто говорит так, кричит: «Дайте пищи!»; другой подпевает:
«Дайте и мне!» Пополам подающий разделит краюху.
Ворон однако, коль мог бы он молча питаться, имел бы
Больше добычи, а драк и зависти меньше гораздо.
Тот, кто в отрадный Суррент взят спутником или в Брундизий,
Сетует, кочки терпя, или резкую стужу, иль ливни;
Плачет, что взломан сундук и украли дорожные деньги;
Но повторяет блудниц он уловки известные: часто
Плачут они — мол, украли цепочку, запястье; но вскоре
Веры им нет, хоть и впрямь потеряют что, или в печали.
Кто на распутьи осмеян был раз, — не поднимет бродягу,
Ногу хотя б тот сломал и хотя б, заливаясь слезами,
Он умолял и, святым Озирисом клянясь, говорил бы:
«Верьте, жестокие, мне — я не лгу; поднимите хромого!»
— «Нет, поищи чужака!», проворчат, откликаясь, соседи.

18

Если я знаю тебя хорошо, благороднейший Моллий,
Роли не примешь шута ни пред кем, обещавши быть другом.
Как обхожденье и вид у матроны с блудницей различны,
Так отличаться и друг от шута вероломного будет.
Но еще больше такого порока порок и обратный:
То — деревенщины грубость, несносная с нею нескладность
В стрижке до кожи себя и в черных зубах проявляет,
Зваться свободой она и истинной доблестью хочет.
Доблесть в средине лежит меж пороков равно удаленных.
Склонен чрезмерно один к послушанию; с нижнего ложа,
Словно как шут, он кивка богача так страшится, сужденьям
Вторит его и слова оброненные ловит, — что мнится,
Будто урок отвечает учителю строгому мальчик
Иль комедийный актер то роль исполняет вторую.
В битву вступает другой, о шерсти козлиной заспорив,
С вздорным оружьем в руках: «Я за то, чтобы больше доверья
Не было мне, чем другим, чтобы я никогда, что мне любо,
Высказать громко не смел — не возьму и два века в награду».
Спорят однако о чем? Касто́р ли ловчей или Долих?
Аппия ль лучше доро́гой, Минуция ль ехать в Брундизий?
Кто от затрат на любовь обнищал, кто от пагубной кости,
Щеголем кто выше средств одевается, мажется нардом,
Жаждою кто одержим серебра ненасытной, а также
Бедности кто избегает, стыдится, — того друг богатый,
Пусть хоть десятком пороков он сам одарен, ненавидит
Иль, не гнушаясь его, опекает, как матерь родная
Так, чтоб умней он его был, и доблестью превосходил бы,
Правду почти говоря: — «Не тянись ты за мной — мои средства
Глупость выносят мою, состоянье ж твое маловато:
Узкая тога прилична клиенту разумному — брось же
Спорить со мной». Евтрапел, кому вред принести он захочет,
Тем дорогие дарил одеянья: «Счастливец ведь примет

С кучею туник прекрасных и новые планы, надежды;
Будет он спать до полудня, служение честное ставить
Ниже блудниц, понакопит долгов; под конец же фракийцем
Станет, иль клячу гонять огородника будет по найму».
В тайнах патрона, смотри, никогда не пытайся ты шарить,
Все, что он вверил, таи, хоть терзает вино или злоба.
Собственных склонностей сам не хвали и его — не порочь ты
Хочет охотиться он — ты стихов не кропай в это время.
Братьев ведь так близнецов — Амфиона и Зета — распалась
Дружба, пока, наконец, ненавистная строгому Зету,
Лира не смолкла. И как Амфион уступил, по преданью,
Прихоти брата, — и ты уступай повелениям мягким
Сильного друга. Когда, этолийской работы тенета
На спину мулам взвалив, с собаками в поле идет он,
Встать не ленись, отгони неприветной Камены угрюмость,
С ним чтобы вместе поесть трудами добытое мясо.
Дело то римским мужам привычно, полезно для славы,
Жизни, для силы твоей, тем боле — здоров ты вполне ведь:
В беге и пса превзойти, а в силе и вепря ты мог бы.
Далее, нет никого, кто б с оружием мужа справлялся
Лучше тебя; знаешь сам, какой зрителей крик, вкруг сидящих,
Стойкость встречает твою в сраженьях на Марсовом поле;
Отроком ты на войне Кантабрской уже подвизался;
Тот был вождем, кто теперь снимает знамена с парфянских
Храмов и земли обрек остальные оружию римлян.
Помни о том, чтоб тебе не отсутствовать, не уклоняться
Без оправданья: хоть ты ничего против правил не делал,
Как говоришь, но порой в именьи отца ты играешь:
В лодки садятся войска из отроков, будто враждебных,
Ты — предводителем; вновь при Акции битва ведется;
Брат твой — противник, а пруд — море Адрия; вплоть до того, как
Ветвью из вас одного, примчась, увенчает Победа.
Раз он уверится в том, что сочувствуешь ты его вкусам,
Пальцами будет двумя он твое одобрять развлеченье.
Чтоб тебя дальше учить (если нужен учитель) — совет мой:
Чаще ты взвешивай, что и кому говоришь обо всяком.
От любопытного прочь убегай, ибо он и болтун ведь;
Жадно открытые уши не держат доверенной тайны;
Выпустил только из уст — и летит невозвратное слово.
Сердце не ранит тебе ни одна пусть служанка, ни отрок,

Мраморный только порог перешел ты почтенного друга,
Чтобы красавца-юнца или девочки милой хозяин
Даром ничтожным тебя не счастливил иль, хмурясь, не маял.
Другу кого представляешь, еще и еще осмотри ты,
Стыд чтоб потом на тебя за чужие не пал прегрешенья.
Впав в заблужденье, порой недостойного мы предлагаем;
Брось, коль обманут, того защищать, что виной своей сгублен,
Чтобы того уберечь, кто — известный вполне — заподозрен,
Взяв под защиту твою, на которую он уповает.
Если кого-нибудь зуб Феонов грызет, ты не чуешь —
То же несчастье тебя в скором времени может постигнуть.
Дело о скарбе твоем, стена коль горит у соседа
(Бóльшую силу берет пожар, коль его ты запустишь).
Сладко — неопытный мнит — угождение сильному другу,
В опытном — будит то страх. Пока в море открытом корабль твой,
Будь начеку; изменясь, не унес бы назад тебя ветер.
Грустным веселый претит; ненавидят веселые грустных,
Медлящих — те, что спешат, а вялые — бойких, подвижных;
Пьющие (те, что фалерн до полуночи пить начинают,
Пьяницы) — тех, что бокал, предложенный им, отвергают,
Сколько б ни клялись, что на ночь боятся вином разогреться.
Облако прочь от бровей отгоняй: ведь обычно, кто скромен,
Скрытным считается тот; молчаливый — суровым судьею.
Ты в положении всяком ученых читай, поучайся:
Способом можешь каким свой век провести ты спокойно,
Так, чтоб тебя не томили: всегда ненасытная алчность,
Страх потерять иль надежда добыть малонужные вещи;
Доблесть науки ли плод, иль природное то дарованье;
Что уменьшает заботы, тебя примиряет с собою;
Что обеспечить покой способно: почет и достаток,
Иль обособленный путь и жизни безвестной тропинка.
Всякий ведь раз, как меня восстановят Дигенции хладной
Вóды, что поят крестьян Мандéлы, дрожащих от стужи,
Что я, мой друг, ощущаю, о чем, полагаешь, молюсь я?
Будет пускай у меня, что уж есть, даже меньше, и пусть бы
Прожил я век остальной, как хочу, коль продлят только боги;
Был бы лишь добрый запас мне и книг и провизии на год,
Чтоб суеты я не знал, неуверенный в часе ближайшем. . .
Впрочем, довольно просить, что Юпитер дарит и уносит:
Жизнь лишь и средства пусть даст — сам душе я покой уготовлю!

КНИГА ПЕРВАЯ

19

Древнему веришь коль ты, Меценат просвещенный, Кратину,
Долго не могут прожить и нравиться стихотворенья,
Раз их писали поэты, что воду лишь пьют. И как только
Либер поэтов-безумцев к Сатирам и Фавнам причислил,
Стали с утра уж вином попахивать нежные Музы.
Славя вино, сам Гомер себя в дружбе с вином уличает;
Даже и Энний-отец бросался оружие славить,
Выпив всегда. — «Я колодец Либона и форум доверю
Людям непьющим, но песни слагать запрещу я серьезным».
Только он это изрек, — неотступно поэты все стали
Пить вперепой по ночам, перегаром воняя наутро.
Что ж? Если б кто-нибудь, дикий, пытался представить Катона
Взором суровым, ногой необутой и тогой короткой,
Разве явил бы он тем и характер и доблесть Катона?
Так, Тимагена соперник в речах, надорвался Иарбит,
Стать остроумцем стремясь и красноречивым считаться.
Манит примером порок, легко подражаемый: стань я
Бледен случайно, они б уже тмин все бескровящий пили.
О подражатели, скот раболепный, как суетность ваша
Часто тревожила желчь мне и часто мой смех возбуждала!
Первый свободной ногой я ступал по пустынному краю,
Я по чужим ведь стопам не ходил. Кто в себя только верит,
Тот — предводитель толпы. Ибо первый паросские ямбы
Лацию я показал; Архилоха размер лишь и страстность
Брал я, не темы его, не слова, что травили Ликамба.
Ты же не должен венчать меня листьями мельче за то, что
Я убоялся менять размеры и строй его песен.
Музу свою подчиняет стопе Архилоха и Сафо,
Также Алкей, не сходясь в содержаньи и расположеньи:

Он не стремится пятнать словами чернящими тестя,
Песней бесславящей он невесте петли не свивает.
Музу его, что никто не воспел, я из лириков римских
Первый прославил: несу неизвестное всем и горжусь я —
Держат, читают меня благородные руки и очи.
Хочешь ты знать, почему читатель стихи мои до́ма
Хвалит и любит, когда ж за порогом, лукавый, хулит их?
Я не охочусь совсем за успехом у ветреной черни,
Трат не несу на пиры и потертых одежд не дарю я.
Слушатель я и поборник писателей славных; считаю
Школы грамматиков все обходить для себя недостойным.
Вот где источник их слез. «Недостойные полных театров
Стыдно творенья читать, пустякам придавая значенье»,
Я говорю, а они: «Не смеши — для Юпитера слуха
Ты их хранишь, ибо мед поэтический ты источаешь
Будто б один, себе милый. . .» — Но нос задирать тут боюсь я;
Ноготь чтоб острый борца не поранил меня, восклицаю:
«Место не нравится мне для борьбы!» — и прошу перерыва.
Ибо рождает игра и горячие споры и злобу;
Злоба — жестокий раздор и во́йны, несущие гибель.

20

Кажется, книжка, глядишь на Вертумн и на Януса свод ты —
Хочешь стоять на виду, знать, приглажена Сосиев пемзой.
Ты ненавидишь замки и печати, приятные скромным;
Стонешь ты в тесном кругу и места многолюдные хвалишь,
Вскормлена хоть и не так. Избегай, куда тянет, спуститься:
Выпущу лишь — и не будет возврата. — «Несчастная, что ж я
Сделала, скажешь, чего я хотела?» — как будешь в обиде.
Помни — свернуться должна, лишь устанет, пресытясь, любовник.
Если пророк не дурит, упрямством твоим недовольный,
Будешь ты Риму мила, пока не пройдет твоя младость;
После ж, руками толпы захватана, станешь ты грязной,
Непросвещенную моль молчаливо кормить будешь, или
Скроешься в Утику ты иль, сковав, тебя вышлют в Илерду.
Будет смеяться советчик, кому ты не вняла; как в басне
Тот, что на скалы столкнул осленка упрямого в гневе:
Кто ж, в самом деле, того, кто не хочет, спасать бы трудился?
Вот что еще тебя ждет: пока будешь ребят обучать ты
Чтенью в предместьях глухих, тебя старость гугнивая схватит.
В вешние дни, когда солнце ушей привлечет к тебе больше,
Ты расскажи, что я — сын отпущенца, при средствах ничтожных
Крылья свои распростер, по сравненью с гнездом, непомерно:
Род мой насколько умалишь, настолько умножишь ты доблесть;
Первым я Рима мужам на войне полюбился и дома,
Малого роста, седой преждевременно, падкий до солнца,
Гневаться скорый, однако легко умиряться способный.
Если ж о возрасте кто-нибудь спросит тебя, то пусть знает:
Прожито мной декабрей уже полностью сорок четыре
С года того, когда Лоллий в товарищи Лéпида выбрал.

КНИГА ВТОРАЯ

Множество, Цезарь, трудов тяжелых выносишь один ты:
Рима державу оружьем хранишь, добронравием красишь,
Лечишь законами ты: я принес бы народному благу
Вред, у тебя если б время я отнял беседою долгой.
Ромул и Либер-отец и с Кастором Поллукс, что, свершивши
Подвиги, в храмах к богам причтены были, в те времена как
Круг заселяли земной поколеньем людей, укрощали
Тяжкие войны, поля отводили и строили грады, —
Сильно пеняли, что им, на заслуги в ответ, не явили
Должного благоволенья. И тот, что ужасную гидру,
Столько чудовищ себе покорил, на труды обреченный,
Также постиг, что одной только смертью смиряется зависть.
Жжет ибо блеском своим, кто таланты других затмевает,
Ниже стоящих: любовь он, когда уж угаснул, заслужит.
Почести только тебе уделяем мы щедро при жизни,
Ставим тебе алтари, чтобы клясться тобою, как богом,
Веря — ничто не взойдет тебе равное и не всходило.
Мудрый, однако, в одном и правый народ твой, что отдал
Он предпочтенье тебе пред вождями и Рима и греков,

Прочее мерит не так же разумно, не тою же мерой:
Все — исключая лишь то, что, он видит, рассталось с землею,
Или свой отжило век — претит ему иль ненавистно;
Предан он так старине, что против преступников доски
Те, что нам десять мужей освятили, царей договоры
С общиной Габиев или сабинян суровых, и книги
Высших жрецов, и пророков старинные свитки —
Все на Албанской горе изрекли, утверждает он, Музы.
Если ж, имея в виду, что у греков чем были древнее,
Лучше тем были поэмы, и мы на весах станем тех же
Взвешивать римских поэтов, — то не́ о чем нам препираться:
Косточек нет у маслин, и нет скорлупы у ореха!
Мы уж достигли ведь счастья вершин; умащенных ахейцев
Выше мы в живописаньи, в борьбе, в песнопеньи под лиру.
Если, как вина, стихи время делает лучше, хотел бы
Знать я, который же год сочинению цену поднимет.
Если писатель всего только сто лет назад тому умер,
Должен быть он отнесен к совершенным и древним, иль только
К новым, неценным. Так пусть нам срок устранит пререканья.
«Древний, добротный — лишь тот, кому сто уже лет после смерти».
Что же? А тот, кто погиб лишь месяцем позже иль годом —
Должен он будет к каким отнесен быть? К поэтам ли старым,
К тем ли, на коих плюет и теперешний век и грядущий?
— «С честию будет причтен к поэтам старинным и тот, кто
Месяцем только одним или целым хоть годом моложе».
Пользуясь тем (из хвоста я как будто у лошади во́лос
Рву понемногу), один отниму и еще отнимать я
Стану, пока не падет, одураченный гибелью кучи,
Тот, кто глядит в календарь и достоинство мерит годами,
Чтит только то, на что Смерть святыни печать наложила.
Энний, что мудр и могуч был, Гомером вторым величался
(Критики так говорят), — заботился, видимо, мало,
Чем Пифагоровы сны и виденья его завершатся.
Невий в руках не у всех? Разве в память засел он не твердо,
Свежий почти? До того все поэмы, что древни, священны!
Спор заведут лишь о том, кто кого превосходит, получит
Славу «ученого» старца Пакувий, «высокого» — Акций;
Тога Афрания впору была, говорят, и Менандру,
Плавт по примеру спешит сицилийца всегда Эпихарма,
Важностью всех побеждает Цецилий, искусством — Теренций.

Учит их всех наизусть и их, в тесном театре набившись,
Смотрит влиятельный Рим и их чтит, причисляя к поэтам,
Вплоть до наших времен от писателя Ливия века.
Правильно смотрит толпа иногда, но порой погрешает.
Если поэтам она удивляется древним, их хвалит,
Выше и равным не чтит никого, то она в заблужденьи;
Если ж иное она чересчур устаревшим считает,
Многое грубым у них признает, а иное и вялым, —
Судит разумно, со мной, по Юпитера благоволенью.
Я не преследую, знай, истребить не считаю я нужным
Ливия песни, что, помню, драчливый Орбилий когда-то,
Мальчику, мне диктовал. Но как безупречными могут,
Чудными, даже почти совершенством считать их, — дивлюсь я.
Если же в них промелькнет случайно красивое слово,
Есть хоть один иль другой там стих благозвучный немного:
Всю он поэму ведет, повышает ей цену бесправно.
Я негодую, когда не за то порицают, что грубо
Сложено иль некрасиво оно, а за то, что — недавно,
Требуют чести, награды для древних, а не снисхожденья.
Но усомнился б я в том лишь, в праве ль комедии Атты
Сцену в шафране, в цветах попирать, все отцы закричали б —
Стыд мол утратил я, раз порицать покушаюсь я пьесы
Те, что и важный Эзоп, и Росций искусный играли;
Иль потому, что лишь то, что нравится, верным считают,
Или позор видят в том, чтоб суждениям младших поддаться,
Старцам признать, что пора позабыть, чему в детстве учились.
Кто же и Салиев песнь восхваляет, стремясь показать всем,
Будто он знает один то, что нам непонятно обоим, —
Тот рукоплещет, совсем не талант одобряя усопших:
Нет, это нас он лишь бьет, ненавидя все наше, завистник.
Если б и грекам была новизна, как и нам вот, противна,
Что же тогда бы теперь было древним? И что же могли бы
Все поголовно читать и трепать, сообща потребляя?
Кончивши вóйны, тотчас начала пустякам предаваться
Греция; впала в разврат, лишь счастье послала Фортуна;
Страсть к состязаньям коней иль атлетов зажглась в ней; то стали
Милы ваятели ей из мрамора, кости иль меди;
То устремляла и взоры, и мысли к прекрасным картинам,
То приходила в восторг от флейтистов, актеров трагедий;
Словно глупышка-девчурка под няни надзором играет:

Жадно что схватит сейчас, пресытившись вскоре отбросит.
Мирные те времена принесли и попутные ветры.
Долго был в Риме благой обычай вставать спозаранку,
Дверь отпирать и клиентам давать разъясненья законов,
Деньги отвешивать в долг, надежным лицом обеспечив,
Старших выслушивать, младшим о том говорить, как достаток
Вырасти может и страсть, что убытки влечет, уменьшиться.
Пусть ненавистно иль мило, — но что ж неизменным ты счел бы?
Вот изменил уж народ неустойчивый мысли и пышет
Страстью одной — сочинять: и отцы с строгим видом, и дети,
Кудри венчая плющом, произносят стихи за обедом.
Сам я, хотя уверяю: «Стихов никаких не пишу я»,
Хуже парфян уж лгуном оказался: до солнца восхода
Встану лишь, требую тотчас перо и бумагу, и ларчик.
Тот, кто не сведущ, корабль боится вести, и больному
Дать абротóн не дерзнет, кто тому не учился, леченье —
Дело врачей; и искусств творенья творит лишь художник;
Мы же, — учен, неучен, — безразлично, поэмы все пишем.
Но в увлеченьи таком и в безумии легком какие
Есть добродетели, ты посмотри: едва ли поэты
Жадны, но только стихи они любят и к ним лишь пристрастны;
Будят лишь смех в нем убытки, и бегство рабов, и пожары;
Он не замыслит надуть компаньона, ребенка-сиротку;
Может он хлебом простым и стручьями только питаться;
Пусть до войны неохоч и негож, но полезен он граду,
Если согласен ты с ним, что большому и малое в помощь.
Нежных ребяческих уст лепетанье поэт исправляет,
Слух благовременно им от речей отвращает бесстыдных;
После же дух воспитает им дружеским он наставленьем,
Душу исправит, избавив от зависти, гнева, упрямства;
Доблести славит дела и благими примерами учит
Годы грядущие он; и больных утешает, и бедных.
Чистые мальчики где с непорочными девами взяли б
Слов для молитвы, когда б не послала им Муза поэта?
Молит о помощи хор и чует присутствие вышних,
Просит дождей он, богов ублажая мольбой, что усвоил,
Гонит опасности прочь, отвращает угрозы болезней,
Мирного он жития и плодов изобилья испросит:
Песня смягчает богов и вышних равно, и подземных.
Встарь земледельцы — народ и крепкий, и малым счастливый —

Хлеб уберут лишь с полей, облегчение в праздник давали
Телу и духу, труды выносившим в надежде на отдых:
С теми, кто труд разделял, и с детьми, и с супругою верной
В дар молоко приносили Сильвану, Земле — поросенка,
Гению — вина, цветы за заботу о жизни короткой.
В праздники эти вошел Фесценнин шаловливых обычай:
Бранью крестьяне в стихах осыпали друг друга чредою.
С радостью вольность была принята, каждый год возвращаясь
Милой забавой, пока уже дикая шутка не стала
В ярость открыто впадать и с угрозой в почтенные семьи
Без наказанья врываться. Терзались, кто зубом кровавым
Был уязвлен уж; и кто не задеты, за общее благо
Были тревоги полны; но издан закон наконец был:
Карой грозя, запрещал он кого-либо высмеять в злобной
Песне, — и все уже тон изменили, испуганы казнью,
Добрые стали слова говорить и приятные только.
Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,
В Лаций суровый внеся искусства; и так пресловутый
Стих сатурнийский исчез, неуклюжий, — противную вязкость
Смыло изящество; всё же остались на долгие годы,
Да и по нынешний день деревни следы остаются.
Римлянин острый свой ум обратил к сочинениям греков
Поздно; и лишь после войн с Карфагеном искать он спокойно
Начал, что пользы приносят Софокл и Феспис с Эсхилом;
Даже пытался и пьесы достойно их он обработать;
Тем угодил себе он, по природе возвышенный, пылкий:
Дышит трагическим духом и счастлив, и смел он довольно,
Но неразумно боится отделки, считая постыдной.
Кажется, — если сюжет обыденный, то требует пота
Меньше всего; между тем в комедии трудностей больше.
Ибо прощают ей меньше гораздо. Заметь ты, насколько
Плавт представляет характер влюбленного юноши плохо,
Также и скряги-отца, и коварного всадника роли;
Как он, Доссенну подобный, выводит обжор-паразитов,
Как он по сцене бежит, башмак завязать позабывши:
Ибо он жаждет деньгу лишь в сундук опустить, не заботясь
После того, устоит на ногах иль провалится пьеса.
Тех, кто на сцену взнесен колесницею ветреной Славы,
Зритель холодный мертвит, а горячий опять вдохновляет.
Так легковесно, ничтожно все то, что тщеславного мужа

Может свалить и поднять. . . Прощай, театральное дело,
Если, награды лишен, я тощаю, с наградой — тучнею.
Часто и смелый поэт, устрашенный, бежит от театра,
Ибо — сильнее числом, а доблестью, честью слабее —
Неучи все, дураки, что решить дело дракой готовы,
Всадник коль против того, — посреди они пьесы вдруг просят,
Дай им медведя, бойца: вот этих народец так любит!
Впрочем, у всадников тоже от уха к блуждающим взорам
Переселились уж все наслажденья, к забавам пустячным.
Тут на четыре часа открывают завесу иль больше:
Конницы вот эскадрон, пехоты отряды несутся,
Тащат несчастных царей, назад закрутивши им руки;
Вот корабли, колесницы спешат и кареты, коляски:
Тащат слоновую кость и добычу при взятьи Коринфа.
Если б был жив Демокрит, посмеялся б наверно тому он,
Как это помесь пантеры с верблюдом, животным ей чуждым,
Или пусть белый то слон, привлекают вниманье народа;
С бо́льшим бы он любопытством смотрел на народ, чем на игры,
Ибо ему он давал бы для зрелища больше гораздо;
«Драм сочинители — он бы наверно подумал — осленку
Басенку бают глухому». Каким голосом, право, было б
Шум одолеть вмоготу, что народ наш поднимет в театре?
«Воет — сказал бы он — лес то Гарганский иль Тусское море» —
Смотрят все с гамом таким на борцов, на искусство богатых
Тканей из стран иноземных: как только окутанный ими
Станет на сцену актер, — ладоши сейчат же бушуют.
«Что-нибудь он уж сказал? —Да ни слова.— «Так нравится что ж им?»
— Шерсть, что окрашена в пурпур тарентский с оттенком фиалок.—
Ты не подумай однако, что, если другие удачно
Сделают то, чего сам не могу, я хвалить буду скупо:
Знай — как того, что ходить по веревке натянутой может,
Чту я поэта, когда мне вымыслом грудь он стесняет,
Будит волненье, покоит, иль ложными страхами полнит,
Словно волшебник несет то в Фивы меня, то в Афины.
Долю вниманья и тем удели, что читателю лучше
Ввериться склонны, чем несть униженья от зрителей гордых,
Если желаешь ты храм Аполлона достойно наполнить
Книгами и заодно уж пришпорить и бодрость поэтов,
Так чтоб охотнее в рощи они Геликона стремились.
Правда, поэты, мы сами творим много зла себе часто:

КНИГА ВТОРАЯ

Свой виноградник рублю, если только тебе подношу я
Книгу, когда ты устал или занят; когда мы в обиде,
Если один хотя стих из друзей кто дерзнул не одобрить,
Иль, хоть не просят, места, что читали уж, вновь повторяем;
Сетуем мы, что труды наши, наши поэмы встречают
Мало вниманья, хотя мы их ткали из нитей тончайших;
Льстимся надеждой — прийдет мол пора, когда только узнаешь
Ты, что стихи мы плетем, — без прошения нашего даже,
Сам призовешь, от нужды обеспечишь, принудишь писать нас.
Стоит, однако, узнать нам, какие служители нужны
Доблести той, что мы зрели и в войнах, и в мирное время,
Ибо не должно ее доверять недостойным поэтам.
Правда, царю угодив Александру, Херил пресловутый,
Скверный поэт, за стихи плохие, без всякой отделки,
Много в награду монет получил золотых македонских.
Все же, подобно тому как, коснувшись чернил, оставляют
Руки пятно иль заметку, поэты стихами дрянными
Подвиг блестящий чернят. Но царь тот же самый, который
Так расточительно щедро платил за смешную поэму,
Издал указ, что писать портреты царя Александра
Лишь одному Апеллесу, ваять же фигуры из меди
Только Лисиппу давал разрешенье. Но, если б призвал ты
Тонкого столь знатока искусств, постигаемых глазом,
Высказать мненье о книгах и этих творениях Музы,
Ты бы поклялся, что он из туманной Беотии родом.
Но не позорят тебя сужденья твои о поэтах,
Как и дары, что они с одобрения всех получили,
Оба любимых тобою поэта: Вергилий и Варий;
Ибо не ярче лицо в изваянии медном, чем мысли,
Чувства все славных мужей отраженья находят в созданьях
Вещих поэтов. И сам не желал бы я лучше беседы
Низменным слогом писать, чем песни слагать о великих
Подвигах, разные земли и реки, на горных высотах
Замки и варваров царства в стихах петь и войны, которым
Властью твоею конец на круге земном уж положен,
Януса храм запертой — божества-охранителя мира,
Страх перед Римом, парфянам внушенный твоим управленьем,
Если бы, сколько желанья, имел я и сил; но не терпит
Маленьких песен величье твое; и претит моя совесть
Труд на себя возложить, что исполнить откажутся силы.

Но и усердье лишь в тягость тому, кого глупо полюбит,
Если в стихах иль в другом искусстве себя проявляет:
Ибо заучит скорей и запомнит охотнее каждый
То, что насмешку, чем то, что хвалу, прославленье содержит.
Я вот ничуть не гонюсь за услугой, что мне только в тягость:
Вылит из воска, с лицом искаженным, нигде выставляться
Я не хочу и в стихах красоваться, коряво сплетенных,
Чтоб не пришлось мне краснеть за подарок бездарный и после,
Вместе с поэтом моим в закрытом ларце распростершись,
Быть отнесенным в квартал, продающий духи и куренья,
Перец и всё, чему служат негодные книги оберткой.

КНИГА ВТОРАЯ

2

Флор, неизменнейший друг Нерона, что доблестью славен,
Если б, желая продать тебе кто-нибудь отрока, родом
Или из Тибура, или из Габий, сказал тебе так бы:
«Видишь, вот этот блестящий красавец, до пят от макушки,
Станет и будет твоим только за восемь тысяч сестерций;
Он — доморосток, привык услужать по кивку господина.
Греческой грамоты малость впитал и на всякое дело
Годен: что хочешь лепи себе из него, как из глины.
Даже недурно поет: неискусно, но пьющим — приятно.
Много посулов ведь веру к тому подрывают, который
Хвалит товар чересчур, лишь сбыть его с рук замышляя.
Крайности нет у меня — на свои я живу, хоть и беден.
Так ни один продавец не поступит с тобой, и другому
Дешево так не отдам. Только раз он забыл приказанье
И, как бывает, плетей испугавшись, под лестницу скрылся».
Деньги отдай, коль побег, что не скрыл он, тебя не смущает.
Думаю, плату возьмет, не боясь он, что пеню заплатит:
Зная порок, покупал ты раба и условья ты слышал.
Что же преследуешь ты его, тяжбой неправой тревожишь?
Также и я ведь сказал пред отъездом твоим, что ленив я,
Чуть не калека, сказал, для таких я услуг, — чтоб не слишком
Строго меня ты бранил, коль в ответ тебе писем не будет.
Польза какая ж была в том, коль ты нападаешь на право?
Право стоит за меня! Даже сетуешь ты и на то, что
Песен — обманщик — тебе, ожидаемых долго, не шлю я.
Как-то Лукуллов солдат сбережения все, что путем он
Многих лишений скопил, потерял до единого асса,
Ночью усталый храпя. Тут волком свирепым, озлобясь
Сам на себя, на врага, зубами голодными грозный,
Он, говорят, гарнизон целый выбил из крепости царской,

Полный огромных богатств и весьма укрепленный. Деяньем
Этим прославясь, украшен дарами почетными был он;
Кроме того получил он еще двадцать тысяч сестерций.
Вскоре затем, пожелав какую-то крепость разрушить,
Претор солдата того ж уговаривать стал, обратившись
С речью такой, что могла бы и трусу прибавить отваги:
«Друг мой, иди, куда доблесть зовет, отправляйся в час добрый —
Так ты заслужишь награду великую. Что же стоишь ты?»
Выслушав, тот отвечает хитро, хоть и был неотесан:
«Тот куда хочешь пойдет, — говорит, — кто кушак потерял свой».
В Риме воспитан я был, и мне довелось научиться,
Сколько наделал вреда ахейцам Ахилл, рассердившись.
Дали развития мне еще больше благие Афины, —
Так что способен я стал отличать от кривого прямое,
Истину-правду искать среди рощ Академа-героя.
Но оторвали от мест меня милых годины лихие:
К брани хотя и негодный, гражданской войною и смутой
Был вовлечен я в борьбу непосильную с Августа дланью.
Вскоре от службы военной свободу мне дали Филиппы:
Крылья подрезаны, дух приуныл; ни отцовского дома
Нет, ни земли — вот тогда, побуждаемый бедностью дерзкой,
Начал стихи я писать. Но когда я имею достаток
Полный, какие могли б исцелить меня зелия, если б
Лучшим не счел я дремать, чем стихов продолжать сочиненье?
Годы бегут, и у нас одно за другим похищают:
Отняли шутки, румянец, пирушки, любви шаловливость;
Вырвать теперь и стихи уж хотят: что писать мне велишь ты?
Люди одно ведь и то же не все уважают и любят:
Одами тешишься ты, другого же радуют ямбы,
Биона речи — иных, с его едкою, черною солью.
Трое гостей у меня — все расходятся, вижу, во вкусах,
Разные нёба у них, и разного требует каждый.
Что же мне дать? Что не дать? Просит тот, чего ты не желаешь;
То, что ты ищешь, совсем уж претит и другим ненавистно.
Кроме того, неужели ты мнишь, что могу я поэмы
В Риме писать среди стольких тревог и таких затруднений?
Тот поручиться зовет, тот выслушать стихотворенье,
Бросив дела все; больной тот лежит на холме Квиринальском,
Тот на краю Авентина — а нужно проведать обоих!
Видишь, какие концы? И здоровому впору! — «Однако

Улицы чистые там, и нет помех размышленью».
Тут поставщик, горячась, мулов и погонщиков гонит;
То поднимает, крутясь, тут ворот бревно или камень;
Бьется средь мощных телег похоронное шествие грустно;
Мчится там бешеный пес, там свинья вся в грязи пробегает:
Вот ты иди и слагай про себя сладкозвучные песни.
Любит поэтов весь хор сени рощ, городов избегает;
Вакха любимцы они и в тени любят сном наслаждаться:
Ты же стремишься, чтоб я среди шума дневного, ночного,
Песни слагая, ходил за поэтами узкой тропою.
Я, что избрал себе встарь Афины спокойные, ум свой
Целых семь лет отдавал лишь наукам, состарился, думы
В книги вперив, — я хожу молчаливее статуи часто,
Смех возбуждаю в народе: ужели же здесь средь потоков
Дел и невзгод городских для себя я признал бы удобным
Песни в стихах сочинять, согласуя со звуками лиры?
В Риме юриста подбил один ритор, чтоб оба повсюду
Только хвалы лишь одни в речах возносили друг другу,
Тот был бы этому Гракх, тому ж был бы Муцием этот.
Разве не так же с ума сладкогласные сходят поэты?
Песни слагаю вот я, он — элегии: дива достойны
Наши творенья чеканкой всех Муз девяти. Посмотри же,
Как мы спесиво идем и с каким мы напыщенным видом
Взор устремляем на храм просторный для римских поэтов!
Вскоре затем, коль досуг, последи и в сторонке послушай,
Что принесли, почему же венок себе каждый сплетает.
Бьемся в упорном бою, как самниты, до первой лампады;
Точно ударом платя за удар, мы врага изнуряем.
Мненье его — я Алкеем ушел, а мое так — он кем же?
Кем, если не Каллимахом? Потребуют большего если,
Станет Мимнермом тотчас, величаясь желанным прозваньем.
Много терплю, чтоб смягчить раздражительных племя поэтов,
Если пишу я стихи и ловлю одобренье народа;
Кончив же труд и опять рассудок себе возвративши,
Смело могу я заткнуть для чтецов открытые уши.
Смех вызывают всегда стихоплеты плохие, однако
Тешатся сами собой и себя за поэтов считают;
Пусть ты молчишь — они всё, что напишут, блаженные, хвалят.
Тот, кто желает создать по законам искусства поэму,
Должен с дощечками взять себе цензора честного мысли.

Все без различья слова, в коих блеска почти не осталось,
Те, что утратили вес, недостойными признаны чести,
Смело он выгонит вон, хоть уходят они неохотно.
Пусть хоть поныне они бы вращались в святилище Весты;
Те, что во тьме уж давно для народа, он честно откроет;
Выведет снова на свет много óбразных слов для предметов:
Встарь понимали их часто Катоны, Детеги, а ныне
Плесень уродует их, покрывая забвения прахом;
Новые примет слова, что создал родитель-обычай.
Мощный и чистый, реке прозрачной подобный, он будет
Сыпать сокровища слов, языком богатить будет Лаций;
Пышные слишком обрежет, бугристые здравым уходом
Сделает глаже, а те, что утратили силу, поднимет;
Будет он с виду играть, хоть и мучится так же, как всякий
Скачущий, будто Сатир, или пляшущий пляску Циклопа.
Я предпочел бы казаться безумным поэтом, негодным,
Лишь бы плохое мое меня тешило, пусть и обманом,
Чем разуметь и ворчать. Жил в Аргосе, не безызвестен,
Некто; казалось ему, что он слушает трагиков дивных:
Сидя в театре пустом, аплодировал он им в восторге;
Прочие жизни дела исполнял он все образом должным:
Добрым соседом он был и хозяином гостеприимным,
Ласков с женою; умел снисходительным быть и к рабам он·
В яростный гнев не впадал, коль печать повредят у бутыли;
Он и подводной скалы избегал и открытых колодцев.
Стал он усильем родных и заботою их поправляться;
Выгнав из желчи болезнь, наконец, чемерицою чистой,
Только пришел лишь в себя: «Не спасли вы меня, а убили,
Други, — сказал он, — клянусь! Ибо вы наслажденье исторгли,
Отняли силой обман, что приятнейшим был для сознанья».
Нужно мне жизнь подчинить, значит, мудрости; бросив забавы,
Юношам все уступив, подходящие им лишь утехи,
Слов не искать для того, чтоб приладить их к струнам латинским,
Но изучать только строй и гармонию правильной жизни.
Вот почему сам себе я твержу, про себя рассуждая:
Если б не мог утолить ты обильною влагою жажду,
Ты б обратился к врачам, а о том, что чем больше скопил ты,
Тем ты и жаждешь сильней, никому не дерзаешь признаться?
Если бы рана твоя от назначенных трав или корня
Легче не стала, ведь ты избегал бы лечиться как корнем,

Так и травой, от которых нет пользы: ты слышал — «Кому лишь
Боги богатство дадут, от уродливой глупости тот уж
Будет свободен». И ты, хоть ума не прибавил нисколько,
Ставши богаче, ужель будешь верить советчикам тем же?
Если ж богатства могли б тебя сделать разумным, убавить
Алчность и трусость твою, ты тогда, без сомненья, краснел бы,
Если б жаднее тебя на земле кто-нибудь оказался.
Если же собственность — то, что на вес покупают, за деньги,
И потребленье дает тебе нечто, коль верить юристам:
Поле, что кормит тебя, ведь твое; ибо Орбий-крестьянин,
Нивы свои бороня, чтобы хлеб тебе вскоре доставить,
Чует, что ты господин. Получаешь за деньги ты гроздья,
Яйца, цыплят и хмельного кувшин: и поэтому, значит,
Мало-по-малу его покупаешь ты поле, что было
Куплено тысяч за триста сестерций, а то и дороже.
Разница где — ты давно ль оплатил, чем живешь, иль недавно?
Тот, кто купил себе землю близ Вей иль Ариции, зелень
Ест покупную в обед, хотя судит не так; покупными
Греет дровами котел себе он перед ночью холодной;
Все же своим он зовет, вплоть до мест, где посаженный тополь
Верной границей от ссор отклоняет соседей; как будто
Собственным может быть то, что в мгновенье бегущего часа,
Вследствие просьбы, покупки, насилья, иль смерти, — хозяев
Может менять и другим права уступать на владенье.
Если ж судьбой никому не дано обладанье навеки,
Вслед, как волна за волною, владельцы идут друг за другом, —
Польза какая в амбарах, в земле, иль прибавить к калабрским
Выгон луканский, когда и большое и малое косит
Орк безразлично: его ведь и золотом ты не умолишь?
Мрамор, слоновая кость, серебро и тирренские куклы,
Камни, картины и ткань, пурпурной покрытая краской —
Этого нет у иных, а иной и иметь не стремится.
Но отчего же один из братьев всем пальмовым рощам
Ирода предпочитает духи, забавы и праздность,
Брат же другой неустанно, с восхода в трудах до заката,
Землю, заросшую лесом, взрыхляет огнем и железом, —
Знает то Гений, звезду направляющий нашу с рожденья:
Бог он природы людской, умирающий одновременно
С каждым из нас; он видом изменчив: то светлый, то мрачный.
Всё, что мне нужно, себе из запаса я малого буду

Брать, и совсем не боюсь, что будет думать наследник,
Если не больше найдет, чем думал. При этом, однако,
Знать я желал бы, насколько веселый и скромный от мота
Разнится, или насколько несходен скупой с бережливым.
Разница есть — ты, как мот, расточаешь свое иль затраты
Сделать непрочь и стяжать еще больше, не силясь; вернее,
Словно как мальчик во дни Пятидневки Минервы, бывало,
Временем радостным ты, но коротким, спешишь насладиться.
Лишь бы была далека от меня неопрятная бедность:
В малом ли мчусь корабле иль в большом—я ведь мчусь тот же самый.
Мы не летим с парусами, надутыми ветром попутным,
Все же зато не влачим мы свой век и при ветрах противных.
Силой, талантом, красой, добродетелью, честью, достатком
Мы среди первых последние, первые мы средь последних.
Ты, мол, не жаден — прекрасно. А что? Остальные пороки
Вместе уж с этим бежали? В груди твоей больше тщеславья
Нет уж пустого? И нет перед смертию страха, нет злобы?
Сны, наваждения магов, явленья природы, волшебниц,
Призрак ночной, чудеса фессалийцев ты смехом встречаешь?
Чтишь ли рождения день благородно? Прощаешь ли другу?
Мягче ль становишься ты и добрей, когда близится старость?
Легче ль тебе, коль одну лишь из многих заноз извлекаешь?
Если ты правильно жить не умеешь, дай место разумным.
Вдоволь уж ты поиграл и вдоволь поел ты и выпил:
Время тебе уходить, чтоб не в меру хмельного, поднявши
На смех, тебя молодежь не травила — ей шалость приличней.

НАУКА ПОЭЗИИ

Если бы женскую голову к шее коня живописец
Вздумал приставить и, разные члены собрав отовсюду,
Перьями их распестрил, чтоб прекрасная женщина сверху
Кончилась снизу уродливой рыбой, — смотря на такую
Выставку, други, могли ли бы вы удержаться от смеха?
Верьте, Пизоны! На эту картину должна быть похожа
Книга, в которой все мысли, как бред у больного горячкой.
Где голова, где нога — без согласия с целым составом!
Знаю: всё смеют поэт с живописцем — и всё им возможно,
Что захотят. Мы и сами не прочь от подобной свободы,
И другому готовы дозволить ее; но с условьем,
Чтобы дикие звери не были вместе с ручными,
Змеи в сообществе птиц, и с ягнятами лютые тигры!
К пышному, много собой обещавшему громко началу
Часто блистающий издали ло́скут пришит пурпуро́вый,
Или описан Дианин алтарь, или резвый источник,
Вьющийся между цветущих лугов, или Рейн величавый,
Или цветистая радуга на небе мутно-дождливом.
Но у места ль они? Ты, быть может, умеешь прекрасно
Кипарис написать? Но к чему, где заказан разбитый
Бурей корабль с безнадежным пловцом? Ты работал амфору

НАУКА ПОЭЗИИ

И вертел ты, вертел колесо, — а сработалась кружка!
Знай же, художник, что нужны во всем простота и единство.
Большею частью, Пизоны, отец и достойные дети!
Мы, стихотворцы, бываем наружным обмануты блеском.
Кратким ли быть я хочу — выражаюсь темно; захочу ли
Нежным быть — слабым кажусь; быть высоким —
впадаю в надутость!
Этот робеет и, бури страшась, пресмыкается долу;
Этот, любя чудеса, представляет в лесу нам дельфина,
Вепря плывущим в волнах! — И поверьте, не зная искусства,
Избежавши ошибки одной, подвергаешься большей!
Близко от школы Эмилия был же художник, умевший
Ногти и мягкие волосы в бронзе ваять превосходно.
В целом он был неудачен, обнять не умея единства.
Ежели я что пишу, не хотел бы ему быть подобным;
Так же как я не хочу с безобразным быть носом, имея
Черные очи или прекрасные черные кудри.
Всякий писатель предмет выбирай, соответственный силе;
Долго рассматривай, пробуй, как нóшу, поднимут ли плечи.
Если кто выбрал предмет по себе, ни порядок ни ясность
Не оставят его: выражение будет свободно.
Сила и прелесть порядка, я думаю, в том, чтоб писатель
Знал, чтó где именно должно сказать, а все прочее — после,
Где что идет; чтоб поэмы творец знал, что взять, что откинуть,
Также чтоб был он не щедр на слова, но и скуп, и разборчив.
Если известное слово, искусным с другим сочетаньем,
Сделаешь новым — прекрасно! Но если и новым реченьем
Нужно, дотоль неизвестное нечто, назвать, — то придется
Слово такое найти, чтоб неслыхано было Цетегам.
Эту свободу, когда осторожен ты в выборе будешь,
Можно дозволить себе: выражение новое верно
Принято будет, когда источник его благозвучный —
Греков прекрасный язык. Что римлянин Плавту дозволил,
Или Цецилию, — как запретить вам, Вергилий и Варий? ..
Что ж упрекают меня, если вновь нахожу выраженья?
Энний с Катоном ведь новых вещей именами богато
Предков язык наделили; всегда дозволялось, и ныне
Тоже дозволили нам, и всегда дозволяемо будет
Новое слово ввести, современным клеймом обозначив.
Как лист ына ветвях изменяются вместе с годами,

Прежние ж все облетят, — так слова в языке. Те, состарясь,
Гибнут, а новые, вновь народясь, расцветут и окрепнут.
Мы и все наше — дань смерти! Море ли, сжатое в пристань
(Подвиг достойный царя!), корабли охраняет от бури,
Или болото бесплодное, некогда годное веслам,
Грады соседние кормит, взрытое тяжкой сохою,
Или река переменит свой бег на удобный и лучший,
Прежде опасный для жатв: все, что смертно, то должно погибнуть!
Что ж, неужели честь слов и приятность их — вечно живущи?
Многие падшие вновь возродятся; другие же, ныне
Пользуясь честью, падут, лишь потребует властный обычай,
В воле которого все — и законы и правила речи!
  Всем нам Гомер показал, какою описывать мерой
Грозные битвы, деянья царей и вождей знаменитых.
Прежде в неравных стихах заключалась лишь жалоба сердца,
После же чувства восторг и свершение сладких желаний!
Кто изобрел род элегий, в том спорят ученые люди,
Но и доныне их тяжба осталась еще нерешенной.
Яростный ямб изобрел Архилох, — и низкие сокки,
Вместе с высоким котурном, усвоили новую стопу.
К разговору способна, громка, как будто родилась
К действию жизни она, к одоленью народного шума.
Звонким же лиры струнам даровала бессмертная Муза
Славить богов и сынов их, борцов, увенчанных победой,
Бранных коней, и веселье вина, и заботы младые!
  Если в поэме я не могу наблюсти все оттенки,
Все ее краски, за что же меня называть и поэтом?
Разве не стыдно незнание? стыдно только учиться?
Комик находит трагический стих неприличным предмету;
Ужин Фиеста — равно недостойно рассказывать просто
Разговорным стихом, языком для комедии годным.
  Каждой вещи прилично природой ей данное место!
Но иногда и комедия голос свой возвышает.
Так раздраженный Хремет порицает безумного сына
Речью, исполненной силы; нередко и трагик печальный
Жалобы стон издает языком и простым и смиренным.
Так и Телéф и Пелей в изгнаньи и бедности оба,
Бросивши пышные речи, трогают жалобой сердце!
  Нет! не довольно стихам красоты; но чтоб дух услаждали
И повсюду, куда ни захочет поэт, увлекали!

Лица людские смеются с смеющимся, с плачущим плачут.
Если ты хочешь, чтоб плакал и я, то сам будь растроган:
Только тогда и Телеф и Пелей, и несчастье их рода
Тронут меня; а иначе или засну я от скуки,
Или же стану смеяться. Печальные речи приличны
Лику печальному, грозному — гнев, а веселому — шутки;
Важные речи идут и к наружности важной и строгой:
Ибо так внутренно нас наперед устрояет природа
К переменам судьбы, чтоб мы все на лице выражали —
Радует что, иль гневит, иль к земле нас печалию клонит,
Сердце ль щемит, иль душа свой восторг изливает словами!
Если ж с судьбою лица у поэта язык несогласен,
В Риме и всадник и пеший народ осмеют беспощадно!
В этом есть разница: Дав говорит, иль герой знаменитый,
Старец, иль муж, или юноша, жизнью цветущей кипящий,
Знатная родом матрона, или кормилица; также
Ассириец, колхидянин, пахарь, или разносчик,
Житель ли греческих Фив, или грек же — питомец Аргоса.
Следуй преданью, поэт, иль выдумывай с истиной сходно!
Если герой твой Ахилл, столь прославленный в песнях, — да будет
Пылок, не косен и скор, и во гневе своем непреклонен,
Кроме меча своего признавать не хотящий закона.
Гордой и лютой должна быть Медея; Ино — плачевна;
Ио — скиталица; мрачен — Орест; Иксион — вероломен.
Если вверяешь ты сцене что новое, если ты смеешь
Творческой силой лицо создавать, неизвестное прежде,
То старайся его до конца поддержать таковым же,
Как ты в начале его показал, с сóбою согласным.
Трудно, однакож, дать общему личность, верней в Илиаде
Действие вновь отыскать, чем представить предмет незнакомый.
Общее будет по праву твоим, как скоро не будешь
Вместе с бездарной толпой ты в круге обычном кружиться,
Если не будешь, идя по следам, подражателем робким,
Слово за словом вести, избежишь тесноты, из которой
Стыд да и самые правила выйти назад запрещают.
Бойся начать как циклический прежних времен стихотворец:
«Участь Приама пою и войну достославную Трои!»
Чем обещанье исполнить, разинувши рот столь широко?
Мучило гору, а что родилось? смешной лишь мышонок!
Лучше стократ, кто не хочет начать ничего не по силам:

«Муза! скажи мне о муже, который, разрушивши Трою,
Многих людей города и обычаи в странствиях видел!»
Он не из пламени дыму хотел напустить, но из дыма
Пламень извлечь, чтобы в блеске чудесное взору представить:
Антифата и Сциллу, или с Циклопом Харибду!
Он не начнет Диомедов возврат с Мелеагровой смерти,
Ни Троянской войны с двух яиц, порождения Леды.
Прямо он к делу спешит; повествуя знакомое, быстро
Мимо он тех происшествий внимающих слух увлекает;
Что воспевали другие, того украшать не возьмется;
Истину с басней смешает он так, сочетавши искусно,
Что началу средина, средине конец отвечает!
Слушай, чего я хочу и со мною народ наш желает:
Если ты хочешь, чтоб зритель с минуты паденья завесы
Слушал с вниманием, молча, до слова: «Бейте в ладоши»,
То старайся всех возрастов нравы представить прилично,
Сходно с натурою, как изменяются люди с годами.
Мальчик, который уж знает значение слов и умеет
Твердо ступать по земле, — он ровесников любит и игры;
Вдруг он рассердится, вдруг и утихнет, и все ненадолго.
Юноша, коль от надзора наставника он уж свободен,
Любит коней и собак и зеленое Марсово поле;
Мягче он воска к пороку, не слушает добрых советов,
Медлен в полезном и горд, и сорит расточительно деньги;
Пылок в желаньях, но скоро любимую вещь оставляет.
Мужеский возраст с умом, изменившим наклонность с летами,
Ищет богатства, связей; он почестей раб и боится,
Как бы не сделать чего, в чем раскается, может быть, после.
Старец не знает покоя: или, несчастный, в заботах
Копит добро, иль боится прожить, что накоплено прежде;
Он хладнокровно и с робостью правит своими делами,
Ждет и надеется долго, не скоро решается, жадно
В будущем ждет исполненья, ничем недоволен, печален,
Хвалит то время, как молод он был, порицая век новый.
Годы летят и приносят многие блага, но много
Их и уносят, как жизнь начинает клониться к закату.
Юноше роль не давай старика, а мальчику — мужа.
Каждого возраста нравы — черты означают иные.
Действие или на сцене, или бывает в рассказе.
Что к нам доходит чрез слух, то слабее в нас трогает сердце,

Нежели то, что само представляется верному глазу
И чему сам свидетелем зритель. Однакож на сцене
Ты берегись представлять, что от взора должно быть сокрыто
Или что скоро в рассказе живом сообщит очевидец.
Нет, не должна кровь детей проливать пред народом Медея,
Гнусный Атрей перед всеми варить человеков утробы,
Прокна пред всеми же в птицу, а Кадм в змею превратиться:
Я не поверю тебе, и мне зрелище будет противно.
Если ты хочешь, чтоб драму твою, раз увидевши, зритель
Видеть потребовал вновь, то пять актов ей должная мера.
Но чтоб боги в нее не вступались; разве твой узел
Требует высшей их силы! Равно — в говорящих — четвертый
Лишний всегда: без него обойтись в разговоре старайся.
Хор есть замена мужского лица; ничего между действий
Петь он не должен, что к цели прямой не ведет и с предметом
Тесно не связано. Пусть ободряет он добрых, советы
Им подает, укрощает пыл гнева и гордость смиряет;
Пусть превозносит умеренный стол, справедливость святую,
Мир и закон, и врата городов безопасно отверсты;
Пусть он, поверенный тайн, умоляет богов, чтоб Фортуна
Вновь обратилась к несчастным, от гордых же прочь удалилась.
Флейта была встарину не из многих частей, съединенных
Медью в одно, как теперь, не соперница труб, но простая,
Тихим приятная звуком, ладов имея немного,
Вторить лишь хору могла и быть слышной народу, который
Было легко перечесть: на скамьях он еще не теснился,
Ибо умерен был, нравами строг, и не шумен, и скромен.
После, как тот же народ чрез победы расширил пределы
Мирных полей, как обнес он свой город обширной стеною,
В праздники начал вином утишать надменную силу:
Бо́льшая вольность вошла тут и в меру и в такт музыкальный.
Ибо как требовать вкуса от грубости жителей сельских,
Праздных невежд, с горожанами смешанных вместе? Тогда-то
Им в угождение флейтщик с простою старинной игрою
Пляску и пышность стал сочетать и ходить по помосту
В длинной одежде; и самая лира умножила звуки.
Выговор скорый тогда превратился в высокий и важный,
Стали вводить в разговор изреченья, потом прорицанья,
Так что поэт наконец говорил, как Дельфийский оракул.
Прежде трагический скромный поэт за козла состязался.

Вскоре во всей наготе стал лесных выставлять он Сатиров,
Вскоре попробовал с важностью вместе и резкую шутку,
С тем чтобы новым занять чем-нибудь, чем-нибудь да приятным.
Зрителей, после жертв приношенья всегда подгулявших.
Пусть же выводят на сцену насмешливых дерзких Сатиров,
Пусть обращают в смешное предметы и важные даже;
Только совет мой: когда бог какой представляется тут же
Или герой, перед тем появившийся в пурпуре, в злате,
То неприлично, чтоб он говорил, как в харчевне, но также,
Чтобы он, уклоняясь земли, в облаках затерялся.
Так! недостоин трагедии стих легкомысленной шутки,
Между Сатиров ей стыдно, как важной матроне, которой
Велено вместе с другими участвовать в праздничной пляске.
Будь я писатель сатир, не одни бы простые реченья,
Не одну б я любил безукрашенность речи народной,
Но не хотел бы совсем и трагедии краски оставить:
Так чтоб речь Дава всегда различалась со смелою речью
Питии дерзкой, у Симона хитро талант захватившей,
Или с речами Силена, слуги и пестуна Вакха.
Я бы составил мой слог из знакомых для всех выражений,
Так чтобы каждому легким сначала он мог показаться,
Но чтоб над ним попотел подражатель иной. Так приятность
Много зависит от связи идей, от порядка — их сила!
Если бы я был судьею, то Фавн, убежавший из леса,
Остерегся бы в нежных стихах объясняться, как щеголь,
Уличный житель, который едва не на рынке родился,
И не смел бы в стихах повторять непристойные речи,
Ибо сенатор и всадник, все люди с достатком и вкусом,
Верно, в награду венка не присудят за то, что́ похвалит
Покупатель орехов лесных иль сухого гороху.
Долгий слог за коротким — в стихах называется ямбом,
Стих ямбический быстр, оттого он и триметром назван,
Даром что в чтении он представляет нам шесть ударений.
Прежде с начала стиха до конца он был весь одинаков;
После, чтоб тише для слуха он был и казался важнее,
Ямб терпеливый отечески с важным и тихим спондеем
Право свое разделил; но с условьем таким неизменным,
Чтобы вторая с четвертой стопа — все за ним оставались.
Редко у Энния здесь, как и в триметрах Акция славных,
Встретишь спондеи. На сцене стихи, полновесные ими —

Явный поэту укор в небрежности, столь же постыдной,
Что и в поспешности или в незнании правил искусства.
Правда, не всякий в стихе замечает ошибку в паденьи,
В чем уже лишняя вольность дарована римским поэтам!
Но неужели поэтому должен я быть своевольным
И писать наудачу? Неужели, видя ошибки,
Думать спокойно о них, в безопасной надежде прощенья?
Даже и их избежав, похвалы я еще не достоин.
О, день и ночь вы, Пизоны, читайте творения греков! —
Вот образцы! «Но ведь предки хвалили ж стихи и шутливость
Плавта?» — Хвалили и то и другое! — Дивлюсь их терпенью,
Чуть не сказал я: «Их глупости!», — ежели только мы с вами
В силах умом отличить остроту от шутливости грубой,
Если и ухом и пальцами верность стиха разбираем!
Новый поэзии род, неизвестной трагической музы,
Феспис, как все говорят, изобрел, и возил на телегах
Он лицедеев своих, запачкавших лица дрожжами
И поющих стихи; но личин и одежды приличной
Изобретатель Эсхил, на подмостках театр свой взмостивши,
Слову высокому их научил и ходить на котурнах.
Вслед за Эсхилом явилась комедия старая наша;
Ей был немалый в народе успех, но вскоре свобода
Перешла в своевольство, достойное быть укрощенным:
Принят закон — и в ней хор замолчал, и вредить перестала!
Наши поэты, испробовав все, честь за то заслужили,
Что, не по греков следам, прославляли родные деянья,
Частию в важной претексте, великим лишь лицам приличной,
Частию в тоге простой, гражданина всегдашней одежде.
Лациум, сильный оружием, был бы не менее славен
Также прекрасным своим языком, когда б стихотворцам
Не было скучно и трудно опиливать чище работу.
Вы, о Помпилия кровь! Не хвалите поэмы, покуда,
Десять раз исправляя ее и долгое время,
Автор до самых ногтей не довел ее совершенства!
Пусть говорит Демокрит, что гений счастливей искусства,
Пусть здравоумных поэтов сгоняет с высот Геликона!
Многие, веря ему, отростили бороду, ногти,
И убегают людей, не ходят даже и в баню!
Как не достигнуть им славы поэтов, когда не вверяют
Никогда своей головы брадобрею Лицину,

Неизлечимой ничем — даже трех Антикир чемерицей!
О я несмысленный! Стало, напрасно весенней порою
Я очищаюсь от желчи! Если б не это, всех лучше
Я бы писал, но с условьем таким не хочу быть поэтом!
Стану же должность бруска отправлять я: сам он не режет,
Но зато он железо острит. — Сам писать я не буду,
Но открою другим, что творит и питает поэта,
Что прилично, что нет, в чем искусство и в чем заблужденье!
Прежде чем станешь писать, научись же порядочно мыслить!
Книги философов могут тебя в том достойно наставить,
А выраженья за мыслью придут уже сами собою.
Ежели знает поэт, чем обязан он родине, дружбе,
В чем родителей, братьев любовь, в чем обязанность к гостю,
В чем долг сенатора, должность судьи и в военное время
Власть предводителя войск, — несомненно тот и в поэме
Каждому может лицу дать приличные званию речи!
Нравы советую я изучать наблюдением жизни,
Из нее почерпать и правдивое их выраженье!
Часто комедия, блеском речений и верностью нравов,
Хоть и чуждая вкуса и чуждая силы искусства,
Больше народ забавляет и больше его занимает,
Нежели скудная действием, звучно блестя пустяками!
Грекам Муза дала полнозвучное слово и гений,
Им, ни к чему независтливым, кроме величия славы!
Дети же римлян учатся долго, с трудом, но чему же?
На сто частей научаются асс разделять без ошибки.
«Сын Альбина! скажи мне: если мы, взявши пять унций,
Вычтем одну, что останется?» — Третья часть асса. — «Прекрасно!
Ну, ты именье свое не растратишь! А если прибавим
К прежним пяти мы одну, что будет всего?» — Половина. —
Если, как ржавчина, в ум заберется корысть, то возможно ль
С нею стихов ожидать, в кипарисе храниться достойных?
Или полезными быть, иль пленять желают поэты,
Или и то, и другое: полезное вместе с приятным.
Если ты учишь, старайся быть кратким, чтоб разум послушный
Тотчас понял слова и хранил бы их в памяти верно!
Все, что излишне, хранить понятие наше не может.
Если ты что вымышляешь, будь в вымысле к истине близок:
Требовать веры во всем — невозможно; нельзя же живого
Вынуть из чрева ребенка, которого Ламия съела.

Старые люди не любят поэмы, когда бесполезна,
Гордые всадники — все поучения прочь отвергают.
Всех голоса съединит, кто мешает приятное с пользой,
И занимая читателя ум, и тогда ж поучая.
Книга такая и Сосиям деньги приносит; и славу,
Долгих лет славу поэту дает, и моря преплывает.
Есть и такие ошибки, в которых поэт невиновен;
И струна не всегда повинуется пальцам и слуху;
Часто звук острый она издает, хотя низкого ждешь ты,
Но не всегда ведь из лука стрела долетает до цели!
Если поэма полна красотою обильной и блеском,
То извинительны ей те пятна, которых небрежность
Или бессилье натуры людской не умели избегнуть.
Но как не сто́ит прощенья такой переписчик, который
Вечно привык на письме все к одной и все той же ошибке,
Как смешон музыкант, не в ладу все с той же струною, —
Так и небрежный поэт мне покажется тотчас Херилом;
Встретя хорошее в нем, и дивлюсь и смеюсь! Но досадно,
Если и добрый наш старец Гомер иногда засыпает!
Впрочем, в столь длинном труде иногда не вздремнуть невозможно!
Так же как живопись, нас и поэзия, сходная с нею,
Часто пленяют вблизи, иногда же в одном отдаленьи.
Эта картина прекрасна в тени, а другая, которой
Острое зренье судьи не вредит, превосходна при свете.
Эта понравится раз, а другую раз десять посмотрят.
Старший из братьев Пизонов! Хоть верен и вкус твой и разум,
И хоть голос отца для тебя превосходный наставник,
Но не забудь, что тебе я скажу! Есть предметы, в которых
Даже посредственность всеми терпима и может быть сносной.
Так юрисконсульт иной, хотя красноречия силой
Не сравнится с Мессалой, ни знаньем с Касцелием Авлом,
Но уважают его. А поэту ни люди, ни боги,
Ни столбы не прощают посредственность: всем нестерпима!
Как за приятным обедом нестройной симфонии звуки,
Запах грубых мастик, мак, смешанный с медом сардинским,
Всем досаждают затем, что обед и без них обошелся б:
Так и поэзия, быв рождена к наслаждению духа,
Чуть с совершенства сойдет, упадает на низкую степень!
Кто не искусен в бою, — уклоняется с Марсова поля,
Тот, кто ни в обруч, ни в мяч, ни в диск играть не искусен,

Тот не вступает в игру, чтоб не подняли зрители хохот;
Только несведущий вовсе в стихах их писать не стыдится.
Что же ему не писать! Он свободный, хорошего рода,
Всадничий он капитал объявил и во всем без порока.
Нет! ты не будь таковым! Не пиши без согласья Минервы!
Ты рассудителен: знаю. Когда что напишешь, то прежде
Мекия верному слуху на суд ты должен представить,
Или отцу, или мне, и лет девять хранить без показу!
Втайне свой труд продержавши, покуда он в свет не явился,
Много исправишь, а выпустишь слово, назад не воротишь!
Некогда древний Орфей, жрец богов, провозвестник их воли,
Диких людей отучил от убийств и от гнусной их пищи.
Вот отчего говорят, что и львов укротил он и тигров.
Фивские стены воздвиг Амфион: оттого нам преданье
Повествует о нем, что он лирными звуками камни
Двигал с их места, куда ни хотел, сладкогласием лиры.
Древняя мудрость в том вся была, чтоб народное с частным,
Чтоб святыню с мирским различить, дать браку уставы,
Строить грады, на древе вырезывать людям законы.
Вот оттого и божественным именем чтили поэтов,
Как и пророчеством звали их песнь! Вслед за ними, позднее,
Славный Гомер и Тиртей вспламеняли своими стихами
Бранные души. Оракулы тоже в стихах возвещались.
Глас Пиэрид и жизни указывал путь, и поэтам
Снискивал милость царей, и, работ годовых с окончаньем,
Песнью веселой народ услаждал. Не стыдитесь отныне
Лиры искусной, и голоса муз, и певца Аполлона!
Что совершенству поэмы способствует больше: природа
Или искусство? — Странный вопрос! — Я не вижу, к чему бы
Наше учение было без дара и дар без науки?
Гений природный с наукой должны быть в согласьи взаимном.
Тот, кто стремится достичь на бегу желаемой ме́ты,
В юности много трудов перенес; и потел он и зябнул,
Был он воздержан в любви и в вине. Музыкант, на Пифийских
Играх поющий — тоже учился, наставника слушал.
Ныне — довольно сказать: «Я чудесно стихи сочиняю!»
Всякий хочет вперед! Позади оставаться постыдно;
Стыдно признаться, что вовсе не знаешь, чему не учился!
Как публичный крикун скликает толпу на продажу
Разных товаров, так и поэт, богатый землями,

Деньги пускающий в рост, собирает льстецов и дарит их.
Но кто большие обеды дает, кто ручается в долге
По бедняге и моте, которому больше не верят,
Или кто плута в суде от хлопот защитит, — сомневаюсь,
Чтобы мог различить он прямого от ложного друга.
 Если кого ты дарил иль подарок кому обещаешь,
Слушать свои сочиненья его не зови: будь уверен,
Что он в радости сердца всегда закричит: «Бесподобно!»
Вне себя от восторга, он, верно, то слезы роняет,
То с восхищения вскочит, то в землю ударит ногою!
Точно наемные плаксы, обряд похорон исполняя,
Больше вопят и рыдают, чем тот, кто и вправду печален, —
Так и насмешник растроган. Не так прямодушный ценитель!
Нам говорят, что цари принуждают пить многие чаши,
Полные цельным вином, как скоро хотят откровенно
Вызнать, достоин ли дружбы кто их. — Так и ты берегися,
Если ты пишешь стихи, льстецов под наружностью лисьей!
 Если б Квинтилию ты их читал, он сказал бы открыто:
«Это и это поправь!» На ответ твой, что два иль три раза
Пробовал их исправлять, но не сладил, он скажет, что лучше
Их уничтожить совсем, и поэму всю снова под молот.
Если ж ты более любишь отстаивать спором ошибки,
Чем исправлять их, то слов понапрасну он тратить не станет;
Он замолчит, — пусть себя и стихи без соперников любишь!
 Честный и сведущий муж откровенно стих слабый заметит,
Жесткий осудит, небрежный, тростник обмакнувши в чернила,
Черным отметит крестом, украшенья пустые отбросит;
Видя неясность в стихе, выраженью принудит дать ясность;
Встретя двусмысленность, тотчас укажет, что должно исправить.
Как прямой Аристарх, он не скажет: «Зачем же мне друга
Этой безделицей так огорчать?» А безделицы эти
После к насмешкам ведут, к неприятностям более важным.
 Но, как разумные люди боятся прилипчивой сыпи
Или желтухи, а то и лишенных Дианой рассудка,
Бегая дальше от них, — так все прочь от безумца-поэта!
Только мальчишки, гоняясь за ним, неразумные, дразнят.
 Между тем как, надувшись, ревет он стихи и глазами
Водит вокруг, как в лесу птицелов, дроздов стерегущий,
Если в то время он в ров упадет иль в колодец, и кличет:
«Ай, помогите, граждане!» — никто не спасай стихотворца!

Если ж кто вздумает помощь ему оказать и опустит
Сверху веревку ему, я скажу: «Ты не знаешь: быть может
Он и нарочно упал, и не хочет оттоль!» и прибавлю
Об Эмпедокле рассказ, сицилийском поэте, который,
Богом стать вздумав, он спрыгнул спокойно в горящую Этну.
Что нам поэтов свободы лишать — погибать, как угодно!
Против воли поэта спасти — все равно, что убийство!
С ним же ведь это не в первый уж раз! И поверь: человеком
Всё он не будет, всё мысль не оставит о славной кончине!
Трудно постичь: отчего же стихи беспрестанно он пишет?
Прах ли отца осквернив, он наказан таким беснованьем?
Иль обесчестил он место, где гром разразился? — но только
Он сумасшедший! Лишь станет читать, и простяк и ученый, —
Все убегут, как от зверя, свою разломавшего клетку.
Но кого он настигнет, беда! зачитает до смерти!
Точно пиявка: пока не напьется полна, не отстанет!

КОММЕНТАРИИ

ПРИМЕЧАНИЯ *

ОДЫ

Книга первая

Ода 1. Написана в 23 году.

Размер: 1-я Асклепиадова строфа.

Ст. 9. ...*С поля ливийского...*, т. е. с северо-африканских имений.

Ст. 34. *Лира лесбийская* — стихи Сафо и Алкея, которым подражал Гораций.

Ода 2. Написана вероятнее всего в 27 году. Обращена к Августу, которого Гораций называет воплощением бога Меркурия и мстителем за смерть Юлия Цезаря.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 1—20. В пяти первых строфах говорится о явлениях природы, принимавшихся за зловещие предзнаменования и наказания за междоусобные войны.

Ст. 2. *Отец* — Юпитер.

Ст. 3. *Кремль святой* — Капитолийская крепость с храмом Юпитера.

Ст. 6. *Пирры век*, т. е. время «всемирного потопа».

Ст. 13. ...*От брегов этрусских...*, т. е. от Этрусского или Тирренского моря, откуда западный ветер загонял Тибр обратно в устье.

Ст. 15. *Дворец царя* — построен, по преданию, царем Нумом Помпилием, как и храм богини *Весты*, у подошвы Палатинского холма близ Тибра.

Ода 3. Написана в 19 году на отъезд поэта Вергилия в Грецию.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ст. 2. ...*Лучи братьев Елены — звезд...* Братья Елены, близнецы Кастор и Поллукс, сыновья Юпитера и Леды, считались покровителями моряков; знаком их покровительства было свечение концов корабельных снастей — особое явление атмосферного электричества («огни св. Эльма»). Кастором и Поллуксом называются также две главные звезды созвездия Близнецов.

Ст. 14. ...*Льющих ливни Гиад.* Начало периода видимости созвездия Гиад совпадает с периодом дождей.

---

* Собственные имена см. в Указателе. Годы без дополнительных обозначений до н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 36. *Геркулес.* Гораций имеет в виду самый трудный из подвигов Геркулеса — схождение в Аид за трехглавым псом Цербером.

Ода 4. Обращена к другу Горация Луцию Сестию.
Размер: *3-я* Архилохова строфа, больше у Горация не встречающаяся.

Ода 5. Обращена к гетере Пирре.
Размер: *3-я* Асклепиадова строфа.
В последней строфе Гораций сравнивает себя, избегнувшего любви к Пирре, с моряком, спасшимся от кораблекрушения и, по обычаю, посвятившим свою одежду богу моря Нептуну.

Ода 6. Обращена к близкому другу и помощнику Августа, полководцу Марку Рипсанию Агриппе.
Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ст. 2. *Варий.* Гораций называет современного ему поэта Вария «орлом в песнях Меонии», сравнивая его с Гомером, родиной которого часто считалась Меония (Лидия), в Малой Азии.

Ст. 6—8. *Гнев Ахилла, Путь Улисса, Пелоповы ужасы* — известные темы античной поэзии. Гнев Ахилла — тема «Илиады». Путь Улисса (Одиссея) — тема «Одиссеи». Под «Пелоповыми ужасами» разумеются события в роду мифического царя Пелопа (или Пелопса), служившие темами античных трагедий, из которых до нас дошла трилогия Эсхила «Орестея», состоящая из трех трагедий: «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Евмениды».

Ст. 14—16. Перечисляются герои Троянской войны.

Ода 7. Обращена к Луцию Мунацию Планку, известному крайней политической неустойчивостью и переходами из одной партии в другую. В конце концов он перешел на сторону Октавиана и в 27 году подал мысль о поднесении ему титула Августа.
Размер: 1-я Архилохова строфа.

Ода 8.
Размер: большая Сапфическая строфа, больше нигде Горацием не примененная.

Ст. 14. *Фетиды сын* — Ахилл, которого мать хотела уберечь от предсказанной ему гибели, переодев в женское платье и скрывая среди дочерей царя Ликомеда, где он был обнаружен Улиссом (Одиссеем) и увезен под Трою.

Ст. 15. *Ликийцы* — союзники троянцев, здесь названы вместо троянцев.

Ода 9.
Размер: Алкеева строфа.

Ода 10. Одна и ранних од. В ней Гораций воспевает Меркурия, касаясь почти всех существенных признаков этого бога. Поэт обращается к нему как к просве-

тителю людей, наделившему их даром речи, учредителю гимнастических состязаний, вестнику богов, изобретателю лиры, проказнику-вору, считавшемуся покровителем воров, проводнику и психопомпу, т. е. отводившему души умерших в Аид. О Меркурии (Гермесе) см. 3-й и 18-й Гомеровы гимны» в переводе В. Вересаева (В. В. Вересаев, Полное собрание сочинений, т. X, М. 1929).

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 13, 16. ...*Приама вел*... в стан греков *мимо Атридов* — Агамемнона и Менелая, когда Приам шел просить у Ахилла тело убитого им Гектора. См. «Илиада», XXIV, ст. 334—467.

Ст. 18. ...*Жезлом золотым*... Волшебный жезл, которым Меркурий мог усыплять и будить, дан был ему Аполлоном.

Ода 11.

Размер: 5-я Асклепиадова строфа.

Ода 12. Написана вероятно в 29 году. Обращена к Августу.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 14. ...*Всех Отцу* — Юпитеру.

Ст. 25—26 ...*Леды* — *близнецов* — Кастора и Поллукса. См. выше примеч. ко 2-му стиху 3-й оды.

Ст. 33—47. После мифических богов и героев Гораций переходит к царям и героям Рима.

Ст. 35. *Гордые пучки*, т. е. ликторские связки (fasces), как символ государственной власти.

Конец Катона. Самоубийство убежденного сторонника аристократической республики Катона Утического (в 46 году до н. э.), вызванное победой Цезаря над Помпеем, стало классическим образцом римской доблести; сам Август, по свидетельству Макробия, «всерьез восхвалял Катона».

Ст. 37. *Регул*. Марк Аврелий Регул был во время первой Пунической войны (III век до н. э.) взят в плен карфагенянами и, по преданию, отправлен ими в Рим для мирных переговоров, где выступил как ярый противник мира, за что по возвращении в Карфаген был казнен.

Ст. 45. *Марцеллов слава*. Очевидно речь идет о завоевателе Сиракуз во время второй Пунической войны (218—201 г. до н. э.) Марке Клавдии Марцелле и тезке его, племяннике Августа, которого последний усыновил и, повидимому, предназначал себе в наследники.

Ст. 47. *Юлиев звезда* — Август.

Ст. 50. *Сын Сатурна* — Юпитер.

Ода 13. Лидия, к которой обращена ода, и Телеф — вымышленные имена.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ода 14. Эту оду приводит ритор Квинтилиан (I век н. э.) как образец аллегории, в которой под кораблем разумеется римское государство (Jnst. orat

VIII, 6, 64). Время написания неизвестно, но возможно, что она относится ко времени битвы при Акциуме.
Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

Ст. 17. *О, недавний предмет помысла горького...* Гораций намекает на свои чувства после сражения при Филиппах (42 г.) и последовавшую затем перемену политических убеждений, когда он стал приверженцем Октавиана.

Ст. 20. *Меж Цикладами,* т. е. в самой опасной для плавания части Эгейского моря.

Ода 15. Эта ода — пророчество морского бога Нерея «коварному пастуху» Парису, похитившему Елену, — полна намеков на события Троянской войны.

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ода 16. К кому обращена эта ода, неизвестно, как неизвестны и те «злословия полные ямбы», о которых говорит Гораций в первой строфе.

Размер: Алкеева строфа.

Ода 17. Обращена к неизвестной нам «Тиндариде», которую Гораций считает как бы второй Еленой.
Размер: Алкеева строфа.

Ст. 18. *На теосский лад,* т. е. на Анакреонтов, так как Анакреонт был родом из Теоса.

Ода 18. Вар, к которому обращена эта ода, вероятно Квинтилий Вар, друг Вергилия и Горация, смерть которого (в 23 г.) последний оплакивает в 24-й оде первой книги.
Размер: 5-я Асклепиадова строфа.

Ст. 2. ...*Подле стен Катила.* Катил — один из основателей города Тибура.

Ст. 8. *Бой кентавров* с фессалийским племенем лапифов на свадьбе царя последних Пирифоя описан Овидием в «Метаморфозах (XII, 210 слл.).

Ст. 14. *Рог фригийский.* Вакханалии сопровождались, как и празднества в честь Кибелы, звуками фригийских рогов.

Ода 19. Гетеру Гликеру, к которой обращена эта ода, Гораций упоминает и в 30-й оде первой книги.
Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ст. 1. *Мать страстей* — Венера.

Ода 20. Написана, вероятно, около 30 года. В последней строфе перечисляются лучшие сорта вин, называвшиеся по местностям, где их выделывали.
Размер: Сапфическая строфа.

Ода 21. Написана, вероятно, в 24 году.
Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

Ст. 16. *Британцы,* как и парфяне (персы), еще не были покорены Римом.

ОДЫ

О д а 22. Обращена к другу Горация, поэту и грамматику Аристию Фуску.
Размер: Сапфическая строфа.

О д а 23. Написана 3-й Асклепиадовой строфой.

О д а 24. Эта ода к Вергилию написана в 24 году на смерть Квинтилия Вара (см. выше 18-ю оду).
Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ст. 3. *Отец* — Юпитер.

О д а 25. Настоящее имя Лидии неизвестно, также как и время написания оды.
Размер: Сапфическая строфа.

О д а 26. Обращена к другу Горация Элию Ламию. Написана в 30 году.
Размер: Алкеева строфа.

Ст. 12. *Плектр лесбийский.* Плектр (палочка, которой играли на лире или кифаре) назван лесбийским, потому что Гораций в своих размерах подражает Алкею и Сафо, жившим на острове Лесбосе.

О д а 27. Эта ода «к собутыльникам» вероятно одна из ранних од Горация.
Размер: Алкеева строфа.

Ст. 6. *Кинжал мидийский* приводится как образец «варварства». «Мидийцы», т. е. персы и парфяне, не снимали своего оружия даже на пиру.

Ст. 10—11. *Брат Мегиллы Опунтийской,* вероятно, лицо вымышленное, как и сама Мегилла.

О д а 28. Ода обращена к тени *Архиты,* философа и математика из Тарента, жившего в первой половине четвертого века до н. э. По преданию он погиб при кораблекрушении у Матинского мыса (в Апулии).
Размер: 1-я Архилохова строфа.

Ст. 1. *Песков измеритель* — указание на то, что Архите принадлежало сочинение на ту же тему, что и «Псаммит» Архимеда. (Перевод сочинения Архимеда вышел в 1934 г. в ОНТИ.)

Ст. 7. *Пелопа отец* — Тантал.

Ст. 10. *Пантоид* — сын Пантоя, Евфорб, один из героев Троянской войны. Здесь речь идет о Пифагоре, который, по преданию, уча о переселении душ, утверждал, что сам был некогда Пантоидом; он доказывал это тем, что узнал щит Пантоида, висевший в Аргосском храме Геры.

Ст. 19. *Прозерпина* — богиня подземного царства, срезала у умирающих прядь волос, после чего наступала смерть. Ср. «Энеиду» В е р г и л и я, IV, 697.

Ст. 22. *Нот* — южный ветер, назван попутчиком *Ориона,* так как при захождении этого созвездия в начале ноября начинались бури.

Ст. 29. *Нептун* назван стражем города Тарента как отец его мифического основателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ода 29. Напиоана в 25 году перед походом Элия Галла в Аравию. В этот поход собирался и друг Горация Икций, к которому обращена эта ода.

Размер: Алкеева строфа.

Ода 30. К Венере. Перечислены места культа Венеры: остров *Кипр*, карийский город *Книд и Паф* — город на Кипре; культ Венеры в этом городе подробно описан Тацитом во 2-й главе второй книги его «Историй» (перевод Модестова, Спб. 1886 г.).

Размер: Сапфическая строфа.

Ода 31. Эта ода к Аполлону написана в 28 году, когда был закончен новый храм Аполлону, построенный Августом в память победы при Акциуме.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 9. *Гроздья каленские* давали одно из лучших вин. См. выше оду 20.

Ода 32. К лире.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 5. *Гражданин лесбосский* — поэт Алкей.

Ода 33. К поэту Альбию Тибуллу. О Кире, Гликере и других упоминаемых здесь лицах ничего не известно.

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ода 34. К самому себе. Ода написана под впечатлением удара грома в чистом небе, но тон ее иронический, а вовсе не религиозный.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 10. *Стикс* — река в преисподней.

Ст. 11. *Врата Тенара.* Мыс Тенар, составляющий южную оконечность Пелопоннеса (ныне мыс Матапан), считался в древности одним из входов в преисподнюю.

Атланта крайний предел, т. е. крайний запад, где по мифу великан Атлант поддерживает небо.

Ода 35. К богине Фортуне, храм которой находился в городе Антии. Написана в 26 году, когда наместник Египта Элий Галл должен был отправиться в неудачно закончившийся поход в Аравию.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 29. *Цезарь* — Август.

Бриттов край. Поход Августа в Британию не состоялся.

Ода 36. Обращена к Плотию Нумиде, возвратившемуся из Испанского похода в 24 году.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ст. 6. *Ламий.* Элий Ламий (см. выше оду 26) — друг детства и сверстник Нумиды, с которым они одновременно надели одежду взрослых — тогу.

Ст. 10. *Белой чертой* отмечались счастливые дни в календаре.

Ст. 13. *Басс.* О Бассе и Дамалиде, пившей по фракийскому способу, т. е. залпом, сведений нет.

Ода 37. К друзьям. Написана в 30 году по получении в Риме известия о падении Александрии и смерти Антония и Клеопатры.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 4. *Ложа богов.* Гораций имеет здесь в виду обычай «угощения богов», так называемое lectisternium, когда перед изображениями богов, поставленных на ложа, ставились кушанья. Роскошь подобных пиршеств, устраиваемых коллегией салиев (см. предыдущую оду, ст. 12), вошли в поговорку.

Ст. 7. *Царица* — Клеопатра.

Ст. 13. ...*Всего лишь один корабль*... Это или преувеличение, так как в битве при Акциуме (12 сентября 31 года) спаслось 60 кораблей Клеопатры, или же указание на трирему Антония, на которой тот бежал после гибели своего флота.

Ст. 15. *Вино мареотийское* — с берегов озера Мареотии около Александрии. Намек на оргии Антония и Клеопатры.

Ст. 16. *Цезарь* — Октавиан.

Ст. 32. *Либурна.* Либурнами назывались небольшие быстроходные корабли, построенные по образцу судов либурнов, живших на побережье Иллирии.

Ода 38. К мальчику прислужнику.

Размер: Сапфическая строфа.

Книга вторая

Ода 1. К Азинию Поллиону (75 до н. э. — 5 н. э.), участнику и историку гражданских войн, автору трагедий и судебному оратору.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 1. *Времена Метелла.* В консульство Квинта Цецилия Метелла Целера был заключен первый триумвират (60 г.).

Ст. 12. ...*Надевши котурн Кекропа,* т. е. взявшись за сочинение трагедий: *котурны* — обувь трагических актеров. *Кекроп* — мифический царь Аттики, откуда родом был Софокл, с трагедиями которого Вергилий в 8-й эклоге сравнивает произведения Поллиона, говоря:

«Песни твои, что достойны одни лишь котурна Софокла».

(Перевод С. Шервинского, „Academia“ 1933).

Ст. 14. *Курия* — сенат.

Ст. 15. *Триумф далматинский.* В 39 году Поллион победил парфинов в Далматии и на средства от военной добычи устроил в Риме первую публичную библиотеку.

Ст. 24. ...*Кроме упорной души Катона* — Катона Утического, покончившего жизнь самоубийством после победы Цезаря над Помпеем. См. Оды I, 12, ст. 35.

Ст. 25. *Афры* — карфагеняне, покровительницей которых считалась Юнона.

Ст. 27. *Победителей потомство,* т. е. потомки римлян, сражавшихся в Северной Африке не друг с другом, а с нумидийским царем Югуртой (112—106 до н. э.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 38. *Плача Кеосского*, т. е. вреде элегий Симонида Кеосского (556—468 до н. э.), посвященных грекам, павшим в войне с персами. Имя Симонида, как автора исключительно печальных элегий, вошло в поговорку.

Ода 2. К Гаю Саллюстию Крипсу, внучатному племяннику историка Саллюстия, не занимавшему, подобно Меценату, никаких общественных должностей.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 12. *Два Карфагена* — Старый в Африке (Ливии) и Новый в Испании.

Ст. 17. *На престоле Кира*. Парфянские цари считали себя преемниками древних персидских царей.

Ода 3. К Квинту Деллию, отличавшемуся политической неустойчивостью. Он перешел в конце концов на сторону Октавиана, покинув Антония еще до битвы при Акциуме.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 28. *В вечность изгнанья челнок...*, т. е. ладья Харона, перевозчика теней умерших в преисподнюю.

Ода 4. Кто этот «Ксаний», которому написана ода, не выяснено.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 7. *Атриф* — *Агамемнон*, влюбившийся в пленницу, дочь царя Приама.

Ст. 9. *Вождь фессалийцев* — Ахилл.

Ода 5. *Лалага* упоминается и в 22-й оде первой книги, но, вероятно, это два разных лица. Остальные имена в этой оде — очевидно вымышленные. *Фолоя* упоминается в 33-й оде первой книги.

Размер: Алкеева строфа.

Ода 6. Кто этот Септимий, к которому обращена ода, неизвестно.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 5. *Гражданин Аргосский* — мифический основатель Тибура, Тибурн, выходец из Аргоса.

Ст. 11. Тарентинские овцы давали тонкую и ценную шерсть.

Ода 7. *Помпей Вар*, к которому обращена ода, известен только из этой оды и схолий к ней. Возможно, что он вернулся в Рим благодаря объявленной Октавианом в 29 году амнистии участникам гражданских войн после победы над Антонием и Клеопатрой. Ода эта вольно переведена Пушкиным («Кто из богов мне возвратил»), причем в отрывке «Цезарь путешествовал» Пушкин говорит, что не верит трусости Горация: «хитрый стихотворец хотел рассмешить Августа и Мецената своей трусостью, чтоб не напомнить им о сподвижнике Кассия и Брута».

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 1. ...*Под Брута водительством...* Гораций занимал в войске Марка Юния Брута должность начальника легиона и участвовал в сражении при Филиппах.

Ст. 3. *Квирит* — мирный римский гражданин.

ОДЫ

Ст. 13. *Меркурий.* См. Оды I, 10. Гораций говорит, что Меркурий его спас так, как спасали людей боги у Гомера — окутав облаком и сделав невидимым. Ср. «Илиаду», III, 380 слл., где Афродита таким образом спасает от Менелая Париса:

«. . . но Киприда его от очей, как богиня,
Вдруг похищает и, облаком темным покрывши, любимца
В ложницу вводит ...»

(Перев. Гнедича).

Ст. 22. *Массикское вино.* Вино из винограда с горы Массика в Кампании — было одним из лучших, наряду с другими кампанскими винами — цекубским, каленским и фалернским.

Ст. 25. *Венера* — вместо «бросок Венеры», т. е. самое лучшее положение брошенных игральных костей.

Ода 8.
Размер: Сапфическая строфа.

Ода 9. Обращена к другу Горация, поэту Гаю Валгию Руфу; *Мист* (вымышленное имя), которого оплакивал Валгий, вероятно сын его.
Размер: Алкеева строфа.

Ст. 14. *Смерть Антилоха,* сына старейшего участника Троянской войны, пилосского царя Нестора, упоминается в «Одиссее» (III, 110 сл. и IV, 186 сл.).

Ст. 16. О *Троиле* см. «Энеиду» Вергилия, I 475.

Ст. 24. ...*О лишенных простора скифах.* Победы войск Августа ограничили область военных набегов скифов. Гораций говорит здесь о скифском племени гелонов, кочевавших по берегам Днестра.

Ода 10. Обращена к Луцию Лицинию Мурене, шурину Мецената, впоследствии казненному за участие в заговоре против Августа.
Размер: Сапфическая строфа.

Ода 11. Обращена к Квинтию Гирпину, отожествляемому некоторыми исследователями с тем Квинтием, которому написано 16-е послание первой книги.
Размер: Алкеева строфа.

Ода 12. К Меценату.
Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ст. 3. *Море Сицилии.* Гораций имеет в виду победы Рима над флотом карфагенян в первую Пуническую войну (264—241 г. до н. э.).

Ст. 6. *Земли сыновей,* т. е. гигантов, боровшихся против олимпийских богов детей Сатурна (Кроноса).

Ода 13. Написана в 30 году, по поводу падения чуть не задавившего Горация дерева в его сабинской усадьбе. Об этом случае Гораций упоминает еще в одах II, 17; III, 4 и III, 8.

ПРИМЕЧАНИЯ

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 8. *Яд колхидский.* Приготовлением ядов славились колхидские женщины и особенно мифическая волшебница, колхидская царевна Медея.

Ст. 17. ...*Парфов отбега вспять,* т. е. коварного военного приема парфян, завлекающих таким образом врагов и неожиданно снова на них нападающих. Этот прием упоминается у нескольких римских писателей. Ср. «Георгики» Вергилия, III, 31.

Ст. 21. *Прозерпины царство* — преисподняя.

Ст. 33. *Стоглавый пес.* Обычно считалось, что у Цербера три головы, но кроме Горация стоглавым называет Цербера и Пиндар, вероятно имея в виду головы змей — гривы Цербера.

Ст. 36. *Евмениды* или Фурии — богини мщения, изображались с волосами в виде змей.

Ст. 37. *Отец Пелопа* — Тантал.

Ода 14. Реальное ли лицо Постум, к которому Гораций обращается в этой оде, неизвестно.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 5—6. ...*Гекатомбою тройною*... Подразумевается просто большая жертва, а не в «три сотни» быков.

Ст. 24. *Кипарис* сажался около могил.

Ода 15. Против роскоши.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 4. *Платан безбрачный,* т. е. непригодный для поддержки виноградных лоз

Ст. 11. *Катон суровый.* Марк Порций Катон Старший (234—149 г. до н. э.), от которого до нас дошло сочинение о сельском хозяйстве, крупный землевладелец, известен своим крайним консерватизмом и эксплоатацией мелкого крестьянства.

Ода 16. О Помпее Гросфе, к которому обращена эта ода, см. Послания, I, 12, ст. 22 сл.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 22. *Турма* — отряд римской конницы из 30 человек.

Ст. 39. *Эллинские Камены* (Graiae Camenae) — соединение неожиданное, так как «эллинскими» были музы. Ср. Оды, IV, 6, строфа 7.

Ода 17. К больному Меценату.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 22. *Злого Сатурна свет*... Планета Сатурн считалась враждебной людям, а Юпитер — наоборот, благоприятной, радостной.

Ст. 26. ...*Трижды рукоплескал народ*... — См. Оды I, 20.

Ст. 28. ...*Древо сгубило б.* — См. Оды II, 13.

ОДЫ

Фавн — италийское божество, отожествлявшееся с греческим Паном, сыном Гермеса (Меркурия), — считался покровителем поэтов.

Ода 18. К скупцам.

Размер: Гиппонактова строфа, встречающаяся у Горация только в этой оде.

Ст. 20. *В Байях*, знаменитом в древности морском курорте, римские богачи строили роскошные виллы, вынося их в самое море.

Ст. 35—36. Гораций здесь имеет в виду миф, по которому низвергнутый в преисподнюю *Прометей* (см. Оды II, 13) тщетно пытался подкупить адского перевозчика теней умерших, Харона, чтобы тот отвез его обратно на землю.

Ода 19. Гимн Вакху, написанный вероятно по какому-нибудь греческому образцу.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 13. *Супруга-владычица* — Ариадна, дочь критского царя Миноса (увезенная и покинутая на острове Наксосе Тезеем), стала затем женой Вакха. О венце Ариадны, превращенном в созвездие, существовало много разных мифов.

Ст. 19. *Бистониды* — вакханки из Бистонии (во Фракии), вплетали в свои волосы змей.

Ст. 23. Вакх одолел гиганта *Рета*, обратившись в льва.

Ст. 29—32. Вакх спускался в Аид, чтобы вывести оттуда свою мать Семелу.

Ода 20. К Меценату. Служит эпилогом к первым двум книгам од и написана вероятно в 23 году.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 2. *Певец двуликий*, т. е. обратившийся после смерти в лебедя.

Ст. 13. *Сын Дедалов.* — Икар. См. Оды I, 3.

Книга третья

Ода 1. Гораций, как «служитель муз», обращается к хору мальчиков и девушек.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 7. *Гигантов одолевший...* См. Оды II, 12, ст. 6 и II, 19, ст. 23.

Ст. 11. ...*На поле*, т. е. на Марсово поле, где происходили выборы должностных лиц. Гораций говорит так, как будто дело происходит еще в старой римской республике.

Ст. 17—21. Гораций имеет в виду рассказ о любимце сиракузского тирана Дионисия Старшего — Дамокле, над головой которого Дионисий во время пира велел повесить меч на одном конском волосе, чтобы показать ему непрочность земного счастья. См. Цицерон «Тускуланские беседы», V, 21, 61).

Ст. 24. *Лощины Темпейские.* См. Оды I, 7 и I, 21. Здесь просто в смысле живописных лощин.

Ст. 28. *Гед*, обычно *Геды* — две звезды в созвездии Возничего, с появлением которых (в начале октября) и с захождением *Арктура* (в конце ноября) совпадает период осенних бурь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 44. *Мазь Ахемена.* Мазь из душистых индийских растений названа так в смысле «восточной» по имени основателя древнеперсидской династии Ахеменидов.

Ода 2. К римскому юношеству.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 9. ...*Зять наш будущий*..., явившийся на помощь отцу невесты, подобно Коребу, жениху Кассандры, при осаде Трои. См. «Энеиду» Вергилия, II, 341 сл.

Ст. 25. ...*Есть награда*... — перевод изречения поэта Симонида, которое часто повторял Август.

Ст. 26. *Элевзинские тайны* — мистерии богини Деметры, разглашение которых считалось святотатством.

Ода 3. К цезарю Августу. Написана в 27 году.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 9—12. *Поллукс*, как и *Геракл*, названный «странником» (vagus), в указание его странствований при совершении подвигов, приводятся как пример людей, получивших бессмертие, которого должен удостоиться и Август.

Ст. 13—17. *Вакх* приводится в пример потому, что он стал богом, несмотря на то что рожден был смертной Семелой. *Тигры*, везущие колесницу Вакха, служат символом укрощения дикости и свирепости. Последний пример награды бессмертием — *Ромул*, вознесшийся по мифу на небо на колеснице Марса, после того как *Юнона*, преследовавшая римлян как потомков троянских выходцев, примирилась с ними.

Ст. 19. *Судья бесчестный* — Парис, похитивший Елену *(жену иноземную)*.

Ст. 21. *Лаомедонт*, отец Приама, обманул Аполлона и Посидона, строивших стены Трои. См. «Илиаду», песнь XXI, ст. 441—446 и «Метаморфозы» Овидия, XI, 199—206.

Ст. 26. *Лаконка* — Елена.

Ст. 32. *Внук*, т. е. Ромул, так как его отец Марс — сын Юноны.

Ст. 32—33. ...*Жрицей рожден троянской*. Мать Ромула, Илия, была, по преданию, весталкой и происходила из рода троянца Энея.

Ст. 69—72. Последняя строфа, неожиданно прерывающая торжественную речь Юноны, напоминает конец оды II, 1.

Ода 4. К музе Каллиопе.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 26... *Ни дуб проклятый*... См. Оды II, 13.

Ст. 27—28. *Пораженье при Филиппах*. См. Оды II, 7. О грозившей ему опасности у мыса Палинура Гораций больше нигде не упоминает.

Ст. 43. *Титаны* — дети Урана и Геи, побежденные и свергнутые в Тартар Зевсом, у позднейших античных поэтов часто смешиваются с гигантами, имена которых и перечисляет Гораций в 53—55 стихах.

Ода 5. К Августу. Написана в 27 году.

ОДЫ

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 5. *Воин Красса.* Марк Лициний Красс был побежден и убит парфянами в 53 году.

Ст. 7. *Курия* — сенат.

Ст. 11. *Огонь... вечный* — в храме Весты — символ благополучия Рима.

Ст. 13. О *Регуле* см. Оды I, 12, ст. 37.

Ода 6. К римлянам. Написана в 28 году.
Размер: Алкеева строфа.

Ст. 1. *За грех отцов...*, т. е. за междоусобия со времени Суллы.

Ст. 22. *Ионян танец.* Ионийские танцы отличались вольностью движений.

Ст. 36. *Ганнибал* был разбит при Заме в 202 году.

Ода 7.
Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

Ода 8. К Меценату. Написана в 28 году.
Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 1. ...*Языков обоих,* т. е. греческого и латинского.

Ст. 2. В *Календы марта* (1-го марта) праздновался женский праздник Матроналий в честь Юноны. Гораций же в этот день праздновал годовщину своего спасения от упавшего дерева (См. Оды II, 13.)

Ст. 12. ...*В консульство Тулла,* т. е. в 66 году, когда одним из консулов был Луций Волкаций Тулл.

Ода 9. Диалог между Лидией и Горацием:
Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ст. 14. *Туриец* — из луканского города Турий (или Фурий) около древнего Сибариса.

Ода 10. Эта ода — серенада к этрурянке Лике. Древнейшим латинским образцом такого рода стихотворений (или скорее пародией на них) является серенада в «Куркулионе» Плавта (ст. 146—155).
Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ода 11. К Меркурию и лире.
Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 13 слл. Гораций имеет в виду музыку и пение мифического поэта Орфея, которому повиновались не только леса и реки, но и *Цербер,* пропустивший его в Аид, где пенье Орфея прекратило мучения заключенных там теней: перестало вертеться огненное колесо, к которому привязан царь лапифов *Иксион,* коршуны не клевали печень *Тития* и перестали лить воду в бездонную урну *дочери Даная,* убившие своих мужей. Гораций грозит Лике за ее холодность к участи Данаид и советует следовать примеру Гипермнестры, единственной из всех дочерей Даная, пощадившей своего мужа Линкея.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ода 12. К Необуле.
Размер — ионики, примененные Горацием только в этом стихотворении. В переводе — трохеи.

Ст. 5. *Минерва* считалась покровительницей рукоделий.

Сын Кифереи — Амур.

Ода 13. К ключу нимфы Бандузии, почитавшейся на родине Горация.
Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

Ода 14. К римскому народу на возвращение из Испании победителя — Августа. Написана в 24 году.
Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 18. ...*Войн с народом марсов...* Война с марсами была в 91—88 годах (см. Оды I, 8).

Ст. 20. Восстание *Спартака* началось в 73 и было подавлено в 71 году.

Ст. 28. *В консульство Планка* Горацию было 22 года.

Ода 15. К Хлориде. Имена *Ивик, Фолоя, Хлорида, Нот* — вымышленные.
Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ст. 13. *В Луцерии* выделывалась лучшая шерсть.

Ода 16. К Меценату.
Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ст. 12. *Пророк Аргивский* — мифический герой Амфиарай, погубленный своей женою Эрифилой, подкупленной Полиником и за это уговорившей мужа принять участие в походе на Фивы.

Ст. 13. *Македонянин* — Филипп, царь македонский, говоривший, по словам Цицерона («Письма к Аттику» I, 16, 12), что может взять любую крепость, в ворота которой может пройти осел, нагруженный золотом.

Ода 17. К Элию Ламию, к которому обращена и 26-я ода первой книги. Гораций выводит его род от мифического царя лестригонов (см. предыдущую оду) *Лама.*
Размер: Алкеева строфа.

Ода 18. К Фавну, богу-покровителю полей и стад.
Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 9. *Нон, в декабре* — 5-е декабря, когда праздновались *Фавналии*

Ст. 13. *Бродит волк...* По римскому поверью в это время волки не трогали стад.

Ст. 16. *Трижды ногою* — т. е. в три такта или «в три ноги».

ОДЫ

Ода 19. К Телефу. Кто этот Телеф, неизвестно. Гораций насмехается над его историческими изысканиями.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ода 20.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 15. *Нирей* — «Смертный, прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида», говорит про него Гомер («Илиада», II, 674), перечисляя греков, осаждавших Трою.

Ст. 15—16. ...*С дождливой Иды на небо взятый.* Ганимед, похищенный Зевсом.

Ода 21. К амфоре, ровеснице Горация.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 5—6. *Сок массикский* — массикское вино. См. Оды II, 7, ст. 22.

Ода 22. К Диане при посвящении ей сосны.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 4. *Ликом тройная.* Диана отожествлялась с богиней луны — Селеной и Гекатой.

Ода 23.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 5. *Африк* — юго-западный ветер.

Ст. 11. *Албанские травы.* В окрестностях Альба-Лонги находились участки, принадлежавшие жрецам-понтификам, где выращивались жертвенные животные.

Ст. 13. *Крошки-боги* — Лары, небольшие идолы которых ставились над очагом.

Ода 24. На скупцов.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ода 25. К Вакху.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ст. 15. *Наяды* упоминаются как кормилицы, а потом и спутницы Вакха.

Ода 26. К Венере, при посвящении ей лиры и оружия для овладения крепостью возлюбленной.

Размер: Алкеева строфа.

Ода 27. К Галатее, собирающейся плыть через Адриатическое море.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 25, 27. *Бык-хитрец* — Юпитер, обернувшийся быком, чтобы похитить дочь финикийского царя Агенора — *Европу*, которую он перенес на остров Крит.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 41. ...*Дверь из слоновой кости*... Гомер говорит:

„Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой.
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Ложны, несбыточны, верить никто из людей им не должен".

(«Одиссея» XIX, 562. Перев. Жуковского.)

Ода 28. К Лиде.
Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ст. 1. *Нептунов день* — празднества в день Нептуна — Нептуналии — справлялись в июле.

Ст. 8. ...*Кувшин, времени Бибула* — с цекубским вином, налитым в консульство Марка Корнелия Бибула, бывшего консулом вместе с Юлием Цезарем в 59 году.

Ст. 12. *Стреловержица* — Диана.

Ст. 13 слл. ...*Ту, что над Книдом царит*... — Венеру.

Ода 29. Написана между 27 и 24 годом.
Размер: Алкеева строфа.

Ст. 1. *Царей тирренских отпрыск.* Меценат принадлежал к роду Цильниев, восходившему к древним этрусским (тирренским) «лукумонам» — владетелям отдельных областей Этрурии.

Ст. 8. *Телегона горы*... — Тускулум, построенный по легенде сыном Улисса и Цирцеи — Телегоном, который, приехав на Итаку, убил (по неведению) своего отца.

Ст. 17—20. Перечисляются созвездия, видимые в середине лета, когда солнце вступает в знак Льва.

Ст. 63. *Близнецы* — Кастор и Поллукс. См. примеч. к ст. 2 оды I, 3.

Ода 30. К Мельпомене. Написана в 23 году. Это эпилог к трем книгам од, составлявшим отдельный сборник. Четвертая книга од была написана и издана Горацием гораздо позднее. Эта ода самая известная из всех од Горация. Впервые на русский язык переведена она Ломоносовым (пятистопным ямбом). Из подражаний самые известные — Державина и Пушкина.

Размер оды тот же, что и в 1-й оде первой книги — 1-я Асклепиадова строфа.

Ст. 8. ...*Жрец с девой безмолвною*... Верховный понтифик ежегодно в сопровождении старшей весталки восходил на Капитолий молить Юпитера о благоденствии Рима.

Ст. 13. *Эолийский напев.* Гораций говорит, что ему принадлежит заслуга перенесения на италийскую почву греческой лирики, которую он называет «эолийским напевом», потому что главные ее представители Алкей и Сафо (VI век до н. э.) были эолийцами.

ОДЫ

Книга четвертая

Четвертая книга од написана значительно позднее первых трех. Начинается она одой к Венере, которую Гораций просит пощадить его и оставить в покое.

Ода 1. К Венере. Написана не раньше 17-го года, когда Горацию минуло 50 лет.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ст. 7. *Десять лустр.* Лустр — пятилетие.

Ст. 19. *У Албанского озера* (ныне Lago di Castello) была вилла Павла Максима.

Ст. 28. ... *Точно Салии...* См. Оды I, 36, ст. 12.

Ода 2. К Гаю Юлу Антонию, сыну триумвира Марка Антония, воспитаннику своей мачехи — Октавии, сестры Августа. Он был любимцем Августа, но во 2 году до н. э. был казнен за связь с дочерью Августа Юлией. Юл был поэтом и советовал Горацию написать в честь Августа оду в стиле Пиндара. Написана в 14 году.

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 14. *Кентавры* были истреблены Тезеем, Пирифоем и Пелеем за попытку похитить невесту Пирифоя.

Ст. 35. *Холм священный* — часть Священной дороги между храмом Весты и подъемом на Палатинский холм.

Ст. 44. ...*Август вернулся* из германского похода в 16 году.

Ода 3. К Музе. Написана в 17 году.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Ст. 12. *Эолийские стихи.* См. Оды III, 30, ст. 13.

Ода 4. К Риму. Ода написана в честь пасынка Августа Друза в 15 году, после похода Друза за Альпы.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 1. *Отец* — Юпитер.

Ст. 49. ...*Молвил... Ганнибал...* Гораций влагает в уста Ганнибала подробную речь, которой заканчивается ода. У Тита Ливия сообщается только, что когда консул Гай Клавдий, возвратившись в свой лагерь, приказал бросить голову Газдрубала... перед неприятельскими аванпостами... Ганнибал, потрясенный до глубины души таким великим государственным и семейным горем, говорят, сказал, что он узнает судьбу Карфагена (перевод под ред. П. Адрианова. М. 1897).

Ода 5. К Августу, находящемуся в Галлии. Написана в 14 году.

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ст. 36. О почитании *Геракла* как бога см. примеч. к ст. 9 оды III, 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ода 6. К Аполлону. Ода служит как бы предисловием к «Юбилейному гимну» (см. ниже). Написана в 17 году.
Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 13. ...*В коне сокрытый...* Греки взяли Трою после смерти Ахилла при помощи деревянного коня, в которого спрятались (см. «Энеиду» Вергилия, II). Гораций говорит, что Ахилл не стал бы прибегать к подобным хитростям и обману.

22. *Отец богов* — Юпитер.

Ст. 28. Греческой *Музе* (ст. 25) противополагается римская *Камена.*

Ст. 36. *Песня лесбийская,* т. е. сапфический размер, которым написан «Юби лейный гимн».

Ода 7. К Торквату.
Размер: 2-я Архилохова строфа.

Ода 8. К Марку Марцию Цензорину.
Размер: 1-я Асклепиадова строфа, но строфическое построение не соблюдено.

Ст. 1—4. В мартовские календы и во время праздника Сатурналий было в обычае дарить подарки.

Ст. 3. *Треножники* как подарки упоминаются уже у Гомера (см. «Одиссея» XIII, 13).

Ст. 20. *Калабрские музы* — вместо «италийские». Намек на поэта Энния (240--169 до н. э.), уроженца Калабрии.

Ст. 23. *Сын Марса и Илии* — Ромул.

Ст. 31. *Тиндариды* — Кастор и Поллукс, названные так по имени мужа их матери Леды — Тиндарея.

Ода 9. Считается, что эта ода обращена к Марку Лоллию, другу Мецената. Этот Лоллий, бывший консулом в 21 году, в 16-м потерпел поражение в Галлии. Однако это вызывает сомнения, так как характеристика Лоллия в конце оды совершенно не соответствует тому облику, в котором он рисуется по другим источникам.
Размер: Алкеева строфа.

Ст. 7—8. *Кеосец скорбный* — Симонид. См. Оды II, 1, ст. 38.

Ст. 12. *Лесбийская дева* — Сафо.

Ст. 18. *Критские луки* считались лучшими.

Ода 10. К Лигурину.
Размер: 5-я Асклепиадова строфа.

Ода 11. К Филлиде с приглашением в Сабинское поместье праздновать день рожденья Мецената.
Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 25. *Фаэтон.* Миф о Фаэтоне см. в «Метаморфозах» Овидия (II, 1—328).

Ст. 26—27. Крылатый конь *Пегас* сбросил на землю *Беллерофонта*, когда тот хотел подняться на нем на Олимп.

Ода 12. К купцу Вергилию.

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ст. 6. *Итис* — сын Прокны, дочери афинского царя Пандиона. Обесчещенная Тереем, мужем ее сестры Филомелы, Прокна вместе с Филомелой убила Итиса и накормила им Терея. Спасая сестер от преследования, боги превратили Прокну в ласточку, Филомелу в соловья и Терея в удода. См. «Метаморфозы» Овидия VI, 412—676.

Ст. 16—17. *Нард* — благовонная мазь, приготовлявшаяся из ценного индийского растения и хранившаяся в сосудах из камня *оникса*.

Ода 13. К Лике. См. Оды III, 10.

Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

Ода 14. К Августу. О Неронах Друзе и Тиберии см. Оды IV, 4. Написана в 14 году.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 4. *Фасты* — календарные записи, в которые вносилась летопись исторических событий.

Ст. 14. ...*Старший в доме Неронов*... — Тиберий.

Ст. 29. *Клавдий* — Тиберий.

Ст. 35. *Александрия* была покорена в 30 году.

Ода 15. В честь Августа.

Размер: Алкеева строфа.

Ст. 8—9. Святыню *Квирина*. — Храм Януса (называвшегося также Квирином), построенный по преданию царем Нумою, стоял открытым во время войны и закрывался во время мира. До начала нашей эры храм этот закрывался только пять раз: при Нуме, после первой Пунической войны и три раза при Августе.

Ст. 32. *Потомка Венеры* — родоначальника римлян Энея, сына Венеры и Анхиза.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГИМН

Юбилейный гимн (Carmen Saeculare) был написан Горацием в 17 году, для вековых, или юбилейных игр, справлявшихся через 110 лет в честь подземных богов. При Августе ритуал игр был изменен и центральное место в празднестве заняли Юпитер, Юнона, Аполлон и Диана. До нашего времени дошел и официальный отчет об этих играх в виде найденных в 1890 году в Риме частей надписи, высеченной на мраморной колонне. В этой надписи упоминается и о Горации как об авторе гимна, пропетого хором из 27 мальчиков и 27 девочек.

ПРИМЕЧАНИЯ

Размер: Сапфическая строфа.

Ст. 5. *Книги Сивиллы.* — Толкование книг предсказаний легендарной пророчицы (Сивиллы) было поручено особой коллегии жрецов. Легенду об этих пророчествах см. в «Энеиде» Вергилия (III, 441 сл.).

Ст. 7. *Семихолмный град* — Рим.

Ст. 9. *Солнце* — Феб-Аполлон.

Ст. 14—16. *Илифия* — богиня родов (как и *Луцина* и *Гениталия)* — Диана, на которую под влиянием греческого культа Артемиды были перенесены функции, принадлежавшие *Юноне.*

Ст. 27. *Термин* — бог границ, символ неприкосновенности и устойчивости.

Ст. 35. *Луна* — Диана как богиня луны (см. Оды III, 22).

Ст. 50. *...Анхиза, Венеры отпрыск...* — Август, как потомок Энея, сын Анхиза и Венеры.

Ст. 54. *Албанских* — вместо «римских», так как из города Альбы-Лонги, по преданию, вышли основатели Рима.

Ст. 65. *Алтарь палатинский.* Для юбилейных игр были сооружены на Палатинском холме особые алтари.

Ст. 69. *Алгид* — был древним местом поклонения Диане (см. Оды I, 21, ст. 6).

ЭПОДЫ

Этот сборник состоит из 17 стихотворений, которые Гораций называл «ямбами» (только в 12-м эподе нет ямбического размера). Эподами эти стихотворения названы были впоследствии потому, что каждый четный стих в них составляет как бы припев («эпод») к предыдущему (единственное исключение 17-й эпод, написанный сплошь ямбическими триметрами). Эподы написаны ямбами в подражание Архилоху (VII век до н. э.). Нечетные стихи 1—10 эподов написаны ямбическим триметром, четные — ямбическим диметром.

Эпод 1. К Меценату, которого Август хотел взять с собой в поход против Антония. Написан в 31 году.

Ст. 1. *Либурнийские ладьи.* См. примечание к ст. 32, Оды I, 37.

Эпод 2. Восхваление сельской жизни от лица ростовщика Альфия. Насмешка над Альфием вскрывается только в последнем стихе.

Ст. 54. *Франколин Ионии* — птица, водящаяся теперь в Закавказьи, род рябчика.

Ст. 69. *К Идам,* т. е. к 15-му (или 13-му) числу месяца. Скопленные к этому времени деньги на покупку поместья Альфий пускает в рост уже к первому числу следующего месяца *(к Календам).*

Эпод 3. К Меценату, который угостил Горация кушаньем, сильно приправленным чесноком. Гораций в патетическом тоне восстает против чеснока, удивляясь крепким желудкам жнецов, питавшихся им, и говорит, что чеснок вредней

самой *цикуты* (яда, которым был отравлен Сократ). Его, говорит Гораций, волшебница *Медея* вероятно применила для укрощения огнедышащих быков, на которых должен был пахать предводитель аргонавтов *Язон;* им она отравила покрывало и венок своей соперницы Креузы. Свою изжогу от чеснока Гораций сравнивает с огнем, пожиравшим *Геракла,* когда тот надел платье, отравленное Деянирой кровью кентавра Несса, и, чтобы избавиться от мучений, велел сжечь себя на костре.

Эпод 4. На какого бывшего раба, добившегося богатства и звания военного трибуна, написан этот эпод, не выяснено.

Ст. 3. *Бичи испанские* — орудие телесных наказаний в римском флоте.

Ст. 16. По закону *Отона* (67 г. до н. э.) первые 14 рядов в театре были предоставлены всадникам.

Эпод 5. Ведьмы *Канидия, Сагана, Вейя* и *Фолия* из умбрийского города Ариминия собираются убить мальчика, чтобы приготовить из мозга его костей и печени приворотное зелье. Начинается эпод мольбою мальчика.

Ст. 7. *Пурпурная оторочка* была на *претексте* — одежда несовершеннолетних мальчиков.

Ст. 14. *Сердца фракийцев.* Фракийцы считались одними из самых диких варваров.

Ст. 22. *Иберия* — здесь же Испания, а страна на Кавказе между Арменией и Колхидой, славившаяся своими ядовитыми травами.

Ст. 24. *Колхидское пламя,* т. е. волшебный огонь, названный так по родине мифической волшебницы Медеи.

Ст. 26. *Вода авернская,* т. е. из Авернского озера, считалась ядовитой.

Ст. 51. *Диана* — как синоним подземной богини Гекаты.

Ст. 57. *Псы субурские.* Из Субуры — квартала Рима, где было много всяких подозрительных притонов.

Ст. 62 и 64. О *Медее и дочери Креонта* (Креузе) см. эп. 3.

Ст. 75—76. *Заклятья марсийские.* Племя марсов славилось своими колдунами и колдуньями.

Ст. 86. *Фиест.* См. Оды I, 16.

Ст. 100. *Птицы эсквилинские.* На Эсквилине было кладбище и бросались трупы казненных (см. Сат. I, 8).

Эпод 6.

Ст. 5. *Лаконские и молосские собаки* (из Эпира) считались самыми лучшими овчарками и гончими.

Ст. 12—13. *Зять Ликамба* — Архилох, который был обманут Ликамбом, отказавшимся выдать за него замуж свою дочь Необулу, за что Архилох отомстил ему, опозорив и Необулу и ее сестру, которые, по позднейшему преданию, повесились от отчаянья.

Эпод 7. К римлянам. Написан по поводу борьбы Октавиана с Секстом Помпеем (43—40 годы).

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 19. Убийство Ромулом его брата *Рема* считалось началом всех междоусобных распрей в Риме.

Эпод 9. К Меценату после победы при Акциуме.

Ст. 6. *Дорийская* (греческая) лира противополагается резким фригийским флейтам.

Ст. 8. *Нептуна сын* — Секст Помпей, называвший себя сыном Нептуна за свои морские победы над флотом Октавиана. В 36 году он, однако, был разбит и потерял почти весь свой флот, а войско его, набранное в значительной части из рабов и изгнанников, сдалось.

Ст. 11. *Римский воин* — Антоний.

Ст. 12. *Царицею* — Клеопатрой.

Ст. 17. *Две тысячи тут галлов,* т. е. галатов, перешедших из войска Антония под знамена Октавиана.

Ст. 24. *Югуртинская война* (112—106) с нумидийским царем Югуртой была победоносно закончена Марием.

Ст. 25. «*Африкан*» — Сципион Африканский младший, разрушивший Карфаген в 146 году.

Ст. 35. *Цекубское вино* считалось унимающим тошноту.

Эпод 10. На поэта Мевия, о котором говорит Вергилий в ст. 90 третьей эклоги, сопоставляя его с другим плохим поэтом Бавием:

Бавия кто не отверг, тебя пусть полюбит, о Мевий!
(Перев. С. Шервинского.)

Ст. 10. *Звезды благостные* — Близнецы Диоскуры. См. Оды I, 3, ст. 2.

Ст. 14. О гневе Афины-*Паллады* на Аякса, обесчестившего в ее храме дочь Приама Кассандру, см. «Одиссею», IV, 499 сл. и «Энеиду» Вергилия, I, 39 сл.

Эпод 11. К другу Горация — Петтию.

Нечетные стихи — ямбический триметр, четные — элегиямбы (сочетание дактилей с ямбами).

Эпод 13. К друзьям.

Нечетные стихи — гексаметры, четные — сочетание ямбов с дактилями.

Ст. 6. *Торкват* был консулом в год рождения Горация (65 г.) (см. Оды III, 21).

Ст. 9. *Нард* — растение, из которого приготовлялись благовония (см. Оды IV, 12, ст. 16 сл.).

— *Лира килленская,* т. е. изобретенная Меркурием, родившимся, по мифу, на горе Киллене в Аркадии.

Ст. 11. *Кентавр* — Хирон, воспитатель Ахилла, сына нимфы Фетиды.

Ст. 13. *Край Ассарака* — Троя, названная так по имени прадеда Энея, Ассарака.

ЭПОДЫ

Эпод 14. К Меценату.

Нечетные стихи — гексаметры, четные — ямбические диметры.

Ст. 10—12. Гораций называет стихи Анакреонта *необработанными,* противопоставляя вылощенным стихам позднейших александрийских поэтов.

Эпод 15. К Неэре.

Размер тот же, что и в предыдущем эподе.

Ст. 8. *Восход Ориона.* См. Оды I, 28, ст. 21.

Ст. 21. О *Пифагоре.* См. там же, ст. 11.

Эпод 16. К римскому народу. По мысли примыкает к эп. 7. Написан в 40 году.

Размер: дактилический гексаметр с ямбическим сенарием.

Ст. 1. *Два поколенья* — Гораций считает от эпохи Суллы.

Ст. 5. ...*Соревнующий дух капуанцев*... Цицерон во второй аграрной речи (§ 87) говорит, что, по мнению предков, только три города могли соперничать с Римом: Карфаген, Коринф и Капуя. Капуя долго и упорно боролась с Римом даже после получения кампанцами прав римского гражданства. Автономия ее была уничтожена в 211 году до н. э.

— О *Спартаке* см. Оды III, 14.

Ст. 13. *Квирин* — Ромул.

Ст. 17. *Фокейцы,* по словам Геродота (I, 164), эмигрировали из своего родного города (в Малой Азии) при нашествии персидского войска в VI веке до н. э., не желая быть рабами персов. Они поклялись не возвращаться на родину, пока не всплывет, брошенный ими в море, огромный камень.

Эпод 17. К Канидии.

Размер — ямбический триметр.

Ст. 8. *Телеф* — мифический царь мизийцев, раненный под Троей Ахиллом (внуком *Нерея).* Ему было предсказано оракулом, что он исцелится от раны только прикосновением древка ранившего его копья. Ахилл над ним сжалился и исцелил его.

Ст. 11. О выдаче царю Трои Приаму тела убитого Ахиллом *Гектора* см. последнюю книгу «Илиады».

Ст. 15—17. О спутниках *Улисса* (Одиссея), превращенных *Цирцеей* в свиней, см. «Одиссею», X, ст. 210 слл.

Ст. 28—29. *Стихи сабелльские* и *марсийские песни* — заклинания (см. эп. 5, ст 76).

Ст. 31. *Несса кровь.* См. примечание к эп. 3.

Ст. 42—44. Гораций намекает на легенду о поэте Стесихоре (VI век до н. э.), опозорившем в одном своем произведении Елену, за что был ослеплен ее братьями Диоскурами, вернувшими ему зрение после того, как он сочинил «палинодию», в которой говорил, что вовсе не сама Елена, а только ее призрак был увезен в Трою Парисом.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 58—59. . . .*Эсквилинского чародейства жрец.* Канидия называет Горация жрецом эсквилинских чар за осведомленность его во всех приемах колдовства над трупами, зарывавшимися на Эсквилинском холме (см. эп. 5).

Ст. 60. Племя *пелигнов* так же славилось своим колдовством, как и племя марсов.

Ст. 72. *Меч норикский* — из лучшей стали, выделывавшейся в Норике (на юг от Дуная).

САТИРЫ

Книга первая

Сатира 1.

Ст. 91. *Марсово поле.* У Горация сказано просто *поле,* но здесь разумеется именно «Марсово поле» как место для гимнастических и, конных упражнений и состязаний.

Ст. 99. *Храбрейшая всех Тиндарид,* т. е. Клитемнестра, жена и убийца Агамемнона, сестра Елены. Тиндарей был мужем их матери Леды. Под Тиндаридами Гораций разумеет здесь и вообще женщин.

Ст. 105. Древние комментаторы говорят, что *Танаис,* вольноотпущенник Мецената, был кастратом, а у *тестя Визелия* была грыжа. Больше об этих лицах ничего неизвестно.

Сатира 2.

Ст. 1. *Мимы* — мимические актрисы.

Ст. 17. *Вирильная тога* — одежда взрослого мужчины, белая тога, которую надевали юноши при достижении семнадцатилетнего возраста вместо детской тоги (toga praetexta), окаймленной пурпурной полосой.

Ст. 21. *У Теренция.* — Имеется в виду комедия Теренция (ум. в 159 г. до н. э.) «Самоистязатель» (см. перевод Артюшкова «Academia», 1934).

Ст. 25—27. *Мальтин, Руфилл, Гаргоний* — лица неизвестные. Последних двух Гораций упоминает снова в четвертой сатире этой же книги. Возможно, что Гаргоний — то же лицо, над которым издевается, как над человеком глупым и грубым, ритор Сенека (Suas, VII, 14). «Должно заметить, — говорит Дмитриев в примечании к этим стихам, — . . .что туника, висящая или влачащаяся по полу, была у римлян признаком изнеженности и слабодушия, а приподнятая — знаком мужества. Средина между двумя крайностями состояла в том, чтобы туника висела немного ниже колен».

Дмитриев перевел из второй сатиры только 27 стихов. Остальная часть ее — перевод Н. С. Гинцбурга.

Ст. 29. *Сто́ла* — почетная одежда замужних женщин (матрон).

Ст. 30 сл. *Под воняющим сводом.* Гораций имеет в виду сводчатые каморки лупанаров, освещавшиеся вонючими масляными лампами.

Ст. 101. *Косские ткани* — о тонкости тканей, выделывавшихся на острове Косе, см. Оды IV, 13.

Ст. 115. *Ромб* — камбала.

Ст. 121. Эпиграмма на *Филодема*, которую упоминает здесь Гораций, до нас не дошла.

Сатира 3.

Ст. 3. *Сардинец Тигеллий*. См. выше, сат. 2.

Ст. 4. *Цезарь* — Октавиан.

Ст. 5. *Дружбой отца* — Юлия Цезаря, которым Октавиан был усыновлен.

Ст. 6. *С яиц и до яблок* (ab ovo usque ad mala), т. е. с начала до конца обеда.

Ст. 8. *Тетрахорд* — древнейшая форма лиры о четырех струнах.

Ст. 11. *Утварь Юноны* — т. е. корзины, которые носили на торжественных шествиях в честь Юноны и других богинь.

Ст. 13. *Тетрархи* — «четвертовластники», как назывались римские правители Галатии и Иудеи (ср. Саллюстий, «О заговоре Катилины», перевод С. П. Гвоздева, «Academia», глава 20, § 7, стр. 116).

Ст. 16. *Миллион сестерций* (правильнее «сестерциев») — около 60 000 рублей.

Ст. 21. *Мений* — мот, имя которого вошло в пословицу еще со времени сатирика Луцилия (р. в 180 г. до н. э.).

Ст. 26. *Змей эпидаврский*. Змеи считались, как и орлы, обладающими особенно острым зрением. Эпитет *эпидаврский* дан змею потому, что змеи были посвящены Эскулапу, главное святилище которого находилось в Эпидавре. Эскулап и сам изображался в виде змея, ясно видящего болезни людей.

Ст. 137. *Квадрант* — четверть асса, около полукопейки.

Сатира 4.

Ст. 1. Из трех, упоминаемых здесь, представителей древней аттической комедии до нас дошли только комедии Аристофана (русский перевод А. Пиотровского «Academia», 1934).

Ст. 34. *Сено... на рогах* — пословица. Бодливым быкам и коровам рога обвязывали сеном.

Ст. 59 сл. «*Когда железные грани...*» — стихи из начала восьмой книги «Анназ» Энния (240—169 до н. э.).

Ст. 91 сл. Повторение ст. 26 сл. Сат. I, 2.

Сатира 5.

В этой сатире Гораций описывает свое путешествие в Брундизиум (н. Бриндизи) в обществе Мецената, юриста Кокценя Нервы (прадеда императора Нервы), уполномоченного и легата Антония в Азии — Фонтеия Капитона, поэтов Вергилия, Вария и издателя «Энеиды» Плотия Тукки. Путешествие это состоялось в 37 году и было сделано с целью заключения нового мирного договора между Октавианом и Антонием. Первый Брундизийский мирный договор был заключен между ними в 40 году.

Все путешествие заняло две недели. До древней столицы вольсков Анксура (над нынешней Таррачиной) Гораций ехал с греческим ритором Гелиодором, а затем соединился с Меценатом, Нервой и Капитоном. В Синуэссе, на границе

Кампаньи к ним присоединились Вергилий, Тукка и Варий, расставшийся с ними в Канузиуме (в Апулии). Путешественники ехали по Аппиевой дороге (Via Appia).

Расписание этого путешествия таково:

Дни	Места	Мили римские (1 миля=1480 метр.)	Стихи сатиры
	Рим	16	3
1	Ариция	27	4
2	Форум Аппиев (ночное плаванье по каналу)		
3	Роща Феронии	16 } 19	24
	Анксур	3	26
4	Фунды	13 } 26	34
	Формии («город Мамурров»)	13	38
5	Синуэсса	18 } 27	40
	Кампанийский мост	9	46
6	Капуя	17	48
7	Вилла близ Каудиума	21	53
8	Беневент	11	73
9	(Экланум). Вилла близ Тривика	15	80
10	Equus tuticus или же Ausculum	24	88
11	Канузиум	(35)	91
12	Рубы	23	94
13	Бариум	23	96
14	Гнация	37	98
15	Брундизиум	39	104

Ст. 4. От *Аппиева Форума* надо было ехать до следующей станции по каналу.

Ст. 7. *Дорога Аппия,* построенная в 312 году до н. э. Аппием Клавдием от Рима до Капуи, впоследствии продолжена до Брундизиума.

Ст. 24. *В четыре часа* — от восхода солнца, т. е. по-нашему в десятом часу утра.

Ст. 35. *Ауфидий,* бывший в Риме всего только писцом (скрибом), назначенный в маленький город Фунды преторским чиновником — префектом, чванился, точно был настоящим претором. Как государственный чиновник, он носил тогу с широкой пурпурной полосой, так что на вид был важнее самого Мецената, который, как всадник, не занимавший никакой должности, имел на одежде только узкую полосу. — Относительно прозвища «Косой» Дмитриев говорит: «Я почел нужным перевести прозвание Luscus и назвать его (Ауфидия) в переводе *Ауфидий Косой,*

потому что Гораций, писавши это имя, вероятно имел в виду его буквальное значение и поставил его не без намерения посмеяться».

Ст. 38. *Городом Мамурров* названы Формии как родина некоего казнокрада Мамурры, которому покровительствовал Юлий Цезарь и на которого написано несколько эпиграмм Катуллом.

Ст. 39. *Мурена.* К этому Лицинию Мурене, шурину Мецената, обращена 10-я ода II книги. Очевидно, самого Мурены в это время в Формиях не было, так как угощал путешественников *Капитон,* имевший дом в Формиях.

Ст. 46. *Кампанийский мост* — мост через реку Савон (н. Саона).

Ст. 49. *Игра,* которой занялся Меценат — игра в мяч.

Ст. 54—71. В этих стихах, начинающихся шуточно-торжественным обращением к музе, описывается импровизированное представление — перебранка двух скоморохов, один из которых называется *Цицирром,* т. е. петухом, и таким образом является родоначальником «пульчинеллы» (т. е. петушка), одного из главных персонажей итальянской импровизированной комедии (commedia dell'arte), восходящей к осской ателлане. (См. A. Dietrich, Pulcinella, Leipzig 1897 и обширную статью об этой книге Ф. Ф. Зелинского в «Филологическом обозрении», М. 1897, том 13, отд. 2, стр. 106 слл.).

Ст. 64. *Кампанийская болезнь* — повидимому, какие-то наросты или бородавки. Здесь, скорее всего, имеется в виду петуший гребень, украшавший Мессия.

Ст. 65. *Циклоп* — танец, изображавший циклопа Полифема, ослепляемого Одиссеем, известен еще из Аристофана (см. комедию «Богатство», ст. 287 слл., перевод А. Пиотровского, «Academia» 1934, т. 2, стр. 521). Сармент говорит, что Мессию не надо для этого танца ни котурнов ни маски, намекая на его высокий рост и безобразную наружность.

Ст. 67 сл. ...*Посвятил ли он ларам цепи свои...*, т. е. перестал ли он быть рабом, так как римляне посвящали домашним богам знаки своего прежнего состояния.

Ст. 87 сл. Что это за «*городок, которого даже и имя в стих не вместить*», — в точности не выяснено. Это или Equus tuticus в южном Самниуме, или же Ausculum — апулийский город на восток от Беневента.

Ст. 98. *Гнация* (или Эгнация), как говорит Гораций, была создана «раздраженными Нимфами». Вероятно этим указывается на недостаток или дурное качество воды в этом городе.

Сатира 6.

Ст. 1 сл. *Меценат* вел свой род от этрусского рода Цильниев, а этруски (или тиррены) считались выходцами из Лидии (см. Геродот, «История», I, 94, русский перевод Мищенка, М. 1888).

Ст. 9. *Туллий* — предпоследний римский царь Сервий Туллий (VI век до н. э.) родился по преданию от неизвестного отца и рабыни (см. Тит Ливий, «Римская история» IV, 3, русский перевод под ред. П. Адрианова, М. 1892).

Ст. 11, 12. *Левин* — лицо нам неизвестное. Гораций называет его потомком *Валерия Публиколы,* способствовавшего, как указывает Тит Ливий (II, 2), изгнанию из Рима царя *Тарквиния Гордого* и учреждению республики (509 год до н. э.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 19. *Деций* — упоминается не как определенное лицо, а как вообще человек, хотя и плебейского происхождения, но славный своими заслугами перед родиной. Из рода Дециев самым известным был Публий Деций Мус, консул 340 года до н. э., погибший на войне с латинянами (см. Т. Ливий, VIII, 9).

Ст. 21. *Цензор Аппий.* Имеется в виду, очевидно, Аппий Клавдий Пульхер, цензор 50 года до н. э., исключивший из списка сенаторов многих сыновей вольноотпущенников. Гораций употребляет здесь имя Аппия в нарицательном смысле, как и выше имя Деция.

Ст. 24. *Тиллий.* Порфирион указывает, что это брат одного из убийц Юлия Цезаря, Луция Тиллия Кимвра. Он был изгнан Юлием Цезарем из сената, но после смерти Цезаря снова сделался военным трибуном и снова вошел в сенат. Гораций намекает на это словами «сняв пурпур, опять ты надел», т. е. принужден был оставить одежду с широкой пурпуровой полосой — принадлежность сенаторского звания, — а затем снова надел ее. Кроме этой одежды, сенаторы носили и особую обувь (ст. 28).

Ст. 34—36. Под упоминаемым в этих стихах *обещанием* Гораций разумеет клятву, или присягу сенаторов.

Ст. 38. *Сир, Дионисий, Дама* — обычные имена рабов.

Ст. 40. *Новий* — выдуманное Горацием имя, обозначающее нового человека, который «степенью ниже» Горация, т. е. сам вольноотпущенник, тогда как Гораций сын вольноотпущенника.

Ст. 42. *Мессала иль Павел* — имена представителей знатнейших римских родов — Валериев и Эмилиев.

Ст. 48—49. «*Трибуном... был я*» — в войске Брута, разбитого при Филиппах в 42 году.

Ст. 58. ... *На коне сатурейском.* Город Saturium или Satureium около Тарента славился своим коннозаводством.

Ст. 72. *Сыновья благородные центурионов* — ирония, — так как центурионы, «сотники» — низшая командная должность в римских войсках.

Ст. 74. *Иды* — день в середине месяца (приблизительно полнолуние), приходившийся в марте, мае, июле и октябре на 15-е число, а в остальных месяцах на 13-е. В Иды у римлян производились всякого рода платежи (ср. эп. 2, ст. 69 сл.).

Ст. 85. *Публичный глашатай, иль сборщик.* Отец Горация был в Венузии сборщиком государственных податей и повинностей.

Ст. 97. *Ликторов пуки и кресла курульные* — знаки достоинства высших должностных лиц.

Ст. 112. ...*Плутовским пробираюся цирком...* В окрестностях Большого цирка (Circus Maximus), как и на форуме, собирались всякие праздношатающиеся и обманщики: гадатели, астрологи, площадные лекари и всякий подобный сброд. Тут же по вечерам сбывались и всякие краденые вещи.

Ст. 115. *Трое рабов* — повар, накрывающий на стол и разливатель вина. У богатых римлян слуг было гораздо больше.

Ст. 119—120. *Марсий* — сатир, которого в музыкальном состязании победил Аполлон и велел содрать с него кожу. Статуя Марсия стояла около ораторской

трибуны на римском форуме, где помещалась и меняльная лавка ростовщика Новия. В пояснение этих стихов Дмитриев замечает: — Мы говорим о ростовщиках, что они со своих должников «кожу деруг».

Ст. 121. *До четвертого часа* — т. е. по-нашему до десятого. См. Сат. I, 5, ст. 24.

Сатира 7.

Ст. 1—4. Действующие лица этой «тяжбы», или перебранки: 1) *Публий Рупилий* по прозвищу «*Царь*» (Rex), родом из Пренесты, был в 43 году подвергнут проскрипции Октавианом и бежал к Бруту, где поссорился с Горацием, и 2) *Персий,* сын азиатского грека и римлянки, торговец из малоазиатского города *Клазомен.*

Ст. 8. Выражение *на белых конях* очевидно поговорочное. Ср. у Вергилия («Энеида», XII, 84) о конях Пилумна

Превосходящих снега белизной, а скоростью ветер
(Перевод С. М. Соловьева, „Academia“, 1933).

Ст. 12—16. Гораций сравнивает перебранку Персия и Рупилия со спором гомеровских героев. О *Главке* и *Диомеде* см. «Илиаду» VI, ст. 119—236.

Ст. 27. *Созвездие Пса* считалось иссушающим почву.

Ст. 30. ...*Закукует прохожий кукушкой*... Чтобы понять это место, — говорит Дмитриев, — надо обратиться к Плинию (кн. 3, гл. 9): «Подчистка виноградных лоз, говорит он, должна производиться в первые две недели после весеннего равноденствия: и потому сельские жители считают за большой себе стыд, когда во время этой работы закукует кукушка, как признак, что они опоздали. Это между поселян подает повод к различным шуткам. Известно, что в Италии садили обыкновенно виноград около вязов. Прохожий, увидя на дереве крестьянина, обвязывающего виноградные лозы, на смех ему куковал кукушкой и мешал его работе».

Ст. 32. ...*Италии уксусом*..., т. е. «крепким словцом» или остротами Рутилия.

Ст. 34. ...*С царями справляться привык*... Персий ссылается не только на убийство Юлия Цезаря, но и на изгнание Юнием Брутом Тарквиния Гордого (VI в. до н. э.), как будто и то и другое было делом Марка Брута.

Сатира 8. Написана от лица деревянной статуи бога Приапа. Действие происходит на Эсквилинском холме, где было раньше кладбище, а затем Меценатом был построен дом и насажен сад (ст. 5, 37, 38 и 39, пропущенные Дмитриевым, — перевод Н. С. Гинцбурга).

Сатира 9.

Ст. 1. *Священная улица* (Sacra via) — одна из наболее удобных и красивых улиц Рима, излюбленное место для городских прогулок.

Ст. 30. *Старуха сабинка.* Сабиняне были известны как гадатели и прорицатели.

Ст. 68. *Тридцатая суббота.* О каком именно иудейском празднике говорит Гораций, не выяснено. Хотя Аристий Фуск и ссылается на этот праздник только для того, чтобы отвязаться от Горация и его спутника, но это упоминание

о иудейском празднике свидетельствует о глубоком проникновении в Рим этой эпохи иноземных культов.

Ст. 76. ...*Протянул уже ухо.* «Если человек, обязанный поручительством явиться к суду, vadatus, в назначенный день не являлся, тогда, по прошествии часа, назначенного к явке, дозволялось вести его силою к претору. Но прежде употребления насилия надлежало взять в свидетели тех, которые при этом случились. Получив же их согласие быть свидетелями, в знак этого, брали их за ухо, приговаривая... «помни, что ты в этом деле будешь свидетелем...» (Дмитриев).

Ст. 78. Гораций пародирует 443-й стих XX книги «Илиады» Гомера.

Сатира 10.

Ст. 15. *Старинные комики,* т. е. древние авторы аттической комедии, о которых говорит Гораций в начале сат. I, 4.

Ст. 17—18. *Катулл* — лирический поэт (87—54 до н. э.). Стихи его на русский язык переведены Фетом (2-е изд., М. 1899) и А. Пиотровским (2-е изд., «Academia», 1929). От стихотворений современника Катулла *Гая Лициния Кальва* до нас дошли только отрывки. Оба эти поэта принадлежали к ненавистной Горацию александрийской школе. *Обезьяна*—Деметрий; о нем говорится ниже в ст. 80.

Ст. 24. ...*Хиосское вместе с фалернским...,* т. е. *греческое с латинским.* Хиосское вино было слаще терпкого фалернского.

Ст. 26. *Дело Петиллия.* См. Сат. I, 4, ст. 94.

Ст. 30. *По сю сторону моря,* т. е. в Италии.

Ст. 36—37. *Альпин* — вымышленное имя, под которым разумеется Фурий Бибакул, писавший эпиграммы на Юлия Цезаря. Он написал эпическую поэму, где выводится мифический царь эфиопов — *Мемнон.* В сат. II, 5, ст. 41 Гораций осмеивает его описание Альп (в другой поэме), отчего, быть может, и произошло прозвище «Альпин»; в этой последней поэме находилось и описание *Рейна.*

Ст. 39. Гораций указывает, что его произведения не читаются публично в храме Аполлона и муз.

Ст. 41. *Фунданий* — автор комедий, выведенный в Сат. II, 8.

Ст. 60. *Шесть стоп* — гексаметр.

Ст. 72. ...*Стиль оборачивай чаще.* Древние писали (особенно черновики) на дощечках, натертых воском, *стилем* — палочкой с заостренным концом, другой конец у которой был плоским и служил для стирания написанного.

Ст. 79—81. Гораций перечисляет своих литературных врагов. Из них о *Пантилии* нам ничего неизвестно; *Деметрий* упоминается в начале этой сатиры, где он назван «обезьяной» (ст. 17); *Фанний* упомянут в Сат. I, 4, ст. 21; *Тигеллий Гермоген* упоминается Горацием неоднократно (см. Указатель).

Книга вторая

Сатира 1.

Ст. 9. ...*Трижды имеет... переплыть...* Гораций пародирует юридические формулы.

Ст. 15. *Галлов, парфов* (парфян) Гораций упоминает как главных врагов римлян.

САТИРЫ

Ст. 17. ...*Луцилий воспел Сципиона* — Сципиона Африканского Младшего. О Луцилии см. Сат. I, 10 и I, 4, ст. 6.

Ст. 21. О *Панталабе* и *Номентане* см. Сат. I, 8, ст. 10.

Ст. 32. *Обетные дощечки* — дощечки, вывешиваемые в храме, на которых описывалась или изображалась опасность, которой избежал посвятивший божеству подобную дощечку.

Ст. 40. *Грифель*, т. е. стиль. См. примечание к ст. 72 сат. I, 10.

Ст. 68. *Луп* — Луций Корнелий Лентул Луп, консул 156 года до н. э. О нападках на него Луцилия говорит Цицерон в диалоге «О природе богов» (I, 63) и Персий в первой сатире (ст. 114 сл.).

Сатира 2.

Ст. 23. *Скар* — неизвестная нам морская рыба.

— *Заяц морской*. Так переводит Дмитриев слово lagois но это, вероятно, не рыба, а скорей альпийская куропатка.

Ст. 35. *Мулл* — рыба краснобородка, или барвена, крупные экземпляры которой встречаются чрезвычайно редко.

Ст. 46. *Галлоний*. Об этом обжоре Публии Галлонии, занимавшем должность общественного глашатая («бирюча»), говорит Цицерон в трактате «О высшем благе и крайнем зле» (II, 8, 25). Он был осмеян в одной из сатир Луцилия.

Ст. 49. *Преторианец* — некий, провалившийся на выборах в преторы, Семпроний Руф, введший в обычай есть аистов.

Ст. 112 сл. Гораций говорит здесь о межевании 41 года до н. э. для отвода ветеранам земель, конфискованных по проскрипциям триумвиров (так было конфисковано и имение Вергилия). Офелл оказался арендатором земли, отобранной у него и переданной ветерану Умбрину.

Сатира 3. Диалог между Горацием и последователем стоика Стертиния, промотавшим наследство, Дамазиппом.

Ст. 1. *Пергамент* употреблялся для переписки набело выпускаемых в свет сочинений. Для черновиков употреблялись навощенные таблички (см. примеч. к ст. 72 Сат. I, 10).

Ст. 5. *Сатурналии* — праздник в память баснословного счастливого века Сатурна, приходились на середину декабря.

Ст. 16—18. Гораций издевается над Дамазиппом, желая ему получить *брадобрея*, так как стоики очень дорожили бородой как признаком мудрости. Ср. ниже ст. 36.

Ст. 19. . . . *У среднего Януса*, — т. е. у арки, где была своего рода биржа. Тит Ливий указывает, что таких «Янусов», или арок, на форуме было три. На «средний Янус», как на место денежных сделок, указывает и Цицерон в конце второй книги трактата «Об обязанностях».

Ст. 37. *Мост Фабриция*, ведущий на Тиберинский остров и названный так по имени построившего его в 62 году до н. э. Фабриция, существует и поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 54. ...*С хвостом и они.* По толкованию Порфириона эта поговорка происходит от обычая детей потихоньку привязывать сзади хвост тем, над которыми они хотят посмеяться.

Ст. 61. *Фуфий* — актер, исполнявший роль Илионы в трагедии Пакувия «Илиона». Содержание ее следующее: Дочь троянского царя Приама, Илиона, родила от фракийского царя Полимнестора сына Деифила; кроме Деифила она воспитывала младшего своего брата Полидора. При взятии Трои Полимнестор, подкупленный греками, по ошибке вместо Полидора убил Деифила, тень которого явилась Илионе, прося о погребении.

Ст. 83. *Чемерица* — росшая в окрестностях *Антикиры,* считалась лекарством против умопомешательства. Ср. ниже ст. 166 и «Наука поэзии», ст. 301.

Ст. 94. *Квадрант* — мелкая монета.

Ст. 101. *Аристипп.* Приводимый Горацием анекдот об Аристиппе (IV век до н. э.), основателе киринейской школы, известен в нескольких вариантах.

Ст. 133—140. Стоики часто ссылались на миф об Оресте, убившем свою мать Клитемнестру, мстя за убийство своего отца Агамемнона. Говоря, что Орест называл Электру Фурией, Стертиний имеет в виду 264-й стих трагедии Еврипида «Орест».

Ст. 142. *Вейское* вино было самым дешевым и плохим.

Ст. 187 сл. Стертиний призывает к ответу Агамемнона (*Атрида*), запретившего хоронить безумного Аякса и принесшего в жертву собственную дочь Ифигению. Об упоминаемых здесь героях Троянской войны см. Указатель.

Ст. 223. *Беллона.*—На празднестве в честь этой богини жрецы наносили себе раны ножами, в исступлении бегая по улицам.

Ст. 240. *Сын Эзопа* — Клодий, сын трагического актера Эзопа, друга Цицерона. Он получил в наследство от отца 20 миллионов сестерциев (около миллиона рублей).

Ст. 246. *Мелом иль углем?* — т. е. оправдать или обвинить?

Ст. 260—270. В этих стихах Гораций воспроизводит первую сцену комедии Теренция «Евнух» (русский перевод А. В. Артюшкова, «Academia», 1934).

Сатира 4.

Ст. 12. *Яйца* подавались в начале обеда, последовательность блюд которого Катий соблюдает и в дальнейшем.

Ст. 29. *Белое косское.* Гораций говорит здесь о смеси вина с острова Коса с морской водою (vinum leucocoon).

Ст. 32. *Улитки лукринские.* Эти «пелоры» из Лукринского озера в Кампании скорее устрицы, а не улитки, как *червленицы* (murices) из Байского залива.

Ст. 39. ...*Приподнялся на локоть,* т. е. снова захотел есть. Римляне ели полулежа, опираясь на левый локоть.

Ст. 41—42. *Умбрийский кабан* — из лесистой Умбрии. *Лаврентийский* — из Лаврентийского леса на болотистом побережьи Лациума.

Ст. 55. *Суррентинское вино* — из кампанского города Суррента (ныне Сорренто), Это вино для улучшения его качества наливали в бочки из-под фалернского.

Ст. 65. *Капер-рыба,* или «тунец», ловилась около Византии и засаливалась в небольших пузатых сосудах с узким горлышком.

Ст. 68. *Корикский шафран* — с горы Корика в Киликии.

Ст. 69. *Венафранское* (или венафрское) *масло* — из оливок города Венафра в Кампании.

Ст. 70 сл. *Тибуртинские яблоки* — из садов теперешнего Тиволи — хуже, чем из Пиценума в окрестностях Анконы.

Ст. 72. *Венункульский изюм.* Подразумевается род кампанского винограда (venuncula), заготовлявшийся впрок.

— *Альбский* — изюм из окрестностей древнего города Альба-Лонга.

Ст. 83. *Пальма* — веник из пальмовых ветвей, которым подметали пол, посыпавшийся опилками.

Сатира 5. Эта сатира пародирует ст. 90—151 одиннадцатой песни «Одиссеи» Гомера, где Одиссей спрашивает тень прорицателя Тирезия о своей судьбе. Здесь Одиссей (Улисс) спрашивает, как бы спастись от разоренья. Ст. 75—83, пропущенные Дмитриевым — перевод Н. С. Гинцбурга.

Ст. 32—33. ...*Прозванья — знатности признак...* Называть по первому имени (praenomen) было признаком близких отношений между говорящим и указанием на равенство их общественного положения. Кроме того «прозванья» *Публий* и *Квинт* были распространены среди знатных римских родов.

Ст. 39—41. Гораций приводит две цитаты из *Фурия Бибакула,* которого в Сат. I, 10, ст. 36 называет «Альпином». Вторую из них приводит, как пример неудачной метафоры, и Квинтилиан (VIII, гл. 6, 17). Гораций только заменяет в ней «Юпитера» самим Фурием.

Ст. 62. ...*Юный герой... от Энеева рода...* — Октавиан.

Сатира 6.

Ст. 11. ...*Взыскан Алкидом* — Геркулеса (Алкида) римляне считали хранителем кладов.

Ст. 14. *Сын Майи* — Меркурий, «спасший» Горация, как он это говорит в Оде II, 7, в битве при Филиппах.

Ст. 20. *Пешая муза,* т. е. Муза сатиры, приближающейся по своему стилю к обыкновенной разговорной речи.

Ст. 21. *Раннего утра отец,* — так Гораций называет *Януса,* как бога всякого начинания.

Ст. 33. *Эсквилинская высота* — холм Эсквилин, где был дом и сады Мецената.

Ст. 34. *Путеал* — пораженное молнией и потому, по обычаю, обнесенное оградой место на форуме, около которого производились денежные операции.

Ст. 36. *Скрибы* — писцы или секретари римских магистратов. Гораций одно время занимал такую должность.

Ст. 53. *Даки* в это время (сатира написана в 31 году) стояли на стороне Антония и производили набеги на римские области.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 64. ...*Боб, Пифагору родной...* Пифагор запрещал употреблять в пищу не только животных, но и бобы, на том основании, как объясняет Плиний («Естеств. история», XVIII, 118), что в них переселяются души умерших.

С а т и р а 7. Стихи 46—71, не переведенные Дмитриевым — перевод Н. С. Гинцбурга.

Ст. 5. ...*Пользуйся волей декабрьской...* Во время праздника Сатурналий (См. Сат. II, 3, ст. 5) рабы пользовались временной свободой в память всеобщего равенства в баснословные дни Сатурнова века. Какова, однако, была эта свобода, видно из последних стихов сатиры.

Ст. 15. *Вертумн* — италийский бог всяких перемен и превращений, культ которого пришел в Рим из Этрурии. Дав употребляет форму множественного числа скорее всего потому, что «Вертумнами» он заменяет обычное в произносимой им формуле слово «боги» (ср. подобное же выражение в Сат. I, 5, ст. 98).

Ст. 16. *Воланерий* — обычное имя для городских бездельников и прихлебателей.

Ст. 43. *Пятьсот драхм* — около 190 рублей. Это цена очень низкая. Обычно за раба платилось в несколько раз больше.

Ст. 76—77. Гораций указывает на одну из формальностей при отпуске раба на волю. Подробно этот отпуск описывает сатирик Персий (р. 34 г. н. э.) в ст. 75 сл. пятой сат. (русский перевод Н. М. Благовещенского, Спб. 1873).

Ст. 79. ...*Раб, подвластный рабу...* Рабы имели право нанимать или покупать себе заместителей, «викариев», исполнявших за них работы.

Ст. 89. *Пять талантов* — около десяти тысяч рублей.

Ст. 96—97. *Рутуба, Фульвий* — гладиаторы. Дав говорит об их изображениях, намалеванных на афишах.

Ст. 118. ...*Угодишь... ты девятым в Сабину.* В Сабинском поместье Горация работало восемь рабов. Удаление городского раба на работу в деревню было одним из тяжелых наказаний. Ср. первую сцену «Привидения» (Mostellaria) П л а в т а, где один раб угрожает другому такою ссылкой (см. перевод А. Артюшкова в изд. «Academia» М. 1935, стр. 275).

С а т и р а 8. *Назидиен,* ужин у которого описан Горацием — лицо неизвестное. Рассказывает об ужине комический поэт *Фунданий,* о котором см. Сат. I, 10, ст. 41 сл.

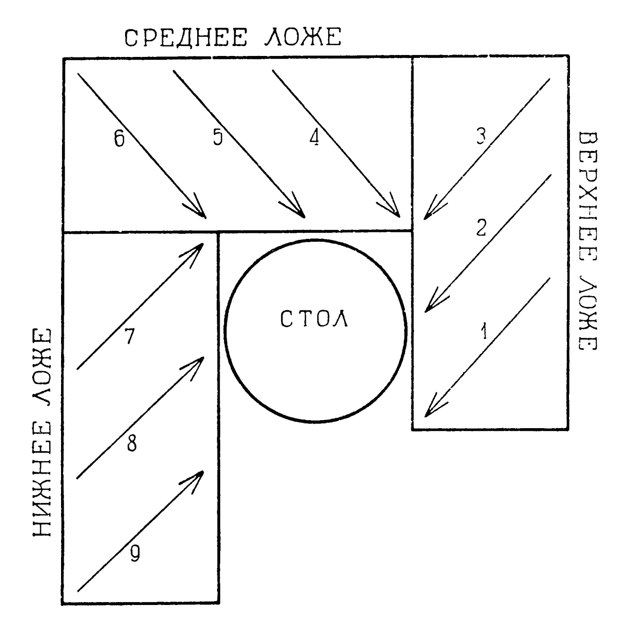
Ст. 14. *Гидаспец* — так Дмитриев передает Hydaspes. Скорее, однако, это собственное имя. Но во всяком случае наименование раба указывает на его происхождение из Индии (Гидасп — один из притоков Инда). Раб несет вино, держа его над головой, как в священной процессии (ср. Сат. I, 3, ст. 11).

Ст. 16. ...*Непричастным морей,* т. е. без морской воды, которая примешивалась к некоторым винам. Ср. Сат. II, 4, ст. 29.

Ст. 20—23. Пирующие возлежали по трем сторонам стола на трех ложах (отсюда слово triclinium — «трехложие»). Четвертая сторона стола оставалась свободной для подачи кушаний и вина. Ложа эти назывались *верхним, средним* и *нижним.*

На каждом ложе было три места. Самым почетным было шестое на среднем ложе. На пиру у Назидиена присутствующие занимали следующие места: 1. Фун-

даний, 2. Виск, 3. Варий, 4. Сервилий Балатрон, 5. Вибидий, 6. Меценат, 7. Номентан, 8, Назидиен, 9. Порций.



Ст. 35. Этот стих, очевидно, пародия на торжественные выражения трагедий или эпоса. Ср. ст. 670 II книги «Энеиды» Вергилия:

...Не все мы сегодня умрем без отмщенья!

(Перев. Брюсова)

Ст. 40. *Алифанские кружки* — большие глиняные сосуды для вина, изготовлявшиеся в городе Алифы в Самниуме, на дороге из Рима в Беневент (ныне Алифе).

Ст. 42. *Мурена* — род морского угря, достигающий огромных размеров.

Ст. 45. *Венафрское масло.* См. Сат. II, 4, ст. 69.

Ст. 46. *Рыбы иберийские,* т. е. скумбрии (или макрели) из Испании.

Ст. 50. *Метимна* — город на острове Лесбосе.

ПОСЛАНИЯ

Книга первая

Послание 1. Написано в 20 году.

Ст. 2—4. ...*Рапирой я награжден...* Гораций сравнивает себя с отставным гладиатором, получившим в знак своего освобождения от занятий деревянную ра-

пиру. Если же такой заслуженный гладиатор вновь возвращался на арену, то он опять попадал в гладиаторскую «школу», под власть ее содержателя.

Ст. 4. Отставной гладиатор, каким был *Вейяний,* посвящал свое оружие Геркулесу.

Ст. 49—51. Ср. оду I, 1, ст. 3—6.

Ст. 54. *Своды Януса* — арки на форуме, где были лавки менял, своего рода биржа. См. Сат. II, 3, ст. 19.

Ст. 56. Повторение стиха 74-го из шестой сатиры первой книги.

Ст. 58. *Четыреста тысяч* сестерциев — имущественный ценз всадника (около 22 000 рублей). Ср. «Наука поэзии», ст. 384.

Ст. 62. По закону Люция Росция Отона (67 года) всадники получили привилегию занимать 14 первых рядов в театре. См. эп. 4, ст. 16.

Ст. 64. *Камиллы* и *Курии,* т. е. герои древних времен. Ср. Оды I, 12, ст. 41—42.

Ст. 76. *Многоглавый зверь.* Ср. поговорку «Сколько голов, столько умов».

Ст. 83. *Байи* (к северу от Неаполя) упоминаются Горацием как модный римский курорт.

Ст. 85. *Озеро* — Лукринское озеро около Бай. См. Оды II, 1; II, 15 и III 1.

Ст. 102—103. ... *Попечитель, претором данный...* По назначению, или с утверждения городского претора, определялись опекуны над людьми душевнобольными или страдавшими слабостью воли.

Ст. 107. *Царь над царями* — титул персидских царей.

Послание 2.

Ст. 1. *Певец троянской войны* — Гомер.

Ст. 4. *Хризипп* и *Крантор* — философы III века до н. э.: первый — стоик, второй — академик. Здесь Гораций называет их как философов вообще, противополагая Гомеру.

Ст. 9. *Антенор* — друг Приама, впоследствии царь венетов. О его совете вернуть Елену Менелаю см. «Илиаду» VII, 348 слл.

Ст. 11. О хлопотах старейшего из греков, пилосского царя *Нестора,* примирить Агамемнона и Ахилла см. «Илиаду», I, 254—284.

Ст. 19—22. Подражание началу «Одиссеи».

Ст. 23. О *сиренах* см. «Одиссею», XII, 158 слл.: о *Цирцее* — там же, X, 135 слл.

Ст. 58. *Сицилийские...* тираны, как Дионисий (406—367) или Фаларид (565—549), которые отличались особенной жестокостью.

Послание 3. К Юлию Флору, к которому обращено еще послание II, 2. Он сопровождал пасынка Августа Тиберия Клавдия Нерона в походе на Армению в 20 году. Написано в 21 году.

Ст. 4. ...*Между башен соседних...* На европейском и азиатском берегу Геллеспонта находилось по башне.

ПОСЛАНИЯ

Ст. 10. О *Пиндаре* и подражании ему см. Оды IV, 2.

Ст. 15. *Цельз* — тот же, которому написано послание I, 8.

Ст. 17. *Аполлон Палатинский.* Подразумевается библиотека при основанном Августом храме Аполлона.

Ст. 25. *Плющ.* См. Оды, I, 1, ст. 29.

Ст. 30. *Мунаций* — сын Луция Мунация Планка, консула 42 года, к которому обращена ода I, 7.

Послание 4. К поэту Альбию Тибуллу, проводившему лето на своей даче около поселка Педа (Pedum), километрах в 20-ти от Рима, близ Тибура.

Ст. 15—16. Гораций применяет к себе кличку, которую применяли к эпикурейцам их противники.

Послание 5. К Торквату, к которому обращена и ода IV, 7.

Ст. 1. *Архия ложа* — выражение для нас неясное. Один из древних комментаторов Горация указывает, что это были короткие ложа, делавшиеся каким-то мастером Архием.

Ст. 4—5. *Тавр* был консулом в 26 году. Гораций таким образом говорит, что он будет угощать не старым вином и не из лучших сортов. *Минтурнские болота* — часть Помптинских болот около города Минтурн, к северу от города *Синуессы.* Местечко *Петрин* находилось в Фалернской области, где выделывались лучшие сорта вина из винограда, росшего на южных склонах горы Массика; но Гораций указывает на вино из винограда, росшего на ее северных склонах, т. е. на низший сорт вина.

Ст. 9—10. *Праздник рожденья Цезаря...* — вероятно Августа, приходившийся 23 сентября, т. е. в конце лета (см. ст. 11).

Послание 6.

Ст. 25—26. *Дорога Аппия,* построенная в 312 году от Рима до Капуи, служила местом прогулок в экипажах. Излюбленным местом для прогулок пешком служила *колоннада,* построенная зятем Августа *Агриппой.*

Ст. 39. *Царь каппадоков* — Архелай, которого Цицерон в одном из писем к Аттику называет царем-нищим (rex perpauper).

Ст. 50—54. Во время выборов, кандидаты ходили по форуму, заискивая расположения влиятельных лиц в избирательных округах (трибах). Для того, чтобы назвать по имени каждое такое лицо, приставляли к себе раба, который должен был предварительно разузнавать, кто наиболее влиятелен, и запоминать его имя. *Пучки* (ликторские связки) и *курульное кресло* — знаки власти должностных лиц.

Ст. 58. Кто этот *Гаргилий,* неизвестно. Вероятно это личность из какого-нибудь анекдота о тщеславном охотнике, не убившем, а купившем на рынке кабана.

Ст. 61. ...*Мыться, набив брюхо...* считалось не только вредным, но и непристойным.

Ст. 63. *Цериты* — жители Церы к северу от Рима. Они имели права римского гражданства, но без права занимать высшие должности и без права подачи голоса. Поэтому название церитов применялось как нарицательное к ограниченным в гражданских правах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Говоря о *гребцах Улисса*, Гораций имеет в виду рассказ о том, как спутники Улисса убили быков Гелиоса («Одиссея» XII, 260—365).

Послание 7. К Меценату.

Ст. 23. *Бобы* служили расчетными игорными марками.

Ст. 40. ...*Сказал Телемах...* — Менелаю. См. «Одиссею» IV, 601 слл.

Ст. 54. ... *Как отца его звать иль патрона...* т. е. свободный ли он или вольноотпущенник.

Ст. 76. *Праздник Латинский* — древний общий праздник племен латинского союза.

Ст. 77. *Сабинские пашни* — поместье Филиппа.

Послание 8. К Цельзу Альбиновану (о котором говорится выше в третьем послании), находившемуся в штабе Тиберия (*Нерона*) во время похода на Армению.

Послание 9. К Тиберию Клавдию Нерону.

Послание 10. К Аристию Фуску, к которому написана и ода I, 22.

Ст. 6. ...*Гнездо сторожишь...*, т. е. постоянно живешь в Риме.

Ст. 10—11. *Сдобные хлебцы и медовые лепешки* получали жрецы как приношения богам. Этими приношениями жрецы до пресыщенья закармливали своих рабов.

Ст. 16. Восход созвездия *Пса* и вступление *солнца* в созвездие *Льва* бывают в конце июля.

Ст. 19. *Ливийские камешки* — мозаичный пол из африканского мрамора.

Ст. 26—27. *Сидонская ткань* — драгоценный финикийский пурпур. Краска из мха (или лишая), росшего в окрестностях города *Аквина* в Лациуме, которой окрашивали под пурпур шерстяные материи, быстро линяла.

Ст. 49. *Вакуна* — повидимому, какая-то древнесабинская богиня, имя которой Гораций производит от vacare (быть свободными от дел), намекая этим на свой деревенский досуг.

Послание 11.

Ст. 5. *Города Атталовы*, т. е. города Пергамского царства. О царе Аттале см. Оды I, 1, ст. 12.

Ст. 18. *Передник* (campestre) — род коротенькой юбки, соответствующий современным гимнастическим трусикам.

Послание 12. К Икцию, к которому обращена и ода I, 29. Философ Икций был управляющим сицилийскими имениями зятя Августа, могущественного Марка Випсания Агриппы. Написано в 20 году.

Ст. 12. ... *На полях Демокрита...* Гораций намекает на анекдот о философе Демокрите, который до того был погружен в философию, что не обращал внимания на то, что соседи пасли скот на его полях.

ПОСЛАНИЯ

Ст. 26. *Армяне.* Поход Тиберия в Армению был в 20 году, когда и племя *кантабров* было почти истреблено в Испании Агриппой.

Послание 13. К некоему Виннию, с поручением отвезти Августу сборник своих Од (I—III книги). Написана в 23 году.

Ст. 8. Прозвище Винния было *Ослица* (Asina). Гораций сравнивает мешок со свитками с ношей ослицы, которой она задевает прохожих.

Ст. 15. *Из трибы,* т. е. из избирательного округа.

Послание 14. К своему старосте. В этом послании Гораций имеет в виду своих завистников и говорит, что нечего завидовать его благосостоянию, так как он не получает никаких доходов от Сабинского именья, подаренного ему Меценатом.

Ст. 23. *Перец* и *ладан* привозились из Индии. Гораций говорит, что в Сабине скорей вырастут они, чем гроздь винограда.

Послание 15.

Ст. 23. *Эхины* — морские ежи.

Послание 16.

Ст. 27—29. Гораций цитирует стихи поэта Вария из панегирика Августу.

Ст. 73—79. Гораций приводит слова Вакха, обращенные к царю *Фив, Пенфею* (см. Оды, II, 19, ст. 14 и «Вакханки» Еврипида, ст. 492—498).

Послание 17. К Сцеве.

Ст. 6. *До часа седьмого* — по-нашему до первого часа пополудни.

Ст. 13. Вводя в послание диалог гедониста *Аристиппа* с *циником* (Диогеном), Гораций явно становится на сторону первого.

Ст. 30. В *Милете* (в Малой Азии) выделывались ценные шерстяные ткани.

Ст. 36. Этот стих — греческая поговорка, переведенная Горацием.

Послание 18. К Лоллию, которому написано и послание I, 2.

Ст. 10. ... *С нижнего ложа...* См. Сат. II, 8, ст. 20.

Ст. 20. Дорога *Минуция* была короче, но хуже *Аппиевой* (см. Сат. I, 5).

Ст. 31. *Евтрапел.* Прозвище «Евтрапел» значит «остряк» (см. Аристотель, «Риторика», II, 11. Русский перевод Н. Платоновой, «Журн. Мин. Нар. Пр.», (1892).

Ст. 35. *Фракийцы* — особый род гладиаторов.

Ст. 45. *Этолийской работы тенета,* т. е. такие же, какие были на мифической «Калидонской охоте» в Этолии (см. «Метаморфозы» Овидия, VIII, 260 слл.).

Ст. 66. ... *Пальцами... двумя...* — так, как делали зрители в цирке.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 82. *Феонов зуб.* Согласно древним комментаторам, Феон был вольноотпущенник, злоязычие которого вошло в поговорку.

Послание 19. К Меценату.

Ст. 8. *Колодец Либона* — место на форуме, где собирались ростовщики (см. Сат. II, 6, ст. 34).

Ст. 15. *Тимаген* был родом из Александрии. Он попал в плен к римлянам и впоследствии был учителем в Риме. Он был историком и оратором, и отличался острым и злым языком.

Ст. 23. *Паросские ямбы,* т. е. Архилоховы, так как *Архилох* был родом с острова Пароса. Гораций имеет в виду свои «Эподы».

Ст. 25. О *Ликамбе* см. эп. 6.

Послание 20. К своей книге. Написано в 20 году.

Ст. 1—2. *Вертумн* — храм Вертумна (см. Сат. II, 7, ст. 15).

Януса свод. См. Сат., II, 3, ст. 19. Гораций указывает то место форума, где были книжные лавки, из которых известнейшей была лавка *Сосиев.* Об отделке книг *пемзой* см. первое стихотворение Катулла (перевод А. Пиотровского, «Academia», 1929).

Ст. 28. ...*Когда Лоллий в товарищи Лепида выбрал,* т. е. в консульство этих двух лиц.

Книга вторая

Послание 1. К Августу. Послание это было вызвано словами Августа, выражавшего удивление, что Гораций ни с одним посланием не обращался к нему (см. Светоний, «Биография Горация»). Написано в 14 году.

Ст. 10. ...*Тот, что ужасную гидру...* — Геракл.

Ст. 24. *Десять мужей* — децемвиры, коллегия из 10 членов, выбранная в 451 году для письменного изложения законов.

Ст. 25. Союз с *общиной Габиев* был заключен в VI веке при Тарквинии Гордом (см. у Тита Ливия, I, 54), а с *сабинянами* при Тулле Гостилии в VII веке.

Ст. 27. *Албанская гора* противополагается здесь Парнасу и Геликону.

Ст. 32. ...*Умащенных ахейцев...*, т. е. греков. «Умащенными» они названы потому, что при гимнастических упражнениях и борьбе тело натирали маслом.

Ст. 70. *Ливий* — древнейший римский поэт Ливий Андроник.

Ст. 86. *Салиев песнь* — древний гимн, который, по словам Квинтилиана, был непонятен уже и самим жрецам-салиям.

Ст. 115. *Абротон* — лекарственное растение.

Ст. 145. *Фесценнины* — род древних фарсов, давших начало римской сатире.

Ст. 163. О *Фесписе* см. «Науку поэзии», ст. 276 сл.

Ст. 194. *Демокрита* (в противоположность Гераклиту) называли «смеющимся» философом.

Ст. 195. *Помесь пантеры с верблюдом* — жираф.

Ст. 232. *Херил.* См. «Науку поэзии», ст. 357.

Ст. 244. Жители *Беотии* считались тупыми и неуклюжими.

Послание 2. К Юлию Флору. Написано в 18 году.

Ст. 1. *Нерон* — Тиберий. См. Послание I, 3.

Ст. 26. О *Лукулле* см. Послание I, 6, ст. 40.

Ст. 97. *Самниты* — особый род гладиаторов.

Ст. 100. *Каллимах* — возможно, намек на поэта Проперция, называвшего себя вторым Каллимахом.

Ст. 114. ...*В святилище Весты...*, т. е. оставались бы необнародованными и «девственными», подобно весталкам.

Ст. 117. *Детеги.* См. «Науку поэзии», ст. 49.

Ст. 125. О *Циклопе* ср. Сат. I, 5, ст. 65.

Ст. 197. *Пятидневки Минервы* — праздники в честь Минервы, покровительницы школ (с 19 по 23 марта).

НАУКА ПОЭЗИИ *

Послание к Пизонам

Название «Наука поэзии» (De arte poetica) принадлежит не Горацию, а ритору Квинтилиану; это название удержалось за «Посланием к Пизонам», и поэтому мы и оставляем его в заглавии. Из древних авторов название «Послание» (Epistula) по отношению к этому произведению употребляет один только грамматик IV века н. э. Харизий.

Ст. 20. ...*Кипарис написать...* По указанию одного схолиаста — комментатора Горация, здесь имеется в виду анекдот о живописце, умевшем писать одни только кипарисы. Когда кто-то, спасшийся от кораблекрушения, заказал этому художнику, для приношения в храм Нептуну, картину с изображением бедствия, от которого он спасся, тот будто бы спросил, не написать ли тут же и кипарис.

Ст. 32. *Близко от школы Эмилия...* Гладиаторская школа Луция Эмилия Лепида находилась неподалеку от цирка.

Ст. 49. ...*Неслыхано было Цетегам.* Цетеги, из которых Марка Корнелия Цетега (консула 204 года до н. э.) Цицерон («Брут», XV, 57) считает первым римским оратором, отличались приверженностью к старинным обычаям (ср. 2-е послание 2-й книги, ст. 117).

Ст. 53. ...*Римлянин Плавту позволил или Цецилию...* Из древних поэтов Гораций здесь выбирает тех, которых он больше всего презирал, а из современных — которыми больше всего восхищался — Вергилия и Вария. На плохую латынь Цецилия указывает, впрочем, и Цицерон в письмах к Аттику (VII, 3).

Ст. 56. ...*Энний с Катоном...* О словах, созданных Катоном (234—149), от которого до нас дошло сочинение «О сельском хозяйстве», мы не имеем данных;

---

* Из исследований на русском языке, посвященных „Науке поэзии“, укажем два наиболее интересных и существенных: 1. И. В. Нетушил, Тема и план Горациевой Ars Poetica (В „Commentationes Nikitinianae“. Сборник статей по классической филологии в честь П. В. Никитина, Спб. 1901) и 2. В. Я. Каплинский, „Поэтика“ Горация, Саратов, 1920.

что же касается Энния (240—169), то известно, что он ввел в латинский язык много новых слов, частью чисто латинских, частью взятых из греческого. Он, между прочим, впервые ввел термин «поэт» (poeta).

Ст. 63. *Море ли, сжатое в пристань...* Гораций имеет в виду «пристань Юлия» (portus Iulius), которая была создана соединением Лукринского озера с Авернским и затем с морем. В 1538 году все это огромное сооружение погибло при извержении Monte Nuovo.

Ст. 65. ...*Болото бесплодное...* — Помптиихские болота.

Ст. 67. ... *Река переменит свой бег...* — Тибр, русло которого было расширено и углублено при Августе. Об упоминаемых здесь мелиоративных работах см. у Светония в биографии Августа (русский перевод Кончаловского, «Academia», 1934).

Ст. 75. ... *В неравных стихах...*, т. е. в «элегическом дистихе» — соединении гексаметра с пентаметром.

Ст. 79. *Архилох.* См. Послание I, 19, ст. 23, где Гораций указывает, что первый ввел в латинскую поэзию «паросские» (т. е. Архилоховы) ямбы.

— *Сокки* — особый вид обуви, которую носили актеры в комедиях. Здесь сокки и в следующем стихе *котурн* (обувь трагических актеров) сказано вместо «комедия» и «трагедия».

Ст. 90. *Ужин Фиеста.* Гораций нарочно выбирает в пример трагедии один из самых кровожадных ее сюжетов. Ср. ниже ст. 186 и Оду I, 16.

Ст. 94. *Хремет* — один из персонажей комедии Теренция «Самоистязатель». Гораций имеет в виду 4-ю сцену 5-го акта (Русский перевод Артюшкова, «Academia», 1934).

Ст. 97. *Телеф и Пелей.* Судьба Телефа, сына Геркулеса и нимфы Аугэ, раненного под Троей копьем Ахилла, служила обычным примером человеческого несчастья. Пелей — отец Ахилла, изгнанный из родной страны. Мифы о Телефе и Пелее не раз обрабатывались античными драматургами.

Ст. 113. ... *Всадник, и пеший народ...* Дмитриев делает такое примечание к этому стиху: «На латинском: equites et pedites», «конные и пешие», т. е. всадники и простой народ, два главные разделения римского народа. Этого комического выражения, взятого Горацием у Плавта, нельзя было передать по-русски. Если сказать: и конный и пеший, то пропало бы слово всадник, принятое уже в нашем языке как один из классов римского народа. Чтобы сколько-нибудь сохранить шутку, я решился сказать: «и всадник и пеший народ».

Ст. 120—124. Приводятся излюбленные персонажи из мифологии. См. Указатель.

Ст. 136. *Циклический.* Циклическими поэтами назывались писавшие поэмы на сюжет «круга» (цикла) мифов, связанных с Троянской войной. Кого из «циклических» поэтов цитирует Гораций в следующем стихе — неизвестно. Гораций противопоставляет широковещательным началам поэм скромное начало «Одиссеи» Гомера, ограничившего свою тему.

Ст. 139. *Мучило гору...* — перевод греческой пословицы, приводимой Лукианом («О способе писать историю», 23).

Ст. 141—142. *Муза! скажи мне...* Гораций двумя стихами переводит три начальных стиха «Одиссеи» Гомера.

Ст. 145. Об *Антифате,* царе людоедов лестригонов, см. «Одиссея» (X, 100 и слл.); о *Сцилле и Харибде* — там же (XII, 73 слл.); о *циклопе Полифеме* — там же (IX, 187 слл.).

Ст. 146. *Диомедов возврат* — название поэмы Антимаха, современника Платона, о возвращении из-под Трои одного из главных героев Троянской войны. Диомед был племянником Мелеагра, погибшего еще во времена Тезея, когда старейший из участников похода под Трою — Нестор — был еще юношей.

Ст. 147. ...*С двух яиц, порождения Леды.* Из одного яйца, снесенного Ледой после связи с Юпитером в образе лебедя, родились Кастор и Поллукс, из другого Клитемнестра и Елена, будущие жены Агамемнона и Менелая.

Ст. 155. *«Бейте в ладоши!»* — обычное обращение к зрителям по окончании пьесы.

Ст. 184. *Очевидец,* или так называемый «вестник», сообщавший о событиях, которые, согласно требованиям античной эстетики, не могли изображаться на сцене.

Ст. 185. ...*Не должна кровь детей проливать пред народом Медея...* Это соблюдает в своей «Медее» Еврипид, но не Сенека (см. ст. 975 и сл. в пятом акте его «Медеи», русский перевод С. М. Соловьева, «Academia», 1932). Это объясняется скорее всего тем, что трагедии Сенеки не предназначались для исполнения на сцене.

Ст. 186. *Гнусный Атрей.* Имеется в виду миф об Атрее, убившем двух сыновей брата своего Фиеста и подавшем ему за столом их мясо. См. выше ст. 90.

Ст. 187. *Прокна.* Миф о Прокне, жене фракийского царя Терея, рассказан в шестой книге «Метаморфоз» Овидия (ст. 440 слл.). У Софокла была не дошедшая до нас трагедия «Терей». О превращении Кадма в змея см. четвертую книгу «Метаморфоз» Овидия (ст. 563 слл.). На миф о Кадме была написана одна из несохранившихся трагедий Еврипида.

Ст. 190. *Пять актов* — не греческое, а римское деление драмы. Греки делили трагедию на «пролог», «эпизоды» и «эпилог», причем это деление далеко не всегда совпадает с делением на пять актов.

Ст. 191. ...*Чтоб боги в нее не вступались.* Такое вмешательство бога — deus ex machina связано с развитием действия в Филоктете» Софокла, но не оправдано во многих трагедиях Еврипида.

Ст. 192—193. ...*Четвертый лишний всегда...* Греческие трагики тщательно избегали введения в диалог своих драм четвертого «говорящего» актера, допуская его лишь как персонаж «без речей» или же давая ему говорить всего несколько слов, как например в «Хоэфорах» Эсхила, где такому «четвертому» — Пиладу уделено всего три стиха (900—902).

Ст. 194. *Хор есть замена мужского лица...,* т. е. роль хора равносильна роли отдельного актера.

Ст. 202. *Флейта* — tibia. Этот духовой инструмент скорее соответствовал по своему устройству современному кларнету или флажолету. Во время Горация эти «флейты» делались длинными, и колена их скреплялись металлом, что усиливало звук. Кроме того, древние флейты имели всего три или четыре отверстия (лада).

Ст. 216. ...*Лира умножила звуки.* На лире было первоначально всего четыре струны, а затем семь и десять.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 220. ...*За козла состязался.* Гораций ошибается: козел вовсе не был наградой победителя. Историю возникновения трагедии Гораций излагает ниже (ст. 275 слл.).

Ст. 221. *Сатиры.* В ст. 221—250 Гораций говорит о «сатировской драме», образцом которой для нас является «Циклоп» Еврипида и новонайденная драма Софокла «Следопыты», переведенная Ф. Ф. Зелинским в его полном издании Софокла. Римские сатирические драмы, в которых греческие «сатиры» заменялись италийскими «фавнами», известны нам лишь по заглавиям.

Ст. 232. *Матрона.* На некоторых празднествах, как например на празднествах в честь Великой Матери и Дианы, в священной пляске должны были участвовать и замужние женщины. Ср. Оды, II, 12, ст. 17—20 и III, 14, ст. 5.

Ст. 234. *Будь я писатель сатир...*, т. е. сатирических драм. «Сатиры Горация по-латыни называются sermones — «речи», «беседы».

Ст. 237—238. *Речь Лава.* См. выше ст. 114. — *Пития* — имя служанки в одной комедии Цецилия; Пития вытягивает деньги у своего хозяина *Симона.*

Ст. 250. ...*Покупатель орехов лесных иль сухого гороху,* т. е. бедный народ.

Ст. 251—253. Шестистопный ямб называется триметром, потому что стопы его соединяются попарно, образуя диподию; латинское же название его «шестеричный» — senarius.

Ст. 275—288. Изложение истории драмы у Горация очень скомкано и основано на недостоверном источнике.

Ст. 276—277. *Феспис* в шестом веке до н. э. ввел первого актера, или «ответчика» хору, а не изобрел трагедию. Говоря, что Феспис «...*возил на телегах... лицедеев своих, запачкавших лица дрожжами*», Гораций опять впадает в ошибку, смешивая возникновение трагедии с возникновением комедии.

Ст. 279. *Эсхил.* Гораций называет Эсхила изобретателем «личин» (масок), но некоторые приписывают это изобретение уже Феспису.

Ст. 284. ...*В ней хор замолчал, и вредить перестала...* В «новой» комедии, представителем которой был Менандр и которой подражали в Риме Плавт и Теренций, хор исчезает. Эта комедия не была злободневной, как комедия Аристофана, где на сцену выводились действительные и живые лица и которая служила орудием общественно-политической борьбы (см. статьи А. Пиотровского в его переводе Аристофана, «Academia», 1934). *Закон,* на который ссылается Гораций, был издан впервые в 440 году до н. э. и возобновлен в 417 г. Он запрещал выводить на сцене реальных лиц.

Ст. 287—288. Гораций говорит о трагедиях на римские сюжеты — *претекстах* и национальных комедиях — *тогатах,* противополагавшихся *паллиатам,* написанным в подражание греческим, в которых актеры были одеты в греческую одежду — паллий. От этих римских претекст и тогат дошли до нас лишь скудные отрывки.

Ст. 290. *Языком,* т. е. литературой.

Ст. 292. *Помпилия кровь.* Пизоны вели свой род от римского царя Нумы Помпилия.

Ст. 295. «*Демокрит* утверждал, что никто не может быть великим поэтом без некоторого неистовства или умоисступления: Neminem sine furore quemquam poetam magnum esse posse. Так приводит его мысль Цицерон (De divinat. L. I, c. 37)...» (М. Дмитриев).

НАУКА ПОЭЗИИ

Ст. 326. *Асс* — монетная единица, делившаяся на 12 унций. Помимо этого обычного деления Гораций говорит и о делении асса на сто частей, т. е. о самом мелочном и запутанном.

Ст. 332. . . .*В кипарисе храниться достойных.* «В подлиннике: linenda cedro et levi servanda cupresso, «натертые кедровым маслом и сохраненные в полированном кипарисе». — Древние натирали книги кедровым маслом и хранили их в кипарисных ковчегах для того, что эти дерева не подвержены скорой гнилости» (М. Дмитриев).

Ст. 357. *Хéрилом,* т. е. никуда негодным поэтом. Гораций здесь имеет в виду Херила, прославлявшего подвиги Александра Македонского, говорившего, однако, что лучше быть Терситом Гомера, чем Ахиллом Херила.

Ст. 373. *Столбы* — колонны, на которых вывешивались объявления книготорговцев. Ср. Сат. I, 4, ст. 71.

Ст. 375. . . .*С медом сардинским*. . . Этот мед отличался горьким привкусом. Ср. Вергилий, «Буколики», эклога 7-я, ст. 4 (русский перевод С. В. Шервинского, «Academia», 1933).

Ст. 384. *Всадничий капитал* — в 400 000 сестерций (около 22 000 рублей).

Ст. 387. . . .*Мекия верному слуху*. . . Спурий Мекий Тарпа был одним из четырех членов цензурного комитета, учрежденного Августом для рассмотрения драматических произведений.

Ст. 394. *Амфион.* Ср. «Одиссея», XI, 262 сл.

Ст. 402. *Тиртей* — элегический поэт VII века до н. э., по преданию воодушевлял спартанцев во время войны их с мессенцами. Из военных элегий Тиртея до нас дошли три.

Ст. 414—15. ...*На пифийских играх*. . . Пифийские игры — одно из греческих празднеств, справлявшихся около Дельф в честь Аполлона.

Ст. 454. . . .*Лишенных Дианой рассудка*. . . «Это те помешанные, которых римляне называли lunatici, потому что припадки их сумасшествия усиливались и уменьшались с прибавлением или ущербом луны» (Дмитриев). Диана считалась богиней луны.

Ст. 464. . . .*Об Эмпедокле рассказ*. . . Этот рассказ о сицилийском философе и поэте V века до н. э. Эмпедокле — несомненный вымысел.

Ст. 472. . . .*Место, где гром разразился?* Место, куда ударила молния, считалось священным и окружалось оградою.

РАЗМЕРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В СТИХАХ ГОРАЦИЯ

Оды

Оды Горация написаны «логаэдическими» размерами, т. е. такими, где стопа в три музыкальных единицы (моры) сочетаются со стопами в четыре таких единицы; последние стопы должны были произноситься при декламации стихов несколько ускоренным темпом, соответствуя до известной степени музыкальной триоли. В передаче русским силлаботоническим стихом метров Горация эта особенность соединения стоп разного размера безусловно не может быть вполне передана, из-за отсутствия в русском языке музыкального ударения и различия между краткими и долгими слогами. Для того, чтобы хоть отчасти передать своеобразие метрического рисунка логаэдических размеров, надо тщательно соблюдать естественные ударения русских слов и, по возможности, строго выдерживать цезуры. При этих условиях размеры од Горация будут вполне хорошо звучать по-русски, как это доказывается, например, сапфической строфой, вполне вошедшей в самостоятельную русскую поэзию; сапфическая строфа была применена еще Радищевым и получила одобрение Пушкина. Приводим начало «Сапфических строф» Радищева:

Ночь была прохладная, светло в небе,
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежны веют, шумят листами
Тополи белы.

Ты клялася верною быть вовеки
Мне, богиню нощи дала порукой;
Север хладной дунул один раз крепче,
Клятва исчезла.

(Привожу по изданию: Сочинения А. С. Пушкина... Издание Льва Поливанова... М. 1887, т. 5-й, стр. 134.)

Размеры, примененные в одах, носят названия по именам разных греческих поэтов, считавшихся их изобретателями. Размеры эти следующие: *

1. Первая Асклепиадова строфа. Состоит из четыре раза повторяющегося «Асклепиадова» стиха:

´– – ´– ◡ ◡ ´– || ´– ◡ ◡ ´– ◡ ´⏓

* Схемы строф даны античные — с соблюдением чередования долгих и кратких слогов. В русской передаче соблюдается лишь чередование ударений.

Пример:

Славный внук, Меценат, праотцев царственных!
О отрада моя, честь и прибежище!
Есть такие, кому высшее счастье
Пыль арены дает в беге увертливом...

Встречается: I, 1; III, 30 и IV, 8, причем в последней оде строфическое построение (по четыре стиха в строфе) не соблюдено.

2. *Вторая Асклепиадова строфа.* Состоит из трижды повторенного «Асклепиадова» стиха и «гликонея»:

–́ – –́ ◡ ◡ –́ || –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓́
–́ – –́ ◡ ◡ –́ || –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓
–́ – –́ ◡ ◡ –́ || –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓
–́ – –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓́

Пример:

Альбий, ты не тужи, в сердце злопамятно
Грех Гликеры нося, в грустных элегиях
Не пеняй, что она младшего возрастом
Предпочла тебе ветрено.

Встречается: I, 6; 15; 24; 33; II, 12; III, 10; 16; IV, 5; 12.

3. *Третья Асклепиадова строфа.* * Состоит из двух «Асклепиадовых» стихов, одного «ферекратея» и одного «гликонея»:

–́ – –́ ◡ ◡ –́ || –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓́
–́ – –́ ◡ ◡ –́ || –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓́
–́ – –́ ◡ ◡ –́ ⏓
–́ – –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓́

Пример:

Все, пред кем ты блестишь светом обманчивым!
Про меня же гласит надпись священная,
Что мной влажные ризы
Богу моря уж отданы.

Встречается: I, 5; 14; 21; 23; III, 7; 13; IV, 13.

4. *Четвертая Асклепиадова строфа.* ** Состоит из дважды повторяющихся «гликонея» и «Асклепиадова» стиха:

* В некоторых изданиях называется *четвертой.*
** В некоторых изданиях называется *третьей.*

–́ – –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏓́
   –́ – –́ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏓́
–́ – –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏓́
   –́ – –́ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏓́

Пример:

Как похвалишь ты, Лидия,
   Розоватый ли цвет шеи у Те́лефа,
Руки ль белые Те́лефа, —
   Желчью печень моя переполняется.

Встречается: I, 3; 13; 19; 36; III, 9; 15; 19; 24; 25; 28; IV, 1; 3.

5. *Пятая Асклепиадова строфа.* Состоит из «Большого Асклепиадова» стиха, повторенного четыре раза:

–́ – –́ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏓́

Пример:

Не расспрашивай ты, ведать грешно, мне и тебе какой,
Левконоя, пошлют боги конец, и вавилонские
Числа ты не пытай. Лучше терпеть, что́ бы ни ждало нас, —
Дал Юпитер в удел много ль нам зим, или последнюю.

Встречается: I, 11; 18; IV, 10.

6. *Сапфическая строфа.* Состоит из трех «сапфических» стихов и одного «адония»:

–́ ⏑ –́ – –́ ‖ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ –́ – –́ ‖ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ –́ – –́ ‖ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
   –́ ⏑ ⏑ –́ ⏓

Пример:

Персов роскошь мне ненавистна, мальчик,
Не люблю венков, заплетенных лыком.
Перестань отыскивать, где осталась
   Поздняя роза.

Встречается: I, 2; 10; 12; 20; 22; 25; 30; 32; 38; II, 2; 4; 6; 8; 10; 16; III, 8; 11; 14; 18; 20; 22; 27; IV, 2; 6; 11; Юбилейный гимн.

7. *Большая сапфическая строфа.* Состоит из дважды повторенных «Аристофанова» стиха и «Большого Сапфического»:

РАЗМЕРЫ ГОРАЦИЯ

–́ ∪ ∪ –́ ∪ –́ ⏓
    –́ ∪ –́ – –́ | ∪ ∪ –́ || –́ ∪ ∪ –́ ∪ –́ ⏓
–́ ∪ ∪ –́ ∪ –́ ⏓
    –́ ∪ –́ – –́ | ∪ ∪ –́ || –́ ∪ ∪ –́ ∪ –́ ⏓

Пример:

Лидия, ты скажи мне,
    Ради всех богов, для чего ты Сибариса губишь
Страстью своей? Зачем он
    Стал чуждаться игр, не терпя пыли арены знойной...

Встречается: I, 8.

8. *Алкеева строфа.* Состоит из двух «Алкеевых» одиннадцатисложных стихов, одного девятисложного и одного десятисложного:

⏒ –́ ∪ –́ – || –́ ∪ ∪ –́ ∪ ⏒́
⏒ –́ ∪ –́ – || –́ ∪ ∪ –́ ∪ ⏒́
  ⏒ –́ ∪ –́ – –́ ∪ –́ ⏓
    –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ∪ –́ ⏓

Пример:

Смотри: глубоким снегом засыпанный,
Соракт белеет, и отягченные
  Леса с трудом стоят, а реки
    Скованы прочно морозом лютым.

Встречается: I, 9; 16; 17; 26; 27; 29; 31; 34; 35; 37; II, 1; 3; 5; 7; 9; 11; 13; 14; 15; 17; 19; 20; III, 1—6; 17; 21; 23; 26; 29; IV, 4; 9; 14; 15.

9. *Архилохова первая строфа.* Состоит из дактилических гексаметра и тетраметра:

–́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ || ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ⏒
  –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ⏓
–́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ || ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ⏒
  –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ⏓

РАЗМЕРЫ ГОРАЦИЯ

Пример:

Фурии многих дают на потеху свирепому Марсу,
Губит пловцов ненасытное море,
Старых и юных гробы теснятся везде: Прозерпина
Злая ничьей головы не минует.

Встречается: I, 7; 28.

10. *Архилохова вторая строфа.* Состоит из дактилического гексаметра и дактилического диметра.

–́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ || ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ⏓
–́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ ⏓́
–́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ || ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ –́ ⏓
–́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ ⏓́

Пример:

Снег последний сошел, зеленеют луга муравою,
Кудрями кроется лес;
В новом наряде земля, и стало не тесно уж рекам
Воды струить в берегах.

Встречается: IV, 7.

11. *Архилохова третья строфа.* Состоит из «Архилохова» стиха и усеченного ямбического триметра:

–́ ⏔ –́ ⏔ –́ | ⏔ –́ ∪ ∪ || –́ ∪ –́ ∪ –́ ⏓
– –́ ∪ –́ ∪ || –́ ∪ –́ ∪ –́ ⏓
–́ ⏔ –́ ⏔ –́ | ⏔ –́ ∪ ∪ || –́ ∪ –́ ∪ –́ ⏓
– –́ ∪ –́ ∪ || –́ ∪ –́ ∪ –́ ⏓

Пример:

Злая сдается зима, сменяяся вешней лаской ветра;
Влекут на блоках высохшие днища;
Хлевы не радуют скот, а пахарю стал огонь ненужен;
Луга седой не убеляет иней.

Встречается: I, 4.

12. *Гиппонактова строфа.* Состоит из усеченного трохаического диметра и усеченного ямбического триметра:

–́ ∪ –́ ∪ –́ ∪ ⏓́
∪ –́ ∪ –́ ⏒ || –́ ∪ –́ ∪ –́ ⏒
–́ ∪ –́ ∪ –́ ∪ ⏓́
∪ –́ ∪ –́ ⏒ || –́ ∪ –́ ∪ –́ ⏒

Пример:

У меня ни золотом,
    Ни белой костью потолки не блещут;
Нет из дальней Африки
    Колонн, гиметтским мрамором венча́нных.

Встречается: II, 18.

13. *Ионики.* Состоит из четыре раза повторенного декаметра.

На русский язык обычно передается трохеями, за невозможностью включения в «ионики» четырехсложных слов.

Пример:

От тебя, о Необула, прочь уносят шерсть и прялку,
Труд работницы Минервы, сын крылатый Кифереи
    И блестящий Гебр Липарский.

Встречается: III, 12.

Эподы.

Эподы Горация состоят из двустрочных систем, за исключением последнего эпода, написанного ямбическими триметрами. Схемы их следующие:

1. *Ямбический триметр с диметром:*

Пример:

Порой и зайца в петлю ловит робкого,
    И журавля залетного.

Встречается: 1—10.

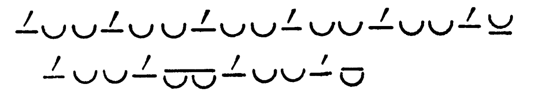
2. *Ямбический триметр с «элегиямбом»:*

Пример:

Увы, какой мне стыд — по городу всему
    Баснею стал я какой! Как каюсь я теперь в пирах!

Встречается: 11.

3. Дактилический гексаметр с дактилическим усеченным тетраметром:



РАЗМЕРЫ ГОРАЦИЯ

Пример:

О, как несчастна я! Ты от меня убегаешь, как агнец,
Прочь от волков, иль от львов бегут козы!

Встречается: 12.

4. *Дактилический гексаметр с «ямбэлегическим» стихом:*

–́∪∪ –́∪∪ –́∪∪ –́∪∪ –́∪∪ –́⏓
⏓–́ ∪–́ ⏓–́ ∪⏓́ || –́∪∪ –́∪∪ –́

Пример:

Грозным ненастием свод небес затянуло; Юпитер
Нисходит с снегом и дождем; стонут и море и лес.

Встречается: 13.

5. *Дактилический гексаметр с ямбическим диметром:*

–́∪∪ –́∪∪ –́∪∪ –́∪∪ –́∪∪ –́⏓
∪–́ ∪–́ ∪–́ ∪–́

Пример:

Ночью то было: луна на небе ясном сияла
Среди мерцанья звездного.

Встречается: 14; 15.

6. *Дактилический гексаметр с ямбическим сенарием:*

–́∪∪ –́∪∪ –́∪∪ –́∪∪ –́∪∪ –́⏓
∪–́ ∪–́ ∪ || –́ ∪–́ ∪–́ ∪–́

Пример:

Вот уже два поколенья томятся гражданской войною,
И Рим своей же силой разрушается.

Встречается: 16.

7. *Ямбические триметры:*

⏓–́ ∪–́ ⏓ || –́ ∪–́ ⏓–́ ∪–́

Пример:

Сдаюсь искусству мощному, уже сдаюсь!

Встречается: 17.

Сатиры, Послания и Наука поэзии написаны дактическим гексаметром.

УКАЗАТЕЛЬ *

* Условные обозначения: 1) Оды обозначаются римскими цифрами книги) и арабскими (номера од), например: *II 3* — вторая книга од, ода третья. 2) *Юб. г.* — Юбилейный гимн. 3) *Эп* — Эподы 4) *С* — Сатиры. 5) *П* — Послания. 6) *НП* — Наука поэзии. 7) *ст* — стих.

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

Вейя колдунья. — Эп 5,

Вейяний гладиатор. П I 1, ст. 4.

Велинская триба. — П I 6, ст. 52.

Велия город в Лукании. — П I 15, ст. 1.

Венафр город в Кампании. — II 6; III 5.

Венафранское масло масло из лучших оливок, собиравшихся в Венафре. — С 4 ст. 69; С II 8, ст. 45.

Венера I 2; I 13; I 15; I 18; I 19; I 30; I 32; I 33; I 7; II 8; III 10; III 11; III 16; III 18; III 21; III 26; III 27; IV 1; IV 6; IV 10; IV 15. Юб. г.; П I 6, ст. 38 (см. также Д и о н а, К и п р и д а, К и ф е р е я).

Венерин месяц апрель. — IV 11.

Венузия город у подошвы горы Вултура в Апулии на границе Лукании, родина Горация (н. Веноза). — I 28; С II 1, ст. 35.

Венункульский изюм род вяленого кампанского винограда. — С II 4, ст. 72.

Вергилий — 1) поэт Публий Вергилий Марон, автор «Энеиды». I 3; I 24; С I 5, ст. 41, 49; С I 6, ст. 53; С I 10, ст. 46, 82; П II 1, ст. 247; НП 54. 2) купец. — IV 12.

Вертумн италийский бог всяких изменений и превращений. — С II 7, ст. 15; П I 20, ст. 1.

Веста римская богиня домашнего очага. В храме ее поддерживался неугасимый огонь. — I 2; III 5; С I 9, ст. 35; П II 2, ст. 114.

Весы созвездие зодиака. — II 17.

Вибидий прихлебатель Мецената. — С II 8, ст. 21 и др.

Визельев тесть неизвестный, больной грыжей. — С I 1, ст. 105.

Виллий. Секст Виллий, приятель Тита Анния Милона и возлюбленный его жены Фавсты, дочери диктатора Суллы. — С I 2, ст. 64.

Винделики кельтское племя, жившее между Альпами и Дунаем. — IV 4; IV 14.

Винний по родовому прозвищу Asina («Ослица»). — П I 13, ст. 2.

Виски братья, сыновья Вибия Виска, друга Августа. — С I 9, ст. 24; С I 10, ст. 84; С II 8, ст. 20.

Воланерий игрок и кутила. — С II 7, ст. 16.

Волтей Мена глашатай. — П I 7, ст. 55, 65, 91.

Вольтур гора в Апулии, недалеко от которой было именье отца Горация. — III 4.

Воран вор. — С I 8, ст. 39.

Вулкан бог огня (греч. Г е ф е с т). — I 4; III 4.

Габии город в Лациуме. — П I 11, ст. 7; П I 15; ст. 9; П II 1, ст. 25; П II 2, ст. 3.

Гады (или Гадес) город на юго-западе Испании, основанный финикиянами (н. Кадикс). — II 2; II 6.

Газдрубал карфагенский полководец, разбитый римлянами на реке Метавре в 207 году до н. э. — IV 4.

Галатея морская нимфа, именем которой Гораций называет женщину, собирающуюся в плавание по Адриатическому морю. — III 27.

Галез река в Калабрии. — II 6.

Галлоний глашатай, осмеянный Луцилием. — С II 2, ст. 46.

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

Керавнское море часть Адриатического моря около Акрокеравния (н. Capo, Glossa или Linguetta). — I 3.

Керинф развратник — С I 2, ст. 81.

Кефей отец Андромеды. Его именем называется одно из созвездий. — III 29.

Кибирские товары из фригийского города Кибиры, известного своими изделиями из железа. — П I 6, ст. 33.

Килленская лира лира, изобретенная Меркурием (Гермесом), родившимся на горе Киллене в Аркадии. — Эп 13.

Кинфий одно из имен Аполлона, родившегося на горе Кинфе на острове Делосе. — I 21.

Кипр остров в северо-восточной части Средиземного моря, один из главных центров культа Венеры. Кипр был одним из крупных торговых центров и особенно славился своим корабельным лесом. — I 19; I 30; III 26; III 29.

Киприда одно из имен Венеры, происшедшей по одному из мифов из морской пены и вышедшей из моря на остров Кипр. — I 3.

Кир. 1) Основатель персидской монархии (VI век до н. э.) — II 2; III 29. 2) Юноша — I 17; I 33.

Киферея одно из имен Венеры, по острову Кифере, одному из центров ее культа. — I 4; III 12.

Клавдий Тиберий, пасынок Августа (см. также Нероны). — IV 14; П I 3, ст. 2; П I 9, ст. 1; П I 12, ст. 26.

Клазомены один из ионийских городов в Малой Азии. — С I 7, ст. 4.

Клио одна из муз. — I 12.

Клузийский источник Клузий (н. Chiusi) — город в Этрурии. — П I 15, ст. 8.

Книд город в Карии с храмом и статуей Венеры. — I 30; III 28.

Книдиец юноша, по имени Гиг. — II 5.

Коза созвездие. — III 7.

Козерог созвездие зодиака — II 17.

Кокцеий — юрист Луций Кокцеий Нерва, консул 39 года до н. э., посредник при переговорах между Антонием и Октавианом. — С I 5, ст. 28, 32, 53.

Колофон город в Ионии (в М. Азии). — П I 11, ст. 3.

Колхида страна на Кавказе (Имеретия и Мингрелия), с которою связаны мифы о походе Аргонавтов за золотым руном. — II 20; IV 4.

Колхидские яды подобные тем, какие изготовляла мифическая колхидская царевна и волшебница Медея. — II 13; Эп 17, ст. 35.

Колхидский огонь волшебное пламя, на котором колхидянка Медея изготовляла свои волшебные зелья. — Эп 5, ст. 24.

Конканы одно из диких племен в северной Испании, покоренное римлянами в 25—19 гг. до н. э. — III 4.

Коранус писец из коллегии квинквевиров. — С II 5, ст. 56, 64 сл.

Корвин Марк Валерий Мессала Корвин (64 до н. э. — 9 н. э.), оратор и историк. — III 21; С I 10, ст. 27 (см. также Мессала).

Корибанты жрецы Кибелы. Корибантами назывались также и жрецы Юпитера (Зевса) на острове Крите, другое название которых было «куреты». Первоначально куретами назывались хранители ребенка-Зевса, заглушавшие его младенческий крик, ударяя оружием о щиты, — I 16.

Корикский шафран с горы Корика в Киликии. — С II 4, ст. 68.

Коринф. — I 7; П I 17, ст. 36; П II 1, ст. 193.

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Книга вторая

Книга третья

СОДЕРЖАНИЕ

Книга четвертая

Юбилейный гимн

ЭПОДЫ

СОДЕРЖАНИЕ

САТИРЫ

Книга первая

Книга вторая

ПОСЛАНИЯ

Книга первая

СОДЕРЖАНИЕ

Книга вторая

НАУКА ПОЭЗИИ

Комментарии

Редактор Л. Е. Гальперин
Художественн. редакция
М. П. Сокольников
Технический редактор
Н. Н. Филиппов.
Наблюд. на производстве
А. М. Гайденков

*

Сдана в набор 17 I 1936 г.
Подпис. к печ. 21 IX 1936 г.
Тираж 5300. Уполн. Главлита Б-21369. Инд. А-1
Изд. № 208. У.-а. л. 19,75
Бум. 72 × 109 в 1/16 Бум. лист. 14,625. Зак. № 497.

*

Отпечатано в типогр. „Ленинградская Правда“ Ленинград, Социалистическая, 14.

Цена Р. 10 —
Переплет Р. 2.50

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Следует:*
IX	13 сн.	*tyrynni*	*tyranni*
XI	8 св.	Персей	Персий
9	12 сн.	этрусски	этрусских
57	2 св.	Металла	Метелла
94	6 сн.	каждый	жаждой
134	7 „	Нерид	Нереид
136	10 св.	Подробно	Подобно
207	4 сн.	Слушайте,	Слушай,
239	6 „	Фурия	Фурния
247	10 св.	мечом	мячом
271	16 сн.	на нашем	на нашей
278	4 „	Метимна	Метимны
336	7 св.	Детеги,	Цетеги,
359	14 сн.	Аврелий	Атилий
370	12 св.	I, 8).	I, 2).
372	12 „	Корнелия	Кальпурния
377	20 „	здесь же	здесь не
387	5 сн.	на формуле	на форуме
397	11 св.	Детеги	Цетеги
400	14 „	*Лава.*	*Дава.*
408	1 сн.	дактическим	дактилическим
413	20 св.	ст. 8; C I 3,	ст. 12; C II 3,
418	7 „	П 21;	I 21;
419	21 сн.	*Илиом*	*Илион*
420	12 св.	ст 66;	ст. 56;

Гораций